

Большой Литературный Клуб

альманах современной поэзии

2016

ББК: 84(2Рос-Рус)6-5
Б 799 165 стр. 2016 г

Предисловие

Уважаемые резиденты Большого литературного клуба и дорогие друзья-читатели! Закончился сезон БЛК 2016 года, и эта книга вобрала в себя всё то, над чем мы вместе с вами работали и с чем жили весь год. В альманахе современной поэзии БЛК-2016 включены все стихи, вошедшие в шорт-листы регулярных ежемесячных конкурсов Большого литературного клуба на сайте Стихи.ру, а также стихи, вошедшие в лонг-лист финального конкурса «Итоги года Стихи.ру-2016». Более двух с половиной тысяч стихотворений от авторов со всего земного шара поступили на конкурсы БЛК за этот сезон. 378 стихотворений от 302 авторов прошли в лонг-листы. 235 стихотворений от 188 авторов удостоились шорт-листов. По мнению экспертов стихотворения 12 авторов стали в этом году абсолютными победителями месячных туров. Это:

- МИХАЛИНА ДИКОВИЧ «Зимородок»
- ЯНА-МАРИЯ КУРМАНГАЛИНА «родиться бы над взморьем»
- ТРОФИМОВ ВАЛЕРИЙ «Сон про Арское поле»
- ЛЮСЯ ПИКАЛОВА «nothing compares to you»
- ОЛЬГА КОРЗОВА «По утрам тяжелеют обычные вещи...»
- ОЛЬГА ВЕДЁХИНА «Девушка едет в метро...»
- ВАЛЕНТИН ЕМЕЛИН «Бусы»
- ИРИНА ВАЛЕРИНА «О боги, боги»
- СВЕТЛАНА ШИРАНКОВА «Пристань сорока шоссе»
- АНДРЕЙ ФАМИЦКИЙ «никто»
- ЛЮДМИЛА КАЛЯГИНА «Аюттайя»
- ЮЛИЯ ШОКОЛ «а сейчас вылетит птичка»

Финальным аккордом литературного сезона Большого литературного клуба стал традиционный конкурс «Итоги года Стихи.ру-2016», где заслуженную победу по мнению всех экспертов в номинации «Лучшая подборка» одержали прекрасные участницы нашего клуба:

- БЕРТА ЛУЧЕВА и СВЕТЛАНА ШИРАНКОВА

В десятку сильнейших также вошли стихотворения замечательных авторов:

АЛЕКС ТРУДЛЕР, АЛЕКСАНДРА ГЕРАСИМОВА, ИГОРЬ ГОНОХОВ, ИРИНА РЫПКА, ЛЮДМИЛА КАЛЯГИНА, МИХАЛИНА ДИКОВИЧ, ОЛЬГА КОРЗОВА, ЯНА-МАРИЯ КУРМАНГАЛИНА

В номинации «Лучшее стихотворение» в пятерке победителей:

- «misanthropическое летнее», автор БЕРТА ЛУЧЕВА
- «середина августа», автор БЕРТА ЛУЧЕВА
- «Музыкант Сергеев в Нью-Йорке», автор АЛЕКСАНДР КРУПИНИН
- «слово и слова», автор ЕВГЕНИЯ КОСТЮКОВА
- «Городские легенды. Блуждающий дом», автор СВЕТЛАНА ШИРАНКОВА

Спасибо всем авторам, принявшим участие в конкурсах. Спасибо всем редакторам туров, номинаторам, экспертам. Весь ваш нелегкий труд собран в этом альманахе БЛК-2016, удобном для чтения. Наслаждайтесь современной сетевой поэзией 21 века! Всё кликабельно через Ctrl.

С уважением
редколлегия БЛК

Содержание

Предисловие	1
Содержание	2
Декабрьский тур 2015 года	8
НАТАЛИЯ ОСТАШЕВА. Попробуй-ка на глаз определи	9
БАЙ-ГО-ФУ. Сонет с посвящением.....	9
ДОМ АСТРЕЛИ. Кукольное чаепитие.....	10
ИРИНА КУЗНЕЦОВА. Медь	10
НИКОЛАЙ ЛОБАНОВ (ПАФФ ПИФФ). Война	11
АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ АНДРЕЕВ. Веди меня, холодная звезда ..	12
ЕЛЕНА ШИЛОВА ЛЕАНА. Гамельнское	12
СЕРГЕЙ ПИВОВАР. цыть	13
ВАДИМ ЗАВАРУХИН. Пока еще открыты окна	13
ЖЕНИС КАЗАНКАПОВ. Ее лицо.....	14
МИХАИЛ ДЫНКИН. сын Адама все хочет назвать	14
ТАТЬЯНА ЮРЬЕВСКАЯ. Илья.....	15
ФЛОРИАН БЛЭК. чернослив	15
НАТАЛЬЯ ПЕРСТНЕВА. Бесхозное	16
БОРИС ГРИНБЕРГ. Эмоциомы часть 1.....	16
АРСЕНИЙ Ж-С. Smoky fog.....	16
АЛЁНА АСЕНЧИК АЕФ. Четвертый рим.....	17
ОЛЬГА СУХАНОВА. Монетка.....	17
АНДРЕЙ МАРТЫНОВ СЛОВО. здесь не водится чудь	17
НАИЛЬ МЕЛИХАНОВ. Физалис	18
ТАНЯ АРСАК. Синичьи февраль.....	18
ВЛАДИМИР СОРОЧКИН. Деревянный мальчик	19
Январский тур 2016 года	20
МИХАЛИНА ДИКОВИЧ. Зимородок	21
МИХАИЛ ДЫНКИН. Марина	21
СЕРГЕЙ ПАГЫН. Росой студёной, птичьим молоком.....	22
ЮРИЙ ОКТЯБРЁВ. Ракурс.....	22
МАРИАННА БОРОВКОВА. На Гоголевском.....	22
ОЛЬГА ДОМРАЧЕВА. воды твоей реки	23
САБИНА ЛЕНИНА. искра.....	24
VALERI. Калинов куст.....	24
АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВ. последний автобус	25
ВЛАД МАЛЕНКО. Дом	26
ЕЛЕНА БОРОДИНА. Колесо.....	26
ИВАН ЗЕЛЕНЦОВ. Чайка	27
МАКСИМ СЕДУНОВ. Стамбул III	28
МАРГАРИТА КРЫМСКАЯ. Соната	28
ОЛЕГ ТУПИЦКИЙ. Что я хочу найти в ночном окне.....	29

АЛЬБЕРТ ЭМ. Лёнька.....	29
АЛЕКСАНДРА ИНИНА. Зимнее.....	30
АННА ГЕДЫМИН. Грохот. Крики.....	30
ВИКТОРИЯ КАЧУР. дежавю	30
ИЗ БУРГОСА. Вершины	31
Февральский тур 2016 года	32
ЯНА-МАРИЯ КУРМАНГАЛИНА. родиться бы над взморьем	33
ТРОФИМОВ ВАЛЕРИЙ . Сон про арское поле	33
ЛЮДМИЛА ПОКЛОННАЯ. за творогом	34
АЛЕКСАНДР ПЕТРУШКИН. Наконец-то нельзя.....	35
ДАНА КУРСКАЯ. Крысоловка	35
ОЛЬГА СУХАНОВА. По-пёсьи ли плакать.....	36
ДМИТРИЙ БЛИЗНЮК. Красный лес.....	36
АНДРЕА БИЧЕЛЛИ. в заначке.....	37
АННА ДЭ. внутри меня прозрачно.....	38
АНАСТАСИЯ СПИВАК. Люди-львы.....	38
OLEN (ОЛЬГА ГУЛИНКИНА). Неважно где	39
ТАТЬЯНА ШЕЙНА. Дом престарелый даже стоял с трудом... ..	39
АЛЁНА АСЕНЧИК АЕФ. Не навсегда	40
ИРГА РЯБИНА. Землекоп	41
АРТУР ЛЕОНИДОВИЧ ИСАКОВ. Без названия	41
ЛЮБОВЬ ЛЕВИТИНА. Берта и Миша.....	41
НАТАЛЬЯ ЧЕКОВА. дзен	42
ИРИНА ВАЛЕРИНА. Под циклоном.....	43
Мартовский тур 2016 года	44
ЛЮСЯ ПИКАЛОВА. nothing compares to you	45
ПЕРЕЛЕТНАЯ БАБОЧКА. Подснежное	45
ЮЛИЯ ЛЕЩЕНКО. Море	46
ИГОРЬ ГОНОХОВ. Мысли, которые приходят в голову.....	46
ОЛЕГ ПАРШЕВ. Торшер.....	47
СЕРГЕЙ ЧЕРСКОВ. Кошка	48
ЮЛИЯ ДОЛГАНОВСКИХ. Невесонность	48
ПОЛИНА ОРЫНЯНСКАЯ. Оказалось так просто	49
СЕМЁН КАЦ. Воспоминание о лете сорок пятого.....	49
ОЛЬГА ХВОРОСТ. Такая вот история.....	50
ОЛЕГ КАРПЕНКО. ***	50
МАРГАРИТА АЛЬ. Ангела золотая тень... ..	51
ИВАН ЛИВИЦКИЙ. de profundis	52
ИГОРЬ ЧУРДАЛЁВ. Слушаем птиц и ветер... ..	53
АЛЕКСАНДРА ГЕРАСИМОВА. ещё в прихожей загорится свет.....	53
ИРИНА РЫПКА. прости меня... ..	54
Апрельский тур 2016 года.....	55
МИХАИЛ ГОФАЙЗЕН. За давностью времен	56
БРАЗЕРВИЛЛЬ. Горизонталь	56
СВЕТЛАНА НИК ПЕШКОВА. Берега обетованные	57

АЛЕКС ТРУДЛЕР. вечная жизнь.....	57
АЛЕКСАНДР ПЕТРУШКИН (СИБИРСКИЙ ВОЛК). Остров	58
ОЛЬГА ВИРЯЗОВА. Вот бы самой загадать и выбрать.....	58
НАТАЛЬЯ ПАНИШЕВА. Красные бусы	59
ЕЛЕНА ЭЛЕНТУХ. Антоновка	59
ДМИТРИЙ БЛИЗНЮК. супер наив.....	60
ЕЛЕНА БОРОДИНА. Подсолнухи	60
САША ЛУРЬЕ. Сатурн	61
ЖИЛЬ ДЕ БРЮН. еретик	61
ВЛАДИМИР ПАУКЧТО. В ночном	62
ОЛЕГ ПАРШЕВ. Когда приходит весна.....	62
АННА АКЧУРИНА. Кропит наскальный часослов	63
ЮЛИЯ СЫЧЕВА. Мой ангел конвойный.....	63
ЛИПА ЛИПОВАЯ (ВИКТОРИЯ СМАГИНА). коулрофобия	63
СВЕТЛАНА СТИХАЧ. Дохлый номер.....	64
Майский тур 2016 года.....	65
ОЛЬГА КОРЗОВА. По утрам тяжелеют обычные вещи.	66
ОЛЬГА ВЕДЁХИНА. Девушка едет в метро.....	66
ВАЛЕНТИН ЕМЕЛИН. Бусы.....	67
ИРИНА ВАЛЕРИНА. О боги, боги.....	68
РУННА. ***	69
МАРИНА ЧИРКОВА. бабье лето	70
БЭЗИЛ СМИТ. Выходишь покурить в обледенелый	70
ЮРИЙ ОКТЯБРЁВ. Всё пройдёт	71
ЛЁША ИСХАКОВ. От мая.....	71
АЛЕКСАНДРА ГЕРАСИМОВА. мёд зачерпни порежь имбирь наполни чашку чаем	72
БОРИС КУТЕНКОВ. И вот мне приснилось, что нет украинской войны... ..	72
КОУККЕТ. Санторини	73
ДИАНА РЫЖАКОВА. Сука-любовь.....	73
АННА ПОПОВА. Страница.....	74
ЕЛЕНА ТАГАНОВА. Живая.....	75
Июньский тур 2016 года.....	76
СВЕТЛАНА ШИРАНКОВА. Пристань сорока шоссе	77
АНДРЕЙ ФАМИЦКИЙ. никто	77
АНДРЕЙ МАРТЫНОВ СЛОВО. я жил как все.....	78
ЕЛЕНА БОРОДИНА. Сны	78
АЛЕКСАНДР ПЕТРУШКИН (СИБИРСКИЙ ВОЛК). Подкидыш	79
АЛЕКСАНДР КРУПИНИН. Человек, побывавший однажды в городе N.....	79
НАТАЛЬЯ МАЛИНИНА. Вербное.....	79
ИРГА РЯБИНА. Зелёные зайцы.....	80
ОЛЬГА ДЕНИСОВА. Во сне я говорила по-монгольски	80
НЕЛЯ СЕМИРЕЧКИНА. Бродяжное	81
ЛЮДМИЛА ЯДЪ. В полях ромашковых раздольных.....	82
АЛЕКСАНДР ГАБРИЭЛЬ. Сценарий.....	82
ВИКТОР КАЛЬСИН. Мать говорит.....	83
РИТА КРУГЛЯКОВА. Тима	83

ИРИНА РЫПКА. простынь.....	84
ПЕТРА КАЛУГИНА. Стояли, курили	84
КАЛЬВИЯ КРИСПИНИЛЛА. Дания.....	85
РИММРИСТАЯ. Говорить о себе	85
Июльский тур 2016 года.....	86
ЛЮДМИЛА КАЛЯГИНА. Аюттайя	87
АННА ДЭ. там, где русалки выходят играть на речную мель.....	87
ЖИЛЬ ДЕ БРЮН. с войны.....	88
АЛЕНА БАБАНСКАЯ. чашка.....	88
АНДРЕЙ МАРТЫНОВ СЛОВО. Жили-были	89
МАША НЕ. О земле	89
ЛАНА СТЕПАНОВА. Мцыри.....	90
ЭЛЛЕН КАСАБЛАНКА. Истопник	90
N. REVER. Отсутствие абсцисс и ординат.....	91
ЕЛЕНА КАЦЮБА. Дождь на Ивана Купалу.....	91
АЛЕКСАНДР ДЕЛЬФИНОВ. Нигилист.....	92
ИГОРЬ БРЕН. Тотем	93
ВЛАДИМИР ЦЮПИН. Черный Воронов	94
СВЕТЛАНА СТИХАЧ. Переезжаем.....	94
ДОКТОР НО. битва.....	95
СТОЛЕТОВ. В готической пене соборов.....	96
ДМИТРИЙ МЕЛЬНИКОВ. Он шёл за стайкой тоненьких девчат	96
КОНСТАНТИН КОНДРАТЬЕВ. Эпилог из книги собачья родина	97
МИТИНА ЮЛИЯ. Крестики-нолики.....	98
ВАДИМ ГРОЙСМАН. Загрей.....	98
ЮРИЙ СЕМЕЦКИЙ. Улыбаясь одним уголком губ	99
ПОЛИНА ОРЫНЯНСКАЯ. Бестолочь	99
ИРИНА РЫПКА. Здравствуй, Жанна!.....	100
АННА-МАРИЯ СИТНИКОВА. Речное	100
Августовский тур 2016 года.....	102
ЮЛИЯ ШОКОЛ. а сейчас вылетит птичка	103
ЗИНАИДА ПАЛАЙЯ. Повремени	103
ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ. Шима Онейда	104
ПОЛИНА ОРЫНЯНСКАЯ. Война.....	105
СОФЬЯ РОЛДУГИНА. О физике и лирике	105
ЯНА-МАРИЯ КУРМАНГАЛИНА. свет заходит в комнату.....	105
ИНГА СТАШЕВСКА. Посмотри	106
АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВ. postfactum.....	106
НАИЛЬ МЕЛИХАНОВ. Синица.....	107
ЕЛЕНА ЭЛЕНТУХ. Рыбарь	107
ДОЛГУШИН АЛЕКСАНДР ВЛАДИЛЕНОВИЧ. Расклеенный мир	108
КРАСНОГЛИНЯНЫЙ ГОЛЕМ. Рельсовых неэлектрифицированных	108
СВЕТЛАНА БЕЛАЯ. И вот встречаешь такого в парке.....	108
СВЕТЛАНА НИК ПЕШКОВА. Город-ловушка	109
СВЕТЛАНА ХОЛОДОВА (ЧУЛОЧНИКОВА). Бражник	109
ТАТЬЯНА ЛЕРНЕР. Мёртвое море	110

ЕЛЕНА ФЕЛЬДМАН. Суд	110
Сентябрьский тур 2016 года	111
АЛЕКСАНДР СПАРБЕР. Степное.....	112
ОЛЬГА ДОМРАЧЕВА. Рождественское	112
ЧЕПУРНЫХ ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ. Полетав по холодной России	112
ПОЛИНА СИНЁВА. варенье из всех убегает кастрюль.....	113
КАТЯ СОЛДАТЕНКО. экслибрисы.....	113
АЛЕКС ГРИИН. Сорвусь	114
ОЛЬГА ВИРЯЗОВА. идти на свет	114
АЛЕКСЕЙ МИРОНОВ УРАЛ. Путь на Цикломену	115
ЮЛИЯ ДОЛГАНОВСКИХ. Мёд	116
ЕУЕ LEGALIZE. сотворение войны	116
ИНЕССА РОЗЕНФЕЛЬД. Взрывная волна эмиграции	117
ЖЕЛЕЗНАЯ КНОПКА. Окна смотрят на север.....	118
ЕВГЕНИЯ УЛЬЯНКИНА. Менора	118
АМИРАМ ГРИГОРОВ. Когда пройдет полстарости.....	119
ИВАН ЛИВИЦКИЙ. небо	119
КЛЕМЕНТИНА ШИРШОВА. привыкаешь к бесам.....	120
АНДРЕЙ БЕРДЗЕНИШВИЛИ. Я – новенький, блестящий пистолет.....	121
МУСКАТ МААСДАМ. проявленное.....	121
СЕРГЕЙ АРКАН. Августейшая ночь.....	122
ПЁТР ОВЧИННИКОВ. Квашенные Мыши	122
МАРИЯ ЗНОБИЦЕВА. Простая радость	123
ТАБИШЕВ КИРИЛЛ. пуговица.....	123
МАРИНА ЧИРКОВА. что это с нами	124
ЖЕНИС КАЗАНКАПОВ. А ты идешь.....	124
Октябрьский тур 2016 года	126
АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВ. провинция	127
МАРИЯ ХАМЗИНА. Поминальный мёд	127
ИГОРЬ ЧУРДАЛЁВ. Пастораль.....	127
ЗЕМСКОВ АНДРЕЙ. На пересылке во Владивостоке	128
ВЕРОНИКА СЕНЬКИНА. Там стоят фонари.....	129
ЛЮСЯ ПИКАЛОВА. люллабай.....	130
ЗОЯ БОЧИНСКАЯ. Осень	130
АРСЕНИЙ Ж-С. Двадцать четыре	131
АНДРЕЙ МАРТЫНОВ СЛОВО. ничего не надо	132
МАРИНА НЕМАРСКАЯ. Там, где Ириновский проспект.....	132
ТАТЬЯНА КОМИССАРОВА. Дунаевский.....	133
АНТАНАРИВУ. гладиолусы	133
ВЛАДИСЛАВ ДЕКАЛОВ. И тогда, оказавшись по разные стороны.....	134
ГРИГОРИЙ БЕРКОВИЧ. Если можно из бумаги.....	134
ПЕЛЁВИН. Ё	135
ГАЛИНА ИЗЗЬЕР. Воспоминание о коллекции	135
КООМА. В уютном мирке	135
ДИМА. Мне что-то хочется сказать.....	136
ШВЕДОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ. неизвестный сонет Франческо Петрарки	136

ГЕВОРК. Память сердца	137
НАДЕЖДА ДАЛЕЦКАЯ. Нэцке.....	137
НАТАЛЬЯ ЧЕКОВА. Твой номер.....	137
АЛЕКС ТРУДЛЕР. Рубашка	138
СМАРАГДА. Огонь!	138
Ноябрьский тур БЛК«Итоги года Стихи.ру-2016».....	140
БЕРТА ЛУЧЕВА. misanthropическое летнее	141
БЕРТА ЛУЧЕВА. июль	141
БЕРТА ЛУЧЕВА. середина августа.....	141
СВЕТЛАНА ШИРАНКОВА. Городские легенды. Блуждающий дом	142
СВЕТЛАНА ШИРАНКОВА. Страна дураков	142
СВЕТЛАНА ШИРАНКОВА. Накануне.....	143
ИРИНА РЫПКА. в деревеньку маленькую	143
ИРИНА РЫПКА. проснись ко мне	144
ИРИНА РЫПКА. я ли тебе не ялик	144
АЛЕКС ТРУДЛЕР. третий лишний	144
АЛЕКС ТРУДЛЕР. гордей	145
АЛЕКС ТРУДЛЕР. напиши мне письмо.....	146
АЛЕКСАНДРА ГЕРАСИМОВА. поговори со мною дворник	146
АЛЕКСАНДРА ГЕРАСИМОВА. роился снег под лампой	147
АЛЕКСАНДРА ГЕРАСИМОВА. бог дал мне всё.....	147
ОЛЬГА КОРЗОВА. По снегам осторожно ступая.....	148
ОЛЬГА КОРЗОВА. О Тихоне земля смиряет ход.....	148
ОЛЬГА КОРЗОВА. Кузнечик	149
ЛЮДМИЛА КАЛЯГИНА. Водовозное	149
ЛЮДМИЛА КАЛЯГИНА. Стихийное.....	149
ЛЮДМИЛА КАЛЯГИНА. Карандашное	150
ИГОРЬ ГОНОХОВ. Шерочка и Машерочка.....	150
ИГОРЬ ГОНОХОВ. Куст	151
ИГОРЬ ГОНОХОВ. Коробок	151
МИХАЛИНА ДИКОВИЧ. Луна во мне.....	152
МИХАЛИНА ДИКОВИЧ. Скрипачка	153
МИХАЛИНА ДИКОВИЧ. Это такая особая глухота	154
ЯНА-МАРИЯ КУРМАНГАЛИНА. в кафетерии.....	154
ЯНА-МАРИЯ КУРМАНГАЛИНА. над аллеями.....	154
ЯНА-МАРИЯ КУРМАНГАЛИНА. в темноте ворочаясь.....	155
АЛЕКСАНДР КРУПИНИН. Пунцовый филин	155
АЛЕКСАНДР КРУПИНИН. это путь на калище.....	156
АЛЕКСАНДР КРУПИНИН. Музыкант Сергеев в Нью-Йорке	157
ЕВГЕНИЯ КОСТЮКОВА. слово и слова.....	158
ЕВГЕНИЯ КОСТЮКОВА. две стрекозы, сплетённые любовью.....	159
ЕВГЕНИЯ КОСТЮКОВА. голос.....	159
По алфавиту	160

Декабрьский тур 2015 года

Подано заявок – 160
Отборочный тур – 65
Отборочный тур резидентов – 69
От номинаторов и квота ГР – 26
Лонг-лист – 38
Шорт-лист – 22

– редакторы отборочных туров

Елена Анирусс
Иван Грозный
Григорий Горнов
Мара Махнатая
Михаил Минаичев

– номинаторы

Юлия Долгановских
Руслан Рафиков
Саша Лурье
Валерий Поланд
Илья Рывкин
Любовь Левитина
Олег Бабинов
Сергей Беленко
Анна Гердмар
Международный поэтический клуб Рифма.ру
Поэтический альманах «45 параллель»
Литературный сайт «Термитник поэзии»
Клуб творческих личностей «Решетория»

– эксперты

Анастасия Лиене Приедниеце
Регина Соболева
Борис Панкин

НАТАЛИЯ ОСТАШЕВА. Попробуй-ка на глаз определи

попробуй-ка на глаз определи
пока зима касается земли
пока луна проста и однобока
и волны после третьего урока
совсем не то на берег принесли

который час для каждого из нас
и что мы сможем враз определять
припасть к оси убавить свет иное
узнать правописание паранойи
или стоять вот так не шевелясь

ты подобрал как солнце из воды
просчитанные осенью ходы
пока декабрь всё выше и быстрее
подпрыгивал в нетерпеливом тее
и вот теперь стоишь и угадай

и намекаешь где-то не тому
про почему ты здесь и потому
про никогда всегда чуть-чуть отчасти
и может быть про временное счастье
или как тихо осенью в крыму

не разберу и ты не повторишь
и лишь обводишь лишь обводишь лишь
ботинком на песке следы на вырост
приехал до среды скажи на милость
поёшь про клён скворечник мастеришь
но ни о чем таком не говоришь

БАЙ-ГО-ФУ. Сонет с посвящением...

Борису Гринбергу

Идущий заживо куда глаза
глядят, пугает наготой прохожих.
Играет свет на рукописной коже.
Слова искрятся буквами назад.

Ни тощих стай ему, ни тучных стад.
Он по странице вырвался из Книги
причин и следствий... Тонет в общем крике
над городом разбитый райский сад.

Простейший организм прекрасно сложен,
он тот, чей путь Господень бездорожьем,
несущий рай в себе сквозь сущий ад.

Нет государств, нет наций, нет религий...
Довольствоваться малым как великим,
и жить туда, куда глаза глядят.

ДОМ АСТРЕЛИ. Кукольное чаепитие

я принимаю мир, как дивность и данность,
 так уж сложилось,
 так уж карта сыгралась.
 правила неясны, но кто-то большой и ласковый
 там и сям разбросал подсказки
 на неизвестном наречии.
 их собираю доверчиво,
 не утруждая себя переводом –
 по природе разум для этого не приспособлен.
 так что, я вряд ли смогу весомо
 объяснить, почему эта цапля и лист бамбука –
 единой формы,
 почему я чувствую приближение шторма
 раньше, чем небо затянется антрацитово-серым.
 в сущности, всё это – проявления веры
 в том исходном онтологическом смысле.
 среди тысяч потёртых истин
 моя – неказистая –
 песочный коржик, выпеченный
 маленькой девочкой – руки в муке и передник в тесте.
 мой господь неизменно весел,
 получает удовольствие от того, что дышит
 жабрами в окуне, льётся дождём по крышам,
 принимая всякую форму – ничто для него не мелко.
 девочка раскладывает коржики по тарелкам
 и накрывает стол для фарфоровых кукол.
 куклы вздрагивают –
 входит господь без стука...
 в каждую – вот ведь какая штука.

ИРИНА КУЗНЕЦОВА. Медь

Табличка «В парк», а парка нет в помине.
 Трамвай на перекрестке дребезжит,
 И мегаполис множит этажи,
 Пытаясь оторваться от равнины.
 Всё меньше света дню принадлежит;
 Ты в сетке дел, как муха в паутине,
 И год к концу, а осень – к середине
 Склоняется, меняя падежи:
 Сначала лист, потом дожди и крупка,
 И взгляду твоему наперерез
 Всё падает и падает с небес
 Под ноги то, что скользко или хрупко.
 Уже пора о чём-нибудь жалеть,
 Внимая с меланхолией уместной,
 Как сквозняками уличных оркестров
 Октябрь из труб вылушивает медь.

Когда тебя теряют безвозвратно
 Дырявые карманы площадей,
 Осмелишься – и сам собой владей
 Среди колонн поротных и парадных.
 Катись один потёртым пятаком,

Всё тот же дурень круглый, неразменный,
Катись по ободку своей Вселенной,
Минуя люки сточных катакомб.
Раз по ребру прочерчена межа,
Решись пойти с собой на мировую –
Орлом иль ряшкой пасть на мостовую
К подошвам хладнокровных горожан.

Не привыкать довольствоваться малым –
Закрывать глаза на невесомый снег
И ощутить бронёй усталых век
Его прикосновение к металлу.

НИКОЛАЙ ЛОБАНОВ (ПАФФ ПИФФ). Война

Прижавшись нехотя к весне,
Перебираешь быта грани...
А может истина в войне –
На урожайном поле брани?

Напасти катятся волной,
Чужое прошлое итожа:
Ничто не вечно под луной
(Да и луна не вечна тоже).

Забыв о времени лихом,
Врастаем бедами в разруху,
И сон несбывшийся – грехом,
И тишина – лебяжьим пухом.

Нарезан хлеб, заварен чай,
Но в поле мечется дорога,
Ненормативна грусть-печаль
И осязаема тревога...

Кровь запеклась на колоске...
Всевышний гневно сводит брови
И наша ночь – на волоске,
И новый день на честном слове...

Обид вчерашних едкий дым,
Природа набожна и хмура...
И сердцем чувствуешь седым,
Что пуля всё-таки не дура.

Умыться наскоро росой
И врачевать рассвет чекушкой...
А у дороги – жизнь с косой
И смерть в шинели, с погремущкой.

Перечеркнув десятки лиц,
Уже в добро не веришь слепо
И переспрашиваешь птиц:
А есть ли солнце после неба?..

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ АНДРЕЕВ. Веди меня, холодная звезда...

Веди меня, холодная звезда,
чьё гибелью сияние чревато,
туда, где, провожая поезда,
я приближался к точке невозврата;

туда, где, просыпаясь поутру,
я ощущал постыдное веселье,
а в парке скрежетали на ветру
скелеты полумёртвых каруселей;

где той реки оледенелой брег
снега на четверть вечности сокрыли,
где жарил сильно выпивший узбек
ощипанного ангела на гриле;

где в пальцах, не просохших от чернил,
стихами, будто спичками, балуя,
я нёс домой и бережно хранил
какой-то недотроги поцелуи;

туда, где, промолчав на все лады,
зима предвосхищала лютый вечер
и заметала свежие следы –
– архангеловы, волчьи, человечьи...

ЕЛЕНА ШИЛОВА ЛЕАНА. Гамельнское

Он всегда приходит из ниоткуда,
Словно шорох капель по черепице,
В час, когда туманом восток окутан
И смолкают разом ночные птицы.
Старый плащ с опущенным капюшоном
Защищает лучше иных доспехов,
Но всегда, откуда бы ни пришел он,
По пятам чуть слышно крадется эхо.
Затаив дыханье, он осторожно
Гладит тени серые по загравкам.
В колыбельной, трепетной и тревожной,
Скрыт осенней нежности горький привкус.
В каждой ноте странно знакомой гаммы
Ждет дорога, только идти – ему ли?
Путь измерен крошечными шагами
В лабиринтах узких и темных улиц.
Тишина и звук – колдовские нити,
Город спит под шелковой паутиной.
Песни тоже лгут, но к чему винить их,
Если это сказка наполовину,
Если сердце сбившимся метрономом
Отмеряет такты, минуты, годы...

Каждый вечер я выхожу из дома,
Чтоб идти на зов своей несвободы.
Я давно не жду ни шагов, ни чуда,
Ни свечных огней в черных дырах окон.

Я уже не знаю, чего хочу я
И смогу ли выбраться из потока,
Что несет меня так легко и мягко,
Будто лист опавший держа в ладони.
На рассвете дождь пахнет дикой мятой.
На рассвете сны – не сыскать бездонней.
Но покуда небо черней агата,
Ночь в горсти катает предчувствий щебень.
Я не знаю – прятаться, убежать ли,
Чтобы утром грезить о возвращенье?

Явь течет рекою меж берегами,
Время стынет патокой – вязкой, клейкой.
Я бездомной крысой ищу свой Гамельн,
Чтобы вновь услышать звучанье флейты.

СЕРГЕЙ ПИВОВАР. цыть

утопила баба поутру ведро
а самой-то не достать без мужика
летось помер этим часом на руках
лишь успел сказать сигарочку не тронь

уж она его просила милый брось
чай осколок ну куда тебе дымить
да напрасно так бывало гаркнет цыть
что неделями чаёвничали врозь

а в ту ночь ему не кашлялось совсем
и она-то в кои веки проспала
знать бы раньше что болезный умирал
не пилила б мужа давеча во сне

не видать ни зги в колодезной воде
только сруба край и дымом облака
без хозяина не сладится никак
вот и мается хозяйка овдовев

ВАДИМ ЗАВАРУХИН. Пока еще открыты окна

пока еще открыты окна
еще желанны сквозняки
покуда бархатны волокна
ветров скользящих у щеки

ещё легко из теплых спален
нырять на дно воздушных ванн
сезон сонлив и ритуален
как престарелый бонвиван

ещё на воле полы курток
велосипед не в гараже
ещё в пруду покормим уток
ещё, но многое – уже

уже в шкафах тряпичный дьявол
балует спицей и иглой
и шерстяное одеяло
в пододеяльник залегло

ещё немного повистуем
на масти пиковой двойным
а там и голову пустую
займем убором головным

а те страницы книги судеб
что чуть помяты но чисты
сложили вчетверо и сунем
между вольтером и толстым

ЖЕНИС КАЗАНКАПОВ. Ее лицо...

ее лицо – спил дерева,
жучками лет потраченный,
а внучка лечит пальчиком
и, что пройдет, уверена.
а внучка и не первая,
а скоро и девятая.
слабеют руки бранные
и ноют «виноваты, мол».
а раньше всё держалось в них,
а уж детей – подмышками.
не стареньким старик утих –
жаль, слова не расслышала.
а сын в далеком городе,
и дочери хорошие.
крикливые и бодрые,
лишь рынком чуть поношены.
от них пришли рабочие
сейчас, спилили дерево.
отец сажал для дочери.
да надо так, наверное.
блестит слезой спил дерева.
за дерево заплачено.
по кольцам водит пальчиком.
исчислена, измерена.

МИХАИЛ ДЫНКИН. сын Адама все хочет назвать

сын Адама всё хочет назвать
назовёт и запишет в тетрадь
только к этому он и пригоден
только этим его голова
где шумят золотые слова
и на цыпочках музыка ходит

сын Адама сияющий сад
бормотаньем наполнит и рад
а присмотришься — нет ничего там
разве лишь меж замшелых камней

извивается вкрадчивый змей
и лягушки поют по болотам

что и этого хватит с лихвой
сын Адама качнётся ольхой
прыгнет тигром, замрёт богомоллом
вознесётся ли вместе с Лилит
над Содомом, сойдёт ли в Аид
с дочерью Евы и чернью Гоморры

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВСКАЯ. Илья

Между ключьями леса и диким полем на просторах святой Руси,
Где, скитаясь почти что в любую пору, лишь дорожную грязь месить.
Там, где дыма неделями не почувешь, не отыщешь почти жилья,
В кривобокой и ветхой своей лачуге жил да был богатырь Илья.
За добро на словах он платил сторицей, и, не зная тому причин,
За прошедшие где-то уже лет тридцать не пытался встать с печи.
В доме тихо и пусто, и постоянно пахнет ладаном и бедой.
Огород возле дома зарос бурьяном, с крыши капает в сильный дождь.
А Илья все мечтает судьбу накликасть – ночью тошно, хоть волком вой –
Может быть, по деревне пройдут калики, исцеляя любую хворь?
С благодарностью примут позавчерашний залежавшийся каравай.
Ну а после посмотрят светло и страшно и прикажут ему: «Вставай!»
Вот тогда-то он встанет, расправив плечи – задрожит, заскрипит изба –
Позабудет о прежних своих увечьях, на глазах изумленных баб
Кладенец, словно палку, небрежно взвесит (или что там ему скуют?)
И отправится в путь по полям и весям – защищать неразумный люд...
В сотый раз на луну заменился месяц, вновь потопом прошла орда.
А Илья все лежит на привычном месте, неухожен и бородат.
И вполне ничего, притерпелся вроде да в окошко смотреть привык,
Размышляя, ну где же так долго бродят клятой русской земли волхвы?
Пыль над пегой дорогой устала виться, тени выцвели на ветру.
Время плесенью выело половицы, подточило корявый сруб...
Где пасхальную писанку небосвода подпирает могучий дуб,
Схоронили Илью на погосте, одадь, поминая чужую дурь.
За годами неспешно проходят годы.
А калики еще идут.

ФЛОРИАН БЛЭК. чернослив

сложно быть искренней трудно по совести говоря
мысли клубком речь безобразной личинкой
шипящие звуки спеша выползают из букваря
шипя вылупляются фразы с двойной начинкой

примат языка говорение лепет галдеж
пение щебетание бредни надрыва немножко
маска гротескная рот экспонирует ложь
майкл джексон гримаса на тоненьких ножках

сначала купаж потом хаотичный разлив
смыслы кристаллизуются и выпадают в осадок
антрацит агат каракурт чернослив чернослив
черное покрывало со множеством складок

НАТАЛЬЯ ПЕРСТНЕВА. Бесхозное

Когда по всей земле идут дожди,
 Когда пробитой грудью навалилось
 Большое небо, будто впереди
 Нет ничего и прошлое случилось
 В другом рассказе с кем-нибудь другим,
 А ты еще и цел, и невредим,
 Такой бесхозный, как забытый зонтик, –
 Стоишь себе и думаешь – не троньте
 Ни этот дождь, ни дурака под ним,
 Ни корабли на смывом горизонте –
 Пусть зажигает Эльмовы огни...

БОРИС ГРИНБЕРГ. Эмоциомы часть 1

1.
Немота, молчанье – сиречь разновидности речи,
Обладающие чертами всеобщего сленга.
2.
Иногда, чтобы постигнуть свою невечность,
Бывает достаточно легкой боли в коленке.
3.
Расстоянье до звезд не зависит от скорости взгляда,
Хотя глаза и внутренний голос утверждают обратное.
4.
Бесконечность и вечность – понятия, сбежавшие вон из ряда,
Лишавшего смысла теорию вероятностей.
5.
Луна вызывает признанья в любви, приливы, и всякую нежить,
Солнце, что сможет, исправит, но далеко не все.

P. S. Если небо и дальше будет так снежить,
 Всех, да и все занесет.

АРСЕНИЙ Ж-С. Smoky fog

Парк на окраине. Стрекочет один кузнечик.
 Мимо беззвучно катится велосипед.
 Муторно тянется в сумерках тусклый вечер.
 Говорить, вроде, не о чем... или каждому о себе.

Похолодало. Набросишь пиджак на плечи.
 Щелкнула спичка. Ладонью закроешь свет.
 Липовый запах, приторный и аптечный
 разбавляется дымом тлеющих сигарет.

На горизонте чернеет сталелитейный,
 будто бы держит двустволку. Стелется серый смог,
 как после выстрела...

Падает лист. Аллея
 удивлённо сползает в ночь...
 и кузнечик смолк.

АЛЁНА АСЕНЧИК АЕФ. Четвёртый рим

Грустный город спит, распластав дороги и провода,
 ни пароль от грусти, ни её секрет никому не выдав...
 Помести этот город, однажды и навсегда,
 в зеркало заднего вида.

Зачерпни – на дорожку – немного его реки;
 в ней вода мертва, но она от бед, говорили, лечит.
 Зачерпни – и выпей. Не пакуй походные рюкзаки:
 будут свободны плечи...

Сохрани в себе эти спящие улочки и дома,
 что черны под слоями ночи, словно обувь под гуталином.
 Сохрани, чтобы вспомнить, когда загрустишь сама:
 клин вышибают клином.

И когда в душе ярой жизнью заблагоухает сад,
 и любой сюжет станет важным, неповторимым,
 ты увидишь, что тихий город, всеми другими над,
 выжил Четвёртым Римом.

ОЛЬГА СУХАНОВА. Монетка

Отмахнулась я от всерьез любивших.
 Для того дышу, кто меня не видит.
 На мосту под ветром застыла нищей.
 Приняла, как есть. Не держу обиды.
 Трескаются губы, да руки в цыпках.
 Ты пройди по мостику, мой хороший,
 Отведи глаза, оборви улыбку
 И швырни в стакан мне дырявый грошик.
 Ни на что твой грошик я не потрачу,
 На шнурке повешу его на шею.
 А потом судьбу поверну иначе
 И тебя забуду – смогу, сумею.
 Перееду в богом забытый город –
 Дом, у дома сад, за окошком ветки.
 Но всегда носить мне под горло ворот
 И скрывать ожог от твоей монетки.

АНДРЕЙ МАРТЫНОВ СЛОВО. здесь не водится чудь

здесь не водится чудь
 но всё чудится водь
 и нельзя ни чуть-чуть
 никогда ничего

здесь воруют причал
 но не чалится вор
 и нет проку в речах
 что речёт прокурор

здесь сотрут до кости
но за труд не скостят
а рождённый ползти
будет в сказках крылат

здесь тиранов на грудь
колют вместо отцов
и на всякое – будь
отвечают – готов!

НАИЛЬ МЕЛИХАНОВ. Физалис

Престранный дом: на венском стуле
перчатки, потерявшие отца,
из комнаты, медлительнее пули,
– клубок кота – без звука, без хвоста.
До сердца высохший физалис
роняет плод, похожий на упрёк,
вот кашлянуло (нет, мне показалось)
манерное трюмо и поперёк
фокстротами запиленного диска –
времясниматель с острою иглой ...
запахло «Живанши» и «Плиской»,
а может быть – клопами и Москвой.
Сухой гортанью пролистаю стансы,
где чёрный хлеб и дикий воробей...
дом, как аэроплан, взлетит в пространства,
покоцанные злостью февралей.

ТАНЯ АРСАК. Синичьи февраль

Замотанная в розовую шаль,
Заря залюбовалась облаками,
На жёрдочке нахохлился февраль,
Ветра с утра сугробы долакали.
Синички рассыпают бубенцы,
Сороки носят байку с бороною,
Что юные весенние гонцы
Застряли в пробке под Карагандою.

По разным городам – наперебой
Проваливая жизненный экзамен,
Мы никогда не встретимся с тобой,
А встретимся – друг друга не узнаем.
Пройдём, как в океане корабли –
Ты к берегам семейным, я – правее –
Кормить свои синичьи февраль
Стихами о студёном ветросвее.

.
Диктуют что-то Музы про «потом»;
На почте сотни писем: «Я бы с Вами...»;
Период песен мартовских котов,
Грачиной суеты, собачьих свадеб...
Обрывки отношений теребя,
Воспоминаний рой не по погоде...
И все стихи похожи на тебя –
Придут, напьются сердца и уходят...

ВЛАДИМИР СОРОЧКИН. Деревянный мальчик

Дерево пахнет деревом. Сгорбленный Буратино
Балуется со спичками, точно Бородино –
Это игра в солдатики. Если бы не рутинка,
Был бы и он пожарником ростом с веретено.

Он постигает азбуку, и на руке без счёта
Колет иглой чернильнойю точки перемен,
«М» выводя, но буква застыла что-то,
Без завитка последнего выглядя буквой «N».

Он тормозит извилины, чешет сухое ушко,
Смотрит на мир сквозь синие дырочки в голове,
Но улетел в Монголию шарик, цветная тучка,
Шитая белыми нитками братьями Монгольфье.

Январский тур 2016 года

Подано заявок – 210
Отборочный тур – 81
Отборочный тур резидентов – 105
От номинаторов и квота ГР – 24
Лонг-лист – 36
Шорт-лист – 20

– редакторы отборочных туров
Светлана Тимашева
Филипп Хаустов
Любовь Левитина
Ольга Суханова
Олег Паршев

– номинаторы
Инга Сташевска
Юлия Долгановских
Валерий Поланд
Олег Бабинов
Сергей Беленко
Анна Гердмар
Международный поэтический клуб Рифма.ру
Поэтический альманах «45 параллель»
Литературный сайт «Гермитник поэзии»
Клуб творческих личностей «Решетория»
Альманах поэзии «Буквица»

– эксперты
Ирина Андронати
Александр Мельник
Владимир Маркин

МИХАЛИНА ДИКОВИЧ. Зимородок

Между нами четыре года и три страны,
миллионы секретов под грифом «Беречь от взрослых»,
заколдованный лес нерешённых пока вопросов,
беспокойные, одинаковые сны.

Между нами солидная стопка любимых нот,
добродушных подтруниваний и шаржей.
В то январское утро я стала навеки старшей,
как-то сразу решив за обеих глядеть вперёд.

Разметало по свету – вилами по воде –
безгранично наивных, ветреных сумасбродок.
Легкокрылая пташка, девочка-зимородок –
что мне сделать, чтоб ты не грустила в свой главный день?

Как тебя защитить от такой непростой зимы,
притвориться, что всё – бестолковая чья-то шутка...
Обнимаю тебя, и становится как-то жутко,
что отныне взрослые – это мы.

МИХАИЛ ДЫНКИН. Марина

Марина курит, стоя у окна.
Марина или, может быть, Ока
впадает в шум гостиничный, сшибая
столы и стулья,
синими шипами
пронзая коридорного, пока
я думаю – ни слова о Мари...
Спасаются наружу комары.
Вздыхают липы.
И почтовый голубь
несёт письмо в потусторонний город,
съезжающий с Кудыкиной горы.
Там, воротясь со службы, имярек
конверт разрежет и увидит снег,
сирень в цвету и дуло пистолета,
нащупавшее ямку у виска,
поскольку не Марина, а тоска
стоит в снегу и пишет это лето.
И будет адресат ревнив и жёлт
лицом, но, вероятно, не нажмёт
он на собачку – станет жать на жалость,
чтоб у Марины челюсти разжались,
и лёд январский превратился в мёд.

Тогда-то на сетчатке двойника
и заискрится женщина-Ока.
И полдень, заполняющий каюту,
уйдёт на дно, в последнюю минуту
метнув окурочку в красный бок буйка.

СЕРГЕЙ ПАГЫН. Росой студёной, птичьим молоком

Росой студёной, птичьим молоком
ты выводил слова свои о том,
что всё есть свет – и камень, и ветла,
и легкая остывшая зола.

Шипом древесным, золотой иглой
писал ты знаки в тишине ночной
на рисовой бумаге пустоты,
на глади расколдованной воды,
на шёлке неба, на холсте снегов,
на тонкой кальке предрассветных снов...

Когда однажды некто тихим днём
держат всё это будет над огнём,
над пламенем, в себе таящем тьму,
что явится молчащему ему?

ЮРИЙ ОКТЯБРЁВ. Ракурс

Большое плохо видится вблизи,
для перспективы нужно встать подальше,
тогда и взгляд свободно заскользит,
в деталях не отыскивая фальши.

Отмерят нужный ракурс проводки,
вцепившись в грудь гирляндами присосок,
а капельница ляжет вдоль руки
изгибом знака главного вопроса –

успеешь ли увидеть целиком,
остановившись в точке невозврата,
картину, на которой волоском
налипла неразборчивая дата?

И, по большому счёту, лишь она
не знает места в стройности сюжета,
где счастье жить, испитое до дна,
глядит тебе в глаза с автопортрета.

МАРИАННА БОРОВКОВА. На Гоголевском

На Гоголевском светлая печаль
Ложится (с)нежной предрассветной пудрой
И осторожно тает на плечах
Московского простуженного утра,

И в окнах гаснут медленно огни,
И тает, тает сладкий сдобный запах,
А человек на шарф меняет нимб,
Отчаянно стараясь не заплакать,

Пьёт крепкий кофе в маленьком кафе
 На Гоголевском, смотрит кротким взглядом,
 Как чистят перья в радужной листве
 Смешные воробьиные отряды –

Их доля городская нелегка...
 И видит человек, что вдоль витрины
 По Гоголевскому идут снега –
 Торжественно и неостановимо,

И редкие прохожие спешат,
 Торопятся, а город, их жалея,
 Перестаёт взволнованно дышать,
 Становится светлее и теплее,

Бодрее духом и ясней лицом,
 И человек, терпение теряя,
 Нарядное Бульварное кольцо
 На палец безымянный примеряет.

ОЛЬГА ДОМРАЧЕВА. воды твоей реки

воды твоей реки темны, глубоки.
 на берегах – чертополох,
 синеголов,
 рви, но смотри, не порань руки –
 будет веночек тернов.

воды твоей реки шелестят: плыви
 щукой ли стерлядью, нельмой
 плыви, плотвой
 мимо ветловых склонённых вый,
 время тебе – водой.
 *

время моё/твоё – золотой песок
 на синеполоховых берегах реки.
 слышишь, как мой колыхнется голосок?
 ты на него теки.

там, где Иртыш вбирает песок губой –
 сладок укус шипа.
 здесь, не заметим как,
 прошлых обид засушенный ветробой
 прочь унесёт река.
 *

где шепелявый ветер, найдя причал,
 выдохнет,
 сплюнет чертополох,
 брызги легонько смахнёт с плеча
 русоголовый бог.

время волной прибьётся к босым ногам,
 время мое/твоё –
 золотой песок.
 дай на двоих в своем царстве нам
 синеполошный сон.

САБИНА ЛЕНИНА. искра

Один из юных атеистов
 замороженно смотрит, как
 точильщик сыплет божьи искры,
 и отражаются в зрачках
 свет лампы, палочки сангины,
 палитра в масляных цветах,
 ступают девочки нагие
 в туманы белые холста.
 Прекрасны танцы королевен.
 В своих томленьях одинок
 ночами детские колени
 им лижет нежный колонок.
 День серый щерится крысенком.
 Вороний плащик на судьбе.
 Расчавканный угрюм-проселок,
 в щепы раскрошенный мольберт.
 Крик заполошный – будто мамин,
 мельканье золоченых спиц.
 И шепот мальчика с крылами :
 «Нет никакого бога. Спи»

VALERI. Калинов куст

Как пахли на Урале огурцы!
 как пахли васильки на сеновале!
 как бабочки цветы там целовали,
 как тонко разливали чабрецы
 дурман, который тут же выпивали –

кому не лень, – кто так же, как и я,
 не пребывал при том, – а в небе растворялся,
 причудливая, странная семья,
 среди них – телёнок, лестница и трасса,
 (точнее – тракт, змеящийся в поля).

И я висел, дурной и молодой
 на ветках нескончаемых черёмух,
 пока покой полуденного дома
 сливался с вековечной дремотой,
 и было всё до ужаса знакомо,

и не было и мысли о былом,
 как не бывало будущего сроду,
 обломовы не знали про облом,
 и было столько в разную погоду
 чудес в лесах, и всепрощёных слов,

что сколько ни раздашь теперь богатства,
 всё столько же останется с тобой,
 и жизнь жалеть – пустое святотатство,
 поскольку в ней засвечена любовь.

...А вот бы летом нам туда податься!

По слухам, там луга полны травой.
Но косарей костры в потёмках редки,
и глухо плачут под крестами предки,
и ночи ухают потерянной совой,
и в горнице рассохлись табуретки.

Черёмух нет. Дома стоят пусты.
И заросли следы, где были прясла.
И в заросли, в калиновы кусты
запал туман и где прудами ряска
так мирно плавала, теперь увидишь ты...

Мне легче рассказать, что не увидишь.
Народа нет. И нет тропинки в клуб.
Да что тропинки! Был бы я в обиде
когда бы детство бегало вокруг?
Но детства нет, зовите – не зовите.

Не рвет гармошка душу как меха,
и свадьбы не гуляют по полночи,
как будто здесь прошёл монгольский хан,
как будто бы черёмух многоточье
наобещало горе от греха...

Нет, мой товарищ, в воду не войти –
тягучую, утекшую однажды,
так видно будем – до конца пути
(весь мир – пустыня) –
изнывать от жажды,
не находя, кого просить простить.

И лишь душа – по брошенной земле –
как тень дымка от тех костров бывшего –
скользит и исчезает, заболел.
И больше ей не вымолвить ни слова.

АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВ. последний автобус

Сквозь снежное зыбкое утро,
сквозь мартовский колотый лёд
знакомый автобус маршрутный
огнём поворотным моргнёт
и встанет у леса на бровке,
где снег (или млечная взвесь?)
ложится на скат остановки —
последней, по-моему, здесь.
И, может, за снегом над скатом
закружится шар голубой,
которым мы вместе когда-то,
обнявшись, шагали домой
и думали, всё тут неважно,
и верили, что не всерьёз,
пока нас водитель однажды
в последний предел не завёз.
Да нет, не в предел и не в сумрак —
в такое вот, знаешь, «везде»,

откуда автобус раз в сутки
к полярной отходит звезде.

ВЛАД МАЛЕНКО. Дом

У дома были свои тараканы.
В кухнях нет-нет, а срывались краны.
На чердаке чей-то кот мяукал.
В подвале ютился театр кукол.
В трубах текла водяная кровь.
В спальнях кровати ломала любовь.
Она же спасала дом от износа.
Труба дымилась, как папироса.
Антенна мысли ловила с неба.
Дом мирозданию верил слепо.
Душу свою предоставил дом
Людям, которые жили в нем.
Ангел над домом любил кружить.
Я здесь родился. Учился жить.

Дом в переулке считался первым.
Мог показаться немного нервным.
Спрятать влюбленных в карман балкона.
Ночью из снега слепить корону,
Или надеть треуголку крыши,
Так чтоб соседям казаться выше.
Осенью в доме ветра творились.
Стены косыми дождями брились.
Дом по весне обнимался с ветром.
Пасху предчувствовал каждым метром.
Лютой зимой танцевал от печки.
Тихо мерцали в гостиных свечи.
Летом взахлеб напивался ливнем.
Хлопал ресницами штор наивно.

Вдруг мне под утро присниться смог он.
Просто стоял без дверей и окон.
И я, проснувшись, сказал жене:
«Дом попрощался со мной во сне».
Верное есть для спасенья средство:
Взял я билет и поехал в детство.
С помощью крыльев, винтов и колес
Прибыл туда, где когда-то рос.
Свой переулок нашел умело.
Сердце споткнулось и опустело.
Я на дороге застыл нелепо.
Не было дома. Синело небо.

ЕЛЕНА БОРОДИНА. Колесо

Катилось колесо – то в огород,
то в чей-то сад: заброшенный, забытый.
Мужик зевал, крестя беззубый рот.

Менялись планетарные орбиты,
сгущалась тьма, тучнел чертополох,
сменялся урожай неурожаем.
Ловчил Левша, подковывая блох,
некованные блохи дорожали.
На ратном поле черный колосок
ронял зерно — несказанное слово.

И кто-то ставил палку в колесо...
Мужик вздыхал.
И делал Землю снова.

ИВАН ЗЕЛЕНЦОВ. Чайка

Из запотевшей рюмки испив слезу,
он оставляет челядь скучать внизу,
мол, подождите, вернусь через полчаса,
и улетает в вечерние небеса.
Он с абонентом не то, чтоб совсем вась-вась,
но для особых случаев есть спецсвязь.
Случай как раз настал. На горе Афон,
вынув из синих штанин золотой айфон,
он, покрестясь, монотонно бубнит в трубу:
«Господи, благодарю за свою судьбу!
Хлеба насущного полные закрома
не задарма мне достались, не задарма,
а за служение Родине и царю
верой и правдою, истинно говорю!» —
он, распаляясь, щебечет, как соловей, —
«Не за себя прошу я, за сыновей!
Да и о ком же просить мне еще, о ком?
Это же дети, кровиночки с молоком!
Если грешат — не заметь, отвернись, замри.
Дай им песок реки, дай им соль земли,
никель и медь, дай им нефть и газ,
Прямо сегодня, немедленно, сей же час,
ибо удача чревата и коротка
и, словно сука, срывается с поводка.»
«И за Отчизну я буду еще просить»
— ухает он, будто сытая неясить, —
«Скрепы ее крепки и цепки цапки.
Пусть на амбарах надежней висят замки.
Пусть закаляется в битвах мятежный дух!
Сдохнет один — бабы сделают новых двух.
Пусть по Европе проедет наш русский танк,
но обогнет Куршевель и швейцарский банк!
Пусть наш владыка живет лет еще так сто,
всем ведь известно, что если не он, то кто.
Ты меня слышишь, о, Боже? Ферштейн, угу?»
В трубке вздыхают: «Посмотрим, что я смогу».
И добавляют брезгливо: «Довольно, брысь.»
Оземь ударившись, чайка взмывает ввысь,
С криком гортанным над бедной страной кружит,
Ищет, должно быть, что плохо внизу лежит.
В черных глазницах у чайки клубятся мглы,
а по бокам двухголовые мчат орлы.

МАКСИМ СЕДУНОВ. Стамбул III

Город крушения догм и изгнания бесов,
 город разбросанных временем серых камней –
 как же умеет он твёрдой рукой василевсов
 править меня... и я делаюсь только сильнее.

Люди здесь явно устали от зрелищ и хлеба,
 но всё равно их удел – оставаться людьми.
 Каждый свернувший направо уходит налево,
 каждый увидевший свет пребывает в тени.

Высшая радость лишь та, что на грани печали,
 высшая истина та, что вопит на столбе.
 Город, который однажды возник пред очами,
 ты отчего-то пожизненно носишь в себе.

Здесь отошла уже мода встречать по одежке,
 а на невымытых ушах у бездомных собак
 вечно болтаются бирки (считай, что серёжки),
 странно звучит, но всё выглядит именно так.

Город, в котором всегда начинаешь сначала,
 где недействительны карты и календари,
 город, где можешь часами стоять у причала,
 слушая голос, призывно звучащий внутри.

И горизонт раздвигается шире и шире...
 ты вроде тот же, но как бы уже и не тот
 милостью мест, позволяющих слышать в эфире
 редкие отзвуки самых предельных частот.

МАРГАРИТА КРЫМСКАЯ. Соната

Нет-нет, я не тоскую по тебе.
 Слеза – не показатель. Виновата
 Нежнейшая осенняя соната,
 Что ветер выдувает на трубе,
 Не чувствуя в той музыке бича
 Для сердца, что ещё не отболело...

Залаяли бы сворой оголтелой
 Собаки, чтоб не слышать трубача!
 Иль криком разразился бы сосед,
 Отстаивая право на похмелье!
 Иль собственные дети охамели
 И бранью оглушили бы!..

Но нет

Ни звука, кроме ветра, на трубе
 Сонату выдувающего, злого,
 Пронзающего нежностью былого!
 Чтоб сердце тосковало по тебе...

ОЛЕГ ТУПИЦКИЙ. Что я хочу найти в ночном окне...

Что я хочу найти в ночном окне,
когда смотрю на небо сиротливо?
Себя? Или вселенную во мне,
рождённую огнём большого взрыва?

Живу порой на медные гроши,
всегда готовый к выходу с вещами.
Какие бесконечности вмещаю
в матрёшке неприкаянной души?

Невзгоды принимаю со смиреньем.
Вы незнакомы с пятым измереньем?
Я тоже, к сожаленью, незнаком.

Как бал весенний в проклятой квартире,
так макромир, возможный в микромире,
скрывается от мысли под замком.

АЛЬБЕРТ ЭМ. Лёнька

...ворча под нос чего-то не попад,
любовно обрабатывал детали,
кому-то интересен был едва ли,
но строил, строил, строил аппарат
из ничего — колесики, спирали...

закончил,
посмотрел – соседи спят,
проверил, как фурычит пи-продуктор,
небрежно выбрал время наугад,
и человека –
не было как будто!

соседи посудачили о нем,
отправили родным две телеграммы,
за зеркалом заделали проем,
покрытый слоем странной амальгамы.
откуда? почему? никто не знал.
простые люди просто рассудили:
тихушник, одиночка, маргинал,
чегой-то Лёнька, видимо, взорвал,
а светится – от плесени и пыли...

а в это время,
может, сквозь кристалл –
неясным светом наполнилась мансарда –
в грядущее из прошлого взирал
с улыбкой
одиноким Леонардо.

АЛЕКСАНДРА ИНИНА. Зимнее

Проезжающий мимо меня мир
С раскадровкой в троллейбусное окно
Также как я не доспал, и устал, и
Прячет тоску за каждой своей стеной.

Перебирающий бабочек светофор
Выпускает их по одной под белый дождь, но
Не приживаются, тают безумно скоро
Не оставляя надежды на невозможное

Это такая зима, всего лишь зима, Ещё одна из...
Может покраситься в рыжую?
С неба, слегка обреченно, глядит вниз
Первая бабочка, которая выживет.

АННА ГЕДЫМИН. Грохот. Крики...

Грохот. Крики.
Солнце над стройплощадкой
никогда не садится.
А я думала, что лебёдка –
это такая птица.

А я спрашивала у прораба:
«Не часть ли вы
Той мечты – с пожизненным стажем?»
Вот увидишь, мы будем счастливы.
А дом будет светел и стоэтажен.

И так далее – на века, навсегда,
Как уже обещали когда-то.
Потерпи!
Звуки стройки – это, в общем-то, ерунда
По сравненью с песней солдата.

ВИКТОРИЯ КАЧУР. дежавю

однажды виденного практически не забываю.
говорят, дежавю, — языки бы попридержали, ну.
вот недавно еду я, например, в трамвае,
а напротив — старик, лицом подобный Державину.

объявляет вожатый: следующая остановка — кладбище,
народу в вагон набилось видимо-невидимо,
собралась я с духом и как-то не в склад и не в лад ещё
говорю старику: Гавриил Романович, благословите, а?

всё равно ведь вы на следующей сходите,
обещаю, что стану духовнее впредь и выше...
не ошиблась я, парик и черты лица вроде те,
но старик не сказал ничего, по плечу похлопал и вышел.

ИЗ БУРГОСА. Вершины

Ил. Б.

Лучик света блесною забрось-ка
в этот трижды неласковый мир,
где под небом стою я с авоськой,
где в авоське – батон и кефир.

Но колышется что-то такое,
не в кефирной бутылке, во мне –
предвкушение сна и покоя
в стороне от себя, в стороне

от разбрызгавшей воду машины,
от гадючьего шороха шин.
Там, где Лермонтов видит вершины,
ярче всяких наземных вершин.

Февральский тур 2016 года

Подано заявок – 224
Отборочный тур – 92
Отборочный тур резидентов – 106
От номинаторов и квота ГР – 26
Лонг-лист – 38
Шорт-лист – 18

– редакторы отборочных туров

Анука
Ирина Зиновьевна
Степ
Марина Чиркова
Елена Миронова
Александр Спарбер

– номинаторы

Юлия Долгановских
Валерий Поланд
Илья Рывкин
Любовь Левитина
Сергей Беленко
Анна Гердмар
Берта Лучева
Международный поэтический клуб Рифма.ру
Поэтический альманах «45 параллель»
Литературный сайт «Термитник поэзии»
Клуб творческих личностей «Решетория»
Альманах поэзии «Буквица»

– эксперты

Ольга Аникина
Александр Рытов
Евгений Степанов

ЯНА-МАРИЯ КУРМАНГАЛИНА. родиться бы над взморьем

родиться бы на взморье где закат
 кровавые споласкивает длани
 и городок что тих и лютеранен
 оранжевыми крышами покат

где волны серебристые как ртуть
 ночной улов проигрывают на спор
 и поутру рассказывает пастор
 христову человеческую суть

где свет от сентября на волосок
 густеет днем и обнажает виды
 на побережье слышно sola fide
 и лодка носом тычется в песок

родиться бы на взморье где на треть
 срослись с водой обкатанные глыбы
 солить в бачке непроданную рыбу
 прожить всю жизнь и там же умереть

ТРОФИМОВ ВАЛЕРИЙ . Сон про арское поле

Перекресток ночной – возле кладбища, парка, больницы –
 Вновь завлек меня в сон, в лабиринты татарской столицы,
 В одиночество, в глушь, в мертвецами обжитое поле,
 Где плыву я сквозь тьму по какой-то неведомой воле...

Вот отец мой бредет по кладбищенской черной аллее,
 Вот мой умерший друг!.. Безнадежнее чтоб и больнее
 Стало мне в этом сне, в знобком трепете зыбкого мрака,
 Подбегает ко мне и скулит, как живая, собака.

Здесь я жил, здесь я был, и надеждой обманут, и славой,
 Но свое ремесло не считал ни ярмом, ни забавой.
 Здесь, как реки, слились две враждующих исстари крови,
 И взошли семена безответной тяжелой любви.

Здесь домой – значит вспять, значит в прошлое, в сумерки детства,
 В дебри предков, в их бред, в их обиды и счеы, в сто бед, в сто
 Безымянных колен и славянских, и тюркских, в ту землю,
 Что, тоскуя, зовет меня – но я страшусь и не внемлю!..

Боже, как широко это черное мертвое царство,
 Этот воздух сырой, эта горькая ночь, как лекарство –
 От гордыни, тщеты, искони обреченных усилий!..
 Только шорох во тьме ветряных исполинских воскрылий.

С разрешенья ль Мухаммеда, с благоволенья Аллаха,
 По примеру Иисуса, Иакова – в логово страха! –
 Я спускаюсь в свой сон, по ступеням тоски и печали,
 В морок вечного поля – такого ж в конце, как в начале...

Пусть прабабка моя сочиняла когда-то байты,
 Пусть она, и стихи, и все жившие прежде – забыты,
 Что скорбеть? Спой мне, смерть, спой на русском и спой на татарском,
 Как ты, кроткая, ждешь вне времен меня во поле Арском.

ЛЮДМИЛА ПОКЛОННАЯ. за творогом

за творогом, топча крупинки снега,
 молочной спелости апреля удивляясь,
 к открытию бреду в универсам.
 И лёгкого озноба турбулентность
 вчерашний перелёт напоминает,
 и в воздухе, поросшем снегопадом,
 стоят деревья, как перчаточные куклы,
 и каждое из них, как чёрный человек.

Когда вчера пустилась я по небу
 в побег из ледяного городка,
 то думала: опустится вода
 на тёплый город, оживёт лягушка
 (я о себе), и в плаванье фигурном
 натешится неделеею дождя
 (синоптики на картах нагадали),
 но не сбылось оно, и распустился снег.

За творогом в тепло универсама
 из снега, как Хаврошечка к корове
 в приветливое ухо из обид
 и страхов, грустной ласточкой ныряю
 и выхожу с пакетом, на котором
 отчасти птичье имя города. Деревья
 уже не куклы злого кукловода,
 не чёрные лихие человеки,
 а дерева как дерева. Они
 спешат на месте в сторону своей же
 узорчатой зелёной майской сени
 для проходящих девушек в цвету.

Отметив юность кода «18»,
 по деревянной лестнице взлетаю,
 позвенькивая ключиком. Звеня
 весёлым сердцем, обретаю дом.
 Пора заняться сотвореньем мира
 в душе и лепкой сырников на кухне.

Мой первенец, мой сырник лучезарный
 (едок проснулся и летит на свет),
 ты весь в меду, ты солнцем напомажен,
 ты этим утром «мера всех вещей»!

АЛЕКСАНДР ПЕТРУШКИН. Наконец-то нельзя...

наконец-то нельзя задразнить щебетать
перегнувшись из смерти
все равно нас никто не простит –
ну а если простит – не заметит

и вконец перекопанный ад –
назови его будучи живу –
перегнул эту смерть и сломал –
как малец конопатя машину

смерть смотрела в свои же глаза
повторяя бессмысленно жесты
я не помню кто это сказал
но наверное тоже не местный:

вот и я помолчу о себе
вот и я постою о других
а снаружи как видишь всё свет
а по свету небесны круги

ДАНА КУРСКАЯ. Крысоловка

Говорят, что я вовсе не умирала...
...Те мальчишки, с которыми я играла,
Повзрослев, со мной оставались мало,
Обещав потом позвонить.

Полагаю, что кто-то меня и помнит,
В законном пространстве квартирных комнат
Молча курит, из дома уже не выходит,
И песочная рвется нить.

Я играла для них на своей свирели,
А они спасли себя, повзрослели.
В опустевшем дворе дребезжат качели.
Я на окна гляжу как вор.

Нам так нравилось в теплом песке валяться,
А теперь эти люди меня боятся
Не пускают к окнам своих домочадцев,
И опасно крестят двор.

И у тех, за кого я была в ответе,
Подрастают большие смешные дети,
Их мамыши кладут засыпать при свете,
Колыбель очертивши в круг.

Их отцы им велят повзрослеть скорее,
И в качели, свирель и песок не верить.
И не дай им Бог приближаться к двери,
Если ночью раздастся стук.

И не смей замок даже пальцем трогать.
Кто стоит за дверью? Посланник Бога?

Или странник, флейтой манящий в дорогу?
Или серая злая рать?..

Мне так мало надо, чужие дети.
И звучит за дверью на всей планете
То ли детский плач, то ли просто ветер:
«Выходи со мной поиграть...»

ОЛЬГА СУХАНОВА. По-пёсьи ли плакать...

По-пёсьи ли плакать, по-лисьи
В косматой звериной тоске?
Проклятье – любовные письма
Писать на чужом языке:
Бояться за каждую фразу,
И быть осторожной в словах,
И все проверять, и не сразу
Решаться. А после впотьмах
Тянуться за спичкой, за свечкой,
Зачеркивать, править сто раз,
Исправить «сегодня» на «вечно»,
Сменить «никогда» на «сейчас».
И пропасть покажется высью,
Но вспыхнет бумага в руке –
Все в мире любовные письма
Горят на одном языке.

ДМИТРИЙ БЛИЗНЮК. Красный лес

Ты живешь во мне.
и каждое утро подходишь к глазам
изнутри моей головы, точно к французским окнам –
чистое литое стекло разлито до самых пят,
и ты потягиваешься на цыпочках и смотришь
на едва шевелящийся зеленью водопад
нового дня,
оставаясь собою.
смотришь на знакомо незнакомый мир after-dinosaurs,
на просыпающийся в сиреневых камушках город...
я подарил тебе яркую каплю бессмертия,
впустил тебя хищной неясью
в красный лес своего сердца...

когда-то
я целовал тебя, всасывал сладкий дымок
из глиняных рожков твоей груди,
поглощал солоноватую суть
полупрозрачных ключиц и шеи,
приминал пальцами муаровое свечение
на лопатках;
я осязал твое сознание –
точно пушистый одуванчик в руке, –
и оставалось только нежно подуть тебе в глаза,
чтобы ты распушилась по спальне,
медленно закружилась тысячей и одной

ласковой лебяжьей иглой...
а потом мы засыпали, хрестоматийно обнявшись;
иногда я вздрагивал в полусне, точно холодильник,
и ты нежно гладила меня по загривку.
наша жилистая от множества проводов квартира
нуждалась в ремонте, словно бедный факир –
в новой корзине для змей-танцовщиц.
и не было у нас ни золотых рыб, ни синего моря –
лишь монументальный вид из окна
наподобие... (удалено модератором)

я был ребенком внутри корабля,
а ты была моим таинственным морем.
я боролся с дневным светом – лучами твоей свечи.
никто из нас не хотел уступать,
никто не хотел сдаваться,
проигрывать обжигающей темноте,
разрастающейся между нами.
я шептал «выкл»,
но твоя любовь мягко сияла.
ты исподволь становилась частью меня,
победоносно вкладывалась в мой мозг,
как лезвие – в перочинный нож.
как ребро, переросшее Адама...

любимая,
я стал заложником полезных привычек,
меня с годами поражает вселенский голод:
все, кого я запоминаю, становятся мною.
вот так мы находим продолжение души
в бесценном камушке, найденном на берегу моря,
в женщине, идее, дереве на горе,
в теореме, триреме, тереме,
в деревенской глуши, в дебрях науки,
в бессмертных, мерцающих садах искусства,
в крохотной теплой ладошке внука...
держи меня, соломинка, держи...

АНДРЕА БИЧЕЛЛИ. в заначке

мы все и не каждый.
помяты резьбой.
посажены дважды: на буй и на кой.
не стоит стучаться в колени.
извольте не ссати на встречной кривой –
всеяден спасатель, хоть ной, хоть не ной.
да станется всем по судьбене.

эх, родина-мать, кобелина-отец!
штаны прогулять, да подбросить чепец;
как лёта, так жажда у брода.
но каждый полтинник прёт в полный сыпец –
смолиться, как блин годовалых колец.
на штангу, на плаху, на воду.

забытые шрамы, как вилы в стогу,
а семечко, знамо, рождает лузгу,

что ревностно кружит в текущем.
но в чём мы пернаты? –
не скажем врагу,
ведь связки кастратам, а гончим пургу,
шурша ощущением сущим.

лишь снег альбиносый найдёт провода,
повиснет вопросом:
«любить или да?»,
без взятки покроет брусчатку.
когда одноверцы в законе, как вор,
пройди моё сердце, и выйди во двор –
я буду песочной лопаткой.
в пальтишке, в заначке, в остатке.

АННА ДЭ. внутри меня прозрачно

внутри меня прозрачно – ни строки
лишь небо голубое-голубое
у мальчика в руках бушует кит
он надувной поэтому не больно

на самом тридевятом этаже
был зелен чай малиново печенье
а птицы в клювах уносили жертв
нелепого слепого неслученья

стояли стулья стол и как ни в чем
и ни бывало развевались шторы
но холодело хрупкое плечо
в кровати нет и не было которой

на сушу выползали моряки
и выбирали ожерелья в лавках
а мы без всяких но шагали в ки
там в темноте тренировались плакать

потом лежали кутаясь в песок
а первый дом за дальним перекрестком
навстречу нам бежал наискосок
и зажигал бесчисленные гнезда

АНАСТАСИЯ СПИВАК. Люди-львы

Люди-львы в полосе травы
Пахнут зверством и молоком.
Ловишь губы – легко, легко,
Переходишь с «козла» на «Вы».

По клыку мятной каплей. Где
Нежелание быть добрей?
Мы убийцы. Цари зверей.
Мы не ели других людей.

Космос нежен, звезда у лап.
В позвоночнике спит дракон,
Спит и видит спокойный сон,
Где Вселенная истекла,

Где Вселенная из стекла,
Где любая рука – тепла.
А слова не для льва. Бла-бла,
Лучше – игры, клубки, дела,

Лучше мир искусать, мурча,
Когтем сильного придавить
От суровой к нему любви.
И сломаться. И замолчать.

И сидеть в полосе травы.
Гриву пальцами протыкать.
Глубже света и молока
Люди-нелюди. Люди-львы.

OLEN (ОЛЬГА ГУЛИНКИНА). Неважно где

Неважно где, неважно где,
где непреложно лишь наитие,
Христос шагает по воде,
ведомый лучиками-нитями.

Он время держит в кулаке,
где предназначено – там выпустит...
И – дальше, дальше, налегке,
безвременье следами вымостит

по воздуху ли, по воде...

Достало б веры в неизбежное...
Неважно где, неважно где
Ищу сияние мятежное.

ТАТЬЯНА ШЕЙНА. Дом престарелый даже стоял с трудом...

Дом престарелый даже стоял с трудом,
Всеми забытый, по дряхлому виду судя.

...Стоило ей войти, напевая, в дом –
Дом полюбил её всей деревянной сутью.
Печка чихнула, выплюнув чад и дым,
Ставни моргнули, отряхиваясь от пыли.
Глядя на мир сияюще-молодым
Взглядом, поверить не мог, что его купили.
Дом восторгался – преданный моногам –
Той, что смогла помочь ему обновиться.
Тихо визжа от восторга, к её ногам
Ластился каждой надраенной половицей,
Если она творила на кухне щи,
В тонкую вазочку ставила ландыш поздний...

Дом, хоть с трудом, случайных её мужчин –
 Сердцем скрипя, но стараясь не строить козней –
 Тихо терпел, отчаянно выносил.
 «Дом! – говорила она, – и опять нас трое!»
 Дом её ждал изо всех деревянных сил,
 Больше, чем тех, кто когда-то его построил.
 Ночи сырели. Чистил по его щепе
 Лиственный шорох и яблочный стук зловещий.

...Утром она второпях протопила печь
 И в чемодан аккуратно сложила вещи.
 Возле калитки призывно взревел мотор,
 Чей-то настойчивый голос воскликнул «Ну же!»
 Шамкая вдруг пересохшим от ветра ртом,
 Дом осознал, что опять никому не нужен.
 «Ты не грусти, – прошептала она, – поспи!
 Отпуск закончен. До следующего лета!»

Дом, собачонкой, оставленной на цепи,
 Тонко скулил и рвался за нею следом.

АЛЁНА АСЕНЧИК АЕФ. Не навсегда

Она верит:
 Летать – это очень просто, главное – окрылиться.
 Какое дело пространству, что ты не птица?
 Время вон тоже не птица, а летит, летит же!

Марк небесный свод тушует немного ниже:
 всё безопасней в тенётах его качаться...

– Марк, а ты мог бы нарисовать счастье,
 дерзкое, бесшабашное!?
 Над замыслом покумекав,
 мог бы, говорит Марк, и рисует летящего человека.

Она смеётся:
 Держи меня за руку, как за нитку воздушный шарик!
 Здесь всюду небо, и ветер шершавый шарит,
 а солнце к закату стынет и будто вянет...
 И мы парим – над розовыми церквями,
 зелёными кронами, домиками, скрипачами!

Она вздыхает:
 Марк, а ты мог бы нарисовать отчаяние,
 лёгкое, как воздух, пронзительное, как булыжник – в реку?

Мог бы, говорит Марк, и рисует
 летящего
 человека...

Она плачет:
 Марк, но ведь летать – это счастье, да?!!!
 Да, говорит Марк. Если не навсегда...

ИРГА РЯБИНА. Землекоп

По осенним перелескам на заброшенное поле
 Шёл с лопатой под мышкой неприметный человек,
 Я его любила очень – заколдованная, что ли –
 Шла за ним послушной тенью по разбуженной траве.
 И на том далёком поле он копал лопатой яму
 Шириной в три необхвата и бездонной глубины,
 В свежерытую яму время сыпалось горстями,
 Недодуманные мысли, недосмотренные сны.
 Скрылись в яме птичьи стаи и дождевики на ладони,
 Облетевшие деревья, лёд на лужах поутру,
 И сама я в эту яму уходила потихоньку,
 Становясь совсем прозрачной, как сосулька на ветру.
 Лихорадочно гадала – снег гаданью не помеха,
 От засушенных ромашек отрывала лепестки:
 Что случится раньше – яма вдруг заполнится до верха,
 Или я совсем исчезну?
 За излучиной реки
 На далёком-дальнем поле на краю глубокой ямы
 Человек стоит, лопатой разгребаёт мокрый снег,
 Шумно дует на ладони, а потом шагает прямо,
 Прямо в яму...
 И неловко прижимается ко мне.

АРТУР ЛЕОНИДОВИЧ ИСАКОВ. Без названия

Дремлет, у ног примостившись, кошка,
 Спит на коленях кот,
 Старая бабушка старой ложкой
 Кашу заносит в рот.

Жизни осталось совсем немножко
 День или, может, год.
 Знает об этом лишь только кошка,
 Ну, и, конечно, кот.

Там, за окном, зеленеют листья,
 (Или зима опять?)
 Ставни прикрыты... и в этой жизни
 Велено не вставать.

И остается лишь сон тревожный...
 ...Словно нестойкий мост,
 Душу ее до утра, осторожно,
 Держит кошачий хвост.

ЛЮБОВЬ ЛЕВИТИНА. Берта и Миша

Берта и Миша не очень ещё и старые:
 какой это возраст – всего-то по семьдесят четыре.
 Трапезничают на кухне вместе дружной парой,
 а потом разбредаются по квартире.

В квартире красивый ковёр и миленькие обои,
светло и чисто, нигде никакой пыли.

Так случилось, что с разницей в год инсульт подкосил обоих,
теперь получше, но двигаться трудно и много чего забыли.

Утром их посещает сиделка Алла,
убирает, ходит на рынок, потом затевает печиво.
Берта смотрит по телеку сериалы,
Миша – футбол.
Вторая сиделка, Катя, приходит вечером.

Дни похожи, как близнецы, но каждый – жизнь, попробуй вырви-ка,
поэтому надо, хочешь-не хочешь, вставать с кровати.
Берте и Мише нравятся нежные сырники,
особенно, если их приготовит Катя.

Большой фотоснимок на стенке у Берты в спальне,
там на природе Миша с цветами, а Берта босая.
На фото они молодые, и дети маленькие,
а нынче выросли, живут отдельно, но родителей не бросают.

Соня, дочка, в Штатах, раз в месяц примерно звонит по скайпу,
Саша, сын, иногда заходит, занят по горло и выше.
Дети хорошие, очень любят маму и папу,
то есть маму Берту и папу Мишу.

Саша пишет докторскую диссертацию,
у него семья и большая зарплата.
Но рвётся в Женеву, и родители не просят его остаться,
иначе им будет казаться, что виноваты.

Так и живут, незаметные, в доме многоэтажном,
Берта засыпает у телевизора, а Миша весёлый, смеётся, шутит.
Конечно, одним в стране им будет немного страшно,
но это никак не меняет сути.

НАТАЛЬЯ ЧЕКОВА. дзен

*«Оружие. Узкое, чуть выгнутое лезвие синей стали. Два локтя от
скоса острия до овальной гарды. Рукоять в полклинка,
продолжающая обций изгиб. Обтяжка – из кожи неведомого морского
зверя, шершавой, как наждак. Не скользила такая рукоять в
умелой ладони, и рубил меч бронзу без зазубрин и воздух – без
свиста.»*

«Сумерки мира»

Эпоха дзен – кайма фарфора,
заката длинные глаза.
Рябины лба от разговоров.
Ступеней лет не осязать
ни в речи, ни в полете дивном
в страну обласканных вещей.
Поддето сердце лунным бивнем
и спрятано в тиши пещер.
Где проживает без прописки,
без окон, без дверей и сна

легка и вечна по-буддийски
твоя последняя весна.

Но ты затачиваешь тонко
язык свой тусклый, словно меч.
Как нежеланного ребенка
за словом слово рубишь... С плеч
летят: осока, одуванчик.
И снова лист уныл и бел.
А за спиной рыдает мальчик
не по тебе, не по тебе.

ИРИНА ВАЛЕРИНА. Под циклоном

У кого-то щи пустые, у кого-то жемчуг мелкий.
Рассыпается над миром манна снежной пеленой.
Тьма заваривает кашу, скоро выложит в тарелку
перегруженных проспектов заметённый город мой.

Капюшоном чёрной шубки шум условно ограничен,
но бытующая данность пробивается извне —
и гудят, гудят машины, и кричат чужие лица,
напряжённо возгоняя в мат перебродивший гнев.

Я прощаю и прощаюсь, мне привычно растворяться
не в тумане, так в раздумьях. Мне не страшно уходить
по-английски, по-эльфийски, безвозвратно, поабзацно —
у меня прошита в генах глупой Ариадны нить.

Люди тёмных остановок бьются истово и яро,
оставляя на ступеньках перья, пуговицы, шерсть,
и вопит Харон-кондуктор ртом иссохшим, ярко-алым,
что салон — не из резины и оставшимся — не сесть!

Плыть им, плыть по снежной каше мимо острых шпилей рая,
мимо башен мидл-класса, мимо адовых лачуг
до исхода этой кальпы. Там, глядишь, придёт другая —
а потом сровняет складки вероятностный утюг.

Но пока случится это, я успею попрощаться,
и проститься, и растаять, и опять себя найти
в бесконечном лабиринте с нитью, сжатой в тонких пальцах, —
чтобы стать ступенью первой на тесеевом пути.

Мартовский тур 2016 года

Подано заявок – 211
Отборочный тур – 84
Отборочный тур резидентов – 103
От номинаторов и квота ГР – 24
Лонг-лист – 36
Шорт-лист – 16

– редакторы отборочных туров

Ольга Виязова
Александр Фральцов
Нина Злаказова
Дмитрий Пилипенко (У Вэй)
Дмитрий Близнюк

– номинаторы

Илья Рывкин
Любовь Левитина
Сергей Беленко
Анна Гердмар
Берта Лучева
Ильдар Харисов
Международный поэтический клуб Рифма.ру
Литературный сайт «Гермитник поэзии»
Клуб творческих личностей «Решетория»
Альманах поэзии «Буквица»

– эксперты

Ольга Мельник
Михаил Шерб
Феликс Гойхман

ЛЮСЯ ПИКАЛОВА. nothing compares to you

Прямо за домом участок земли, поделённый на сектора.
Я там с ранней зари, потому что пришла пора,
потому что весна,
потому что момент настал,
потому что мне 30 лет – пожалуйста, пьедестал.

Справа, у яблони, я закопал себя-циркача:
Яркий костюм, косая сажень в плечах,
Тот я дружил бы с медведями, глотал бы огонь,
Тот я был бы совсем другой –

Искромётные шутки, волшебные фокусы.
Я кладу себя в землю, и вырастают крокусы.

Там, у забора, я закопал путешественника-себя.
Картинки меняются – так города рябят:
Вот пустынные степи, вот спины льдин.
Я слово «Рейкьявик» не выговарю, а он по нему ходил,

Весь мир ему дом, каждому дому он друг.
Я кладу себя в землю, чтобы пророс бамбук.

Возле сарая я закопал себя-победителя:
Тот я хорош, успешен и бдителен,
С карьерой блестящей, как чайник, сбросивший накипь.
Я кладу себя в землю, и расцветают маки.

-

Пустые коконы, куколки, сказочный мой десант,
Несбывшиеся мечты, неудавшиеся чудеса.
Мама мне говорила: «Когда вырастешь, сможешь стать, кем захочешь».

И вырос сад.

ПЕРЕЛЕТНАЯ БАБОЧКА. Подснежное

Это была ядерная зима.
Черепахи исчезли, слоны стали ростом с детей,
Всех китов я теперь знаю по именам.
Их четыре, они плавают чёрт-те где.

И мой мир больше не стоит ни на чем.
Он то ли парит, то ли банально повис.
А время бурлит, оно сквозь меня течет
И где-то за поворотом с грохотом падает вниз.

Это была ядерная зима.
Щек и Хорив по-хозяйски обходят мой мир кругом.
«Сколько уж раз строили, твою мать!..»
Лыбедь уходит от них на соседний холм,

Расплетает косы, кормит китов с руки,
Чекинится, ложится в траву (откуда трава зимой?)
И наблюдает, как самый маленький кит
Подставляет спину под мир неуютный мой.

И мир, обретает опору, основу, смысл,
Координаты в пространстве, легенду, душу.
И я оживаю до следующей зимы.
Теперь ты придёшь – тут снова есть, что разрушить.

ЮЛИЯ ЛЕЩЕНКО. Море

Горе плотнику, горе
Лижет ему ноги море
Стонет ну что тебе стоит
Лодку мне сколотить
Мальша в нее посадить
Буду нянчить его, качать
На груди
И верну лучше прежнего
С глазами из жемчуга

Человек тогда отвечает
Я видел этих
Которые возвращались
Вроде дети
Но уже не хотят играть
Иногда ложатся ничком в овраг
Удивительно ловко
На лету хватают стрекоз
Не поворачивая голов
Отыскивают в земле червяков
И пожирают
Никого тебе не отдам
Никогда

Но оно не отступает
Шелестит под его стопами
Говорит я еще приду
Заберу все, что найду
Даже память
Человек – это только лот
Падающий в толщу вод
И более ничего
Горе плотнику
Измеряющему ближнего своего

ИГОРЬ ГОНОХОВ. Мысли, которые приходят в голову

ранним июльским утром славно пойти поссать.
солнце осветит листья клёна и дикой сливы.
я не хочу их фоткать, чтобы потом на сайт.
этого мне не нужно, я без того счастливый.

можно не опасаясь делать свои дела.
здесь на тебя не смотрят окна большого дома.
здесь копошится в кашке утренняя пчела –
некуда торопиться крохотным насекомым.

помню в мультфильме старом, что приучал к труду,
стал муравей прорабом, не было в этом бреда.
нынче другое видят, может быть на беду,
в пчёлах – ученье Маркса, а в богомолах – Фрейда.

будто, у шестиногих, в точности, как у нас:
драки различных партий да перед сексом танцы.
топает в муравейник хмурый рабочий класс.
прячутся где-то в дебрях нанятые повстанцы.

что там, в траве, под пижмой? Куба? Афган? Чечня?
я-то всего лишь утром вышел поссать у луга.
ветер далёких звуков, вдруг, охватил меня –
возгласы демонстрантов, шум перестрелки, ругань...

сколько сломалось жизнью в адовом колесе?
нет ни любви, ни мысли в эдакой круговерти.
пуля там или жало – времени нет, совсем,
разве перепихнуться с кем-нибудь перед смертью.

ах, как приятно верить – зверствуем не одни,
тьма насекомых с нами... верим, а это – деза.
красочны, фантастичны, только малы они,
знайте: они безгрешны, даже головорезы.

не прилипают к лапам, не пристают грехи
к жителям стран под клёном, к жителям стран под сливой.
быстрых и прытких скроют травы, коряги, мхи,
ну, а того, кто умер, смоем обильным ливнем...

(вот, я один остался, Боже Владыка Сил,
ни за кого не спрячусь и ничего не скрою.
мне повезло сегодня – землю я окропил
только своей мочою, а не своею кровью).

ОЛЕГ ПАРШЕВ. Торшер

Торшер – истинный домосед.
По вечерам он творит миры, как иные – нетленку.
Из него на пол падает свет.
(Падая, морщится, потирает ушибленную коленку.)
А когда я из комнаты выхожу,
то торшеру нет нужды притворяться цаплей.
Он гаснет и бродит по комнатному миру,
размахивая темнотою, как саблей.
И приговаривает упавшему свету, помогая ему подняться:
– Прости, малыш, я ж тебя – не нарочно.
– А можешь мраком так страшно не клацать? –
тот шепчет в ответ.
И торшер вкладывает темноту в ножны.

СЕРГЕЙ ЧЕРСКОВ. Кошка

Кошке плохо девятый день.
 Градуированной пипеткой
 Я вливаю ей в пасть бурдень –
 Кипячёной воды с таблеткой.

Я не то чтоб её любил,
 Эту кошку моей подруги,
 Но считают же нас людьми
 Надоевшие нам зверюги.

Тварь дрожащая бьёт хвостом,
 Тихо стонет по-человечьи.
 Я готовлю опять раствор
 И надеюсь, что станет легче.

Под безжалостный метроном
 Не закрытого плотно крана
 Я на кухне курю в окно.

Баба сопли пускает в ванной,
 С кем-то спорит, но не со мной,
 По-звериному привывает...

Кошка снова идёт на дно.
 Девять жизней – и ни одной?
 Невозможно. Так не бывает.

ЮЛИЯ ДОЛГАНОВСКИХ. Невесонность

Скрипит сухими рёбрами кровать —
 ты вертишься, ты ей мешаешь спать.
 Пытаясь обуздать гневные мысли —
 пусть руки в невесонности повисли —
 нащупываешь ржавые ключи,
 и, ковыряя скважину в ночи —
 замочную, увы, не буровую —
 попытку отсчитав сороковую,
 распаиваешь ветхую овчарню...

(откашляешься, выпьешь кружку чаю)

О, Пастырь мой, совет дай, научи —
 огниво, воздух, сено, кирпичи,
 котёл готов для жертвенного брашна,
 но... брошу нож — скачи, овца, скачи
 по снам моим — и россыпью барашков
 расцветен будет чёрный небосвод.

А если посмотреть наоборот?

Ты спишь — гнездовье мыслей в тишине,
 прядут ушами тени на стене —
 покорно ждут рассвета (ветра ль? смерти?)
 Вертеп готов — в него приходит ветер,

роняет в землю первую звезду.
И — если я ключами попаду —
овчарня выпустит тебя на волю —
скачи, овца, скачи! Белеет поле —
укрытия не будет до весны.
Вернись, овца, твоё спасенье — сны.

Сочту мои стада — тогда уйду,
во сне увидев первую звезду.
Котлы вскипят для поминальных брашен —
огниво, ветер... ты отбросишь нож —
посмотришь в небо. Может быть, найдёшь
бегущих вдаль несчитанных барашков.

ПОЛИНА ОРЫНЯНСКАЯ. Оказалось так просто

Ты не знал ни меня, ни беды моей, ни тоски.
Ты же думал — я птичка на ветке: пою, скачу.
Оказалось, давно поседели мои виски.
Оказалось, что я и болтать не люблю ничуть.

Что слова? Разговоры да сны — как в реке вода:
Поматросят и бросят, какая там точка джи...
Оказалось — так просто: веди меня хоть куда,
Только имя придумай и руку в своей держи.

На ладонях твоих тонким шрамом тянусь, тянусь,
А в глазах у тебя золотая клубится тьма...
Мы с тобой перепутались, сбились в единый пульс,
И от этого «мы» я, ей-богу, схожу с ума.

СЕМЁН КАЦ. Воспоминание о лете сорок пятого

Репродуктор со стены:
«...сталин...сталин...сталин...»,
и «война...войну...войны...»
звякают медали.

Об отцах не говорят,
спросят — смотрят к носу,
всюду слышится: «парад»
и «орденоносец».

Чинит обувь инвалид
весело и с матом,
всюду слышится: «салют»,
слышится: «солдаты».

Оловянный пистолет,
хлопают пистоны,
слёзы капают на хлеб:
мамы нету дома...

*

Смотришь хронику тех дней –
 все кричат: «Победа!»,
 только в памяти моей
 горький привкус хлеба.

ОЛЬГА ХВОРОСТ. Такая вот история...

Как попал он из вечного лета в промозглую осень?
 Не по-нашему робок и не по погоде одет,
 Он ко мне подошёл и простужено хлюпая носом,
 Прошептал, что устал, заболел и не может лететь.

Я пыталась прикрыться отмазкой до ужаса хлипкой –
 Мол, спешу, я не врач, не спасатель и уймища дел...
 Ангел лишь улыбнулся в ответ виноватой улыбкой,
 И тихонько исчез, растворившись в холодном дожде.

Я весь день убеждала себя, что по сути права я –
 Опоздать потому, что у ангела острый ринит...
 Это было вчера, а сегодня, глаза открывая,
 Я с тоской поняла, что теперь он меня не хранит.

ОЛЕГ КАРПЕНКО. ***

...озвучивая жизнь —
 война, любовь, свобода —
 озвучивая жизнь
 определяя мир
 определяя мир
 найдешь войну у входа
 и выход станет вход
 и церковь станет семь

...и нет тебя позвать
 в непостижимом где-то
 где строим фонари
 как лыжники спешат
 моя любовь к тебе
 голодна и раздета
 но помнит свет в окне
 второго этажа

...вся простота вещей —
 листаемая роша
 то дятлов, то скворцов
 древесное лото —
 распахнута для глаз
 и нет простого проще
 исчезнув осознать
 пространственное то

МАРГАРИТА АЛЬ. Ангела золотая тень...

Люди

как гроздь винограда
осенью,

в каждом – ангела золотая тень.

Каждый

душу носит в груди
и шепчет одно лишь слово:
Любовь, любовь.

Но что делать, когда душ тыщи
и слов на каждую душу – тыщи тыщ?

И Эта громадина по земле ходит.

Плачь, поэт, плачь:

«Ах, я дуба ветвь,
дуба дуба.

Ах, если бы мне сойти с ума

под откос неба

и умчаться на крыльях

что тень золотая ангела

туда где горы

из пустоты растут

и на каждом склоне горы

годы лет

выношенные

в груди

мгновений».

А поезд всё идёт и идёт

и в каждом окне по глазу.

Видит ли глаз,

чувствует ли окно

как по небу тысячелетний старик

тащит связку хворосту.

6 000 000 000 душ – живых

и невоскресших – немерено

ждут как манны

огненный душ.

Вот и я

Тия Отия Вотия

завела пару привычек: жить

и ходить на похороны.

Вот оно –

«Вотоно»: кладбище теней,

все сорок.

Что им закон,

что им религия?

Бедную мысль: «мир срубить под самый корень»,

кто из кастрированных удочерит?

А всё так просто:

www. Москва Кедр. г и

В каждом орешке ядро истины.

Жми из себя, жми,

и соки и сухостой,

ни нюхая и не взвешивая.

Строй из себя, строй

«Луна – Юпитер – Альдебаран»

сверхзвуковой туннель

сверхсветовое метро.
Выскреби из себя, выкрести –
Имя
и слушай:
музыка
сама придёт
и ляжет
как женщина
в час полночный к мужчине
и станет навеки веков
твоим сердцебиением.
Вот и вся наука.
Дальше дороги нет.
Пространство –
это тебе не гранит.
Время –
не кладка египетских.
Вот и я –
Тия Отия Вотия,
думала,
жизни хватит одной
миг оседлать,
из горошины
вырастить сад
и прочее
разное.
Одной голове и тысячу лет мало
рукой дотянуться до Солнца.
Знаю, смеётся Тот,
кто сам себе свет выкроил:
лучик к лучику.
Солнц галактического прииска
Король.
Вот бы ещё похулил
и молнию с громом
направил в темя.
Меня то всего –
горсть земли и одно горчичное
семечко.

ИВАН ЛИВИЦКИЙ. de profundis

ступай мерцающей тропой
к верховьям полуночных русел,
где лунный свет – мальчишка русый –
гуляет по небу нагой;

ступай за призраками вплавь
по млечным водам поднебесья,
покуда в руки льется песня,
и в сновиденье тонет явь;

ступай туда, где бечева
влачит во тьме пустые арбы:
в них не осталось больше скарба,
лишь тихнут дольные слова,

и только веко чуть дрожит,
когда на мир глядишь из бездны,
когда рукой с гирлянды звездной
снимаешь ту, что будет жить...

ИГОРЬ ЧУРДАЛЁВ. Слушаем птиц и ветер...

Слушаем птиц и ветер,
сбежав от дел.
Скрипы стволов. В заводи тихий всплеск.
В этот последний, быть может,
погожий день
лес не спешит скидывать кроны с плеч,
словно календари ему нипочем –
лишь, наклоняясь к струям живой воды,
яблоня дикая
молится над ручьем,
в быструю гладь сбрасывая плоды.
Падают яблоки в небо,
где напрямик,
сизую стужу взрезая, не глядя вниз,
тоненький след волочит истребитель МиГ,
точно паук из себя извергает нить.
В нем прозябает мужественный пилот,
в звании младшего ангела принят в сонм.
И невдомек ему,
что он плывет как плод
яблони дикой в малом ручье лесном.
Запад уже погас – но еще не весь,
Искры небес тлеют на ветерке.
Яркая тьма укрывает нас.
И невесть
чем отразимся в млечной её реке.
Обремененная звездами, с высоты
ночь, словно крону, клонит свое чело
к миру, который создан для красоты.
И, вероятно, больше ни для чего.

АЛЕКСАНДРА ГЕРАСИМОВА. ещё в прихожей загорится свет

ещё в прихожей загорится свет
ещё проденет эхо нитку звука
в петлицу коридора и упруго
качнётся жизнь на тонкой тетиве
все живы да все живы стужен ужин
на попритихшем к вечеру столе
и в дребезжащей ламповой петле
бесхитростно свеченье безоружно
не совершайся миг не торопи
курсор колёсной стрелки время-знахарь
пока в стакане дотлевают сахар
и ломти хлеба под ножом крепки
ещё тепло и сытно и светла
белянка лампы в застекольном блике
и так ещё мгновения безлики

когда господь по имени окликнет
и чей-то ужин снимет со стола

ИРИНА РЫПКА. прости меня...

прости меня и я тебя прощу
не вкладывай злой камушек в прашу
ты видишь я размахиваю флагом
он белый из больничной простыни
за всю мою медлительность прости
будь твёрд в любви
в прощении будь мягок

я помню все горячие слова
которые ты каждый день ковал
но выдавал раз в месяц по монетке
я радовалась
мне ладошку жгло
я загибала в книге уголок
и оставляла на полях пометки

прости меня и я тебя прощу
за то что ты не наловил мне щук
не целовал упрямые слезинки
не гладил шёлк
ржанных волос моих
за то что долго обнимал чужих
на перекрёстках Леси Украинки

давай простим друг другу это всё
и нашу встречу вновь перенесём
на новый день
на новый понедельник
ведь мы уже с тобой привыкли ждать
хранить в столе и не сдавать в печать
и поздравлять открытками в сочельник

Апрельский тур 2016 года

Подано заявок – 183
Отборочный тур – 77
Отборочный тур резидентов – 90
От номинаторов и квота ГР – 16
Лонг-лист – 28
Шорт-лист – 18

– редакторы отборочных туров

Инга Сташевска
Николай Бицюк
Ольга Ведёхина
Александр Евдокимов
Андрей Чайкин (Бонгард Друидов)

– номинаторы

Анна Гердмар
Любовь Левитина
Ильдар Харисов
Международный поэтический клуб Рифма.ру
Литературный сайт «Термитник поэзии»
Альманах поэзии «Буквица»

– эксперты

Александр Асманов
Елена Зейферт
Женя Маркина

МИХАИЛ ГОФАЙЗЕН. За давностью времен

Легко ли плоть гонять по шпалам?
 Таскать за туловищем тень? Рыбачить где-нибудь близ дачи
 (в пруду не водится таймень, но верить следует в удачу)?
 А от зарплаты до зарплаты вязать чулок на чёрный день?
 Легко ли биться за награды, усердно пробиваясь в гранды,
 пока твой бог другому богу тебя проигрывает в нарды?

Бог жизни дал мне эту плоть.
 В ней рот открыт, да очи слепы. Мне в ней печально и нелепо.
 Бессонница. Как индивид не знаю я: зачем болит,
 за что страдают части тела, за что душа... –
 не разберёшь, коль скоро вечно не живёшь.
 Но как ершится в поле рожь, пока снопы идут под нож!
 Потом – театр погорелый, где стрекоза своё отпела,
 и вот уже пора плясать.
 Такое дело...

Ещё разок взглянуть на плюсы.
 Слагать дворцы, писать токкаты и фейхоа растить с гранатом,
 воспламенять прекрасных дев, и петь, и петь их, как припев,
 веселье с близкими делить, творить детей, и жить, и жить
 так, будто ты без предоплаты достал билет с открытой датой
 и сколько хочешь – будешь здесь, чтоб повторять «Я есть!».
 Я есть...

Любимая, ты помнишь ночи?
 Они сгорали словно спички, но были ярче звёзд и лун.
 Ты слышишь птицу гамаюн?
 Я нет.
 И жив лишь по привычке.

БРАЗЕРВИЛЛЬ. Горизонталь

Распластались по будням, видим не даль мы,
 угол зрения меньше, чем у ковра,
 мы с тобой безнадежно горизонтальны,
 мы с тобой научились друг другу врать.

Вертикаль – неудобна, она нелепа,
 если ползает рядом внедрённый бог –
 он поможет тебе не достать до неба,
 созерцать не звёзды, а потолок.

Небосклона, признаться, уже не надо,
 не вставай, и тогда – не отбросишь тень;
 нас учили бояться вставать и падать,
 а теперь мы научим своих детей.

Слышишь, плещется море, и шепчут пальмы,
 на трёхмерных картинках закат сливов.

Бродит кто-то по улице вертикальный.
Не иначе безумец. Толкни его.

СВЕТЛАНА НИК ПЕШКОВА. Берега обетованные

Я встречу май в приморском городке,
где пёстрый день слоняется по пирсу.
Там жизнь бежит беспечно, налегке,
пекут лаваш – чуть толще, чем папирус,
а кофе, обжигая горько рот,
дурманит смесью перца и корицы.
Там рыжий пёс у рыночных ворот
кого-то ждёт, заглядывая в лица
таких же отдыхающих, как я, –
беспечных, бледноликих и нездешних...
Сидеть в кафе, любуясь на маяк,
душистый чай закусывать черешней,
и, от безделья мучаясь, искать
героев ненаписанных романов,
прислушиваясь к шёпоту песка
заветных берегов обетованных.
Я здесь жила. И сотни лет назад
лаваш пекла, рвала черешню в мае.
Мне рыжий пёс заглядывал в глаза,
он был моим, я точно это знаю.
...Седой хамсин окутывал залив –
мне этот день веками будет сниться –
я помню кровь в оранжевой пыли
и тряску в незнакомой колеснице,
горячий липкий взгляд, холодный зной,
желанье умереть и ужас выжить.
И мчалось солнце по небу за мной
отважным псом – взлохмаченным и рыжим.

АЛЕКС ТРУДЛЕР. вечная жизнь

посреди одичавшей евразии
я ношу расстоянья в груди
эк меня пустотой угораздило
не судим не судись не суди

даль неверными полнится криками
для крещенья узка иордань
правда око за око навывкате
а как выкатит выколи глянь

рубят головы мирные граждане
чтобы дважды не чистить ножей
будут чистые их выгораживать
им бы кожи нарезать свежей

новобранцы призыва любовного
вяжут песню на горле как жгут
по углам развелись уголовники
и от запаха серного мрут

берегись миротворцев пожалуйют
на разрытую землю любви
заходи на свечу запоздалую
и цветок у дороги сорви

кинь под ноги что пахнут могилами
в тёплый саван от зла завернись
рвёт рубаху прощается с милыми
непутёвая вечная жизнь

АЛЕКСАНДР ПЕТРУШКИН (СИБИРСКИЙ ВОЛК). Остров

Андрею Таврову

Обмелели холмы, или мельницы их
свет занёс по окружность зрачков лошадиных –
и лежит в земном мясе, один на троих
холм, врастающий в небо на пчёлах недлинных,
и свободно вращаются в нём жернова,
холм крошится в муку, что поднимется кверху
и мерцает, как речи живой голова,
и кроится тоской лошадиной по бегу,

он плывёт, как плоды в животах у реки,
что откроются медленней женщин, не сразу,
потому что глубины его высоки,
да и он уподоблен туннелю и лазу
в этих водах, чьи слайды ложатся к земле
и снимают, как Бога, свои опечатки,
что оставлены ими на всяком угле,
заштрихованным светом – человеческим и шатким.

Вот и трое растут плоскодонкой-звездой,
именуя своё за трещоткою птичьей,
что уносит не холм коготками в гнездо –
только лошадь и звук от неё неотличный,
а звезда в тёплой птице механизмом шуршит –
то клокочет, то квохчет, то камнем бежит,
кровь тачает, лежит, выцветая
в молоке, что вершится, как амен.

Холм скворчит в сердцевине случайной её –
и целует её жеребёнка, как Бог
в лоб и темень, в прозрачные лица,
что текут изо лба кобылицы.

ОЛЬГА ВИРЯЗОВА. Вот бы самой загадать и выбрать...

Вот бы самой загадать и выбрать,
пойдёшь ли напра-налево – как в сказке сказывается...
Полудня лоснится угловатая глыба,
птицы наверху захлопываются и распластываются.
На середину улицы – туго, словно идёшь по дну –
выберешься, смотришь: чайки апрельско-майские,

впутавшиеся в голубизну,
купное у них чародейство, таинство.

Горла их – горны, музыка им подстать,
крыльями гнутый воздух упруг и густ.
Ах, эта мускулистая высота
и существование наизусть!
Это тебе не оторви да брось –
с картою рек в груди, с компасом в голове,
хоть и почти бумажная снасть и кость,
чтобы легко носить её, не жалеть.

Ноги твои тряпичные – раз и два –
всё твоё человеческое выбирает близь,
верит в миры, картонные до нутра...
Но эти птицы, откуда они взялись?
Всё в тебе электрическое не твоё –
по водам, по воздуху, наобум
чайки ли, гуси-лебеди, белый шум,
ты ли, уловившая эту нить –
что-то такое во сны твои звонит,
что-то тебе сигналист, свистит, поёт,
тянет вперёд по линии силовой,
остальное стелется трын-травой...

НАТАЛЬЯ ПАНИШЕВА. Красные бусы

Опускаются сумерки. Запах сирени повсюду.
Вот июнь, а казалось недавно встречала весну.
Ты гостей провожаешь, ты за полночь моешь посуду,
И поёшь для себя, и уже не мечтаешь уснуть.

Всё гадаешь: в каких он сейчас пропадает улусах...
На Камчатке? А может, добрался до Южных Курил?
И в шкатулку шурша осыпаются красные бусы.
На слова был скупой, а такие подарки дарил!

Ты забудешься и примерещатся лебеди-братья,
Тридцать девятое царство, красивый и статный жених...
Поутру ты проснешься, нарядишься в белое платье,
И, конечно же, – красные бусы. Куда ж ты без них...

ЕЛЕНА ЭЛЕНТУХ. Антоновка

Она была чудаковатой,
носила суперские стрижки.
Последний год жила на даче
со старым кокером английским.

Вязала вечное вязанье, варила летнее варенье
и наливала в блюдца осам, творя высокий акт даренья.
Там солнце поднималось рано, там звёзды поздно расцветали,
от гроз листва блестела жирно, а георгины провисали.

Внезапно наступила осень. Тоску лысеющего леса
лечила выдохшимся спиртом, давно хранимым для компресса.
Сидела долго на веранде, бессмысленно сжигая спички,
под барабанчики дождя пугалась крика электрички.

Антоновки забытый запах вдохнула так, что заломило.
На выдохе спросила: «Ты..?»,
а как дышать
потом
забыла.

ДМИТРИЙ БЛИЗНЮК. супер наив

Я найду тебя в иконе из трав,
в клейком шепоте молоденьких кленов, сквозящих на солнце.
Так и хочется спросить у вечернего мира: ты еще здесь?
Но в ответ пахучая тишина
танцует босиком на теплом песке,
с голубой лентой ветра в прозрачных волосах.
Или это младшая сестра тишины?
С веснушчатым тонким лицом
нащелкивает песенку кузнечиков,
дразнит слух занозистым звуком далекой пилы,
вздрагивает звяком собачьей цепи...
Так я сейчас в каком мире? В лучшем из невозможных?
И правый берег сознания
исподволь исчезает в электрическом тумане;
я слышу тихое мур-мур мира —
песенку беременной кошки
(изящно растеклась по подоконнику),
прислушиваюсь к невечному, зыбкому, сиюминутному.
Так младенец в утробе
различает размазанные, будто джем, звуки музыки извне
и невпопад вздрагивает ножками,
миниатюрными кулачками.

Все эти легкие чувства — шестые, седьмые, восьмые —
твои, Господи, невесомые шаги.
А все мои слова — трехтонные одноразовые якоря;
я бросаю их на немислимую глубину,
чтобы уже никогда не поднять на поверхность...

ЕЛЕНА БОРОДИНА. Подсолнухи

Мысли – твои оголтелые птицы,
царско-небесные олухи,
бьются внутри головы – не укрыться.
Ты убегаешь в подсолнухи,
крепко зажмурившись. Вьется дорога
трещинкой между обоями.
Смотрят картинно глазами Ван Гога
жёлтые люди, ладонями
глядят, жалея. Бормочут: «Чего же,
рады. И наше вам с кисточкой!»
Липкой пылью – иероглиф на коже.

Я за своей аутисточкой
снова срываюсь, стирая границы
разных миров.
Вера-Верочка,
станешь ли взрослой?

В цветочные лица
смотрит дождливая девочка.

САША ЛУРЬЕ. Сатурн

I
Чтобы превратиться в сатурн когда-то,
нужно поиграть за команду сатурн 2-го строительного комбината,
сдружиться со всеми тренерами, игроками.
Выходить на поле против команды пламя,

победить с чувством радости и азарта,
потом выбить из кубка района команду фабрики 8 марта.
И выйти в финал против команды юпитер.
Одеть зеленый вратарский свитер

и в рамке выстоять, победить с упорством пьяного водолаза.
Потом под вопль потрескавшихся трибун
превратиться в яркий ночной сатурн
и покручивать обручи вокруг таза.

II
Грузди – черные гроздья грусти.
Гвозди – белые гроздья злости.
Растут на бескрайней равнине русской
гвозди-грузди и гроздья-грузди.
Засыпаю. Они меня не отпустят.

III
Весь пасмурный вечер играл в футбол.
Настрой был серьезным, народ был зол.
Весь пасмурный вечер подарил игре:
не сидел в библиотеке или другой норе.

Мастера автосервиса и мяча
друг друга стряхивали с плеча.
А я в защите стоял стеной,
в меру пьяный и в меру злой.

Ничья, дождливый физкульт-привет.
Как перевернутое ведро
гремел район, и струился свет
над полем в пасмурное серебро.

ЖИЛЬ ДЕ БРЮН. еретик

Еретика колпак надень и, осуждений не приемля,
смотри в последний этот день на обезвоженную землю,
на католический собор, на обывателей угрюмых.

Их нравы не возмёшь с собой в небытия пустые трюмы.
Теперь всё просто, и уже не нужно слов и оправданий –
ростком колючим на меже твоя борьба их ниву ранит.
Но кто объявлен сорняком, и осуждён к прополке божьей,
тот много лет спустя, потом, в потомках дать побегу сможет.
И что теперь тебе костёр – огнём не выжечь новой веры.
Не ангел крылья распротёр, но тучи, чьи подбрюшья серы.
Неужто дождь в такую сушь тебя в бессмертие проводит?
Тела всегда тесны для душ, но покидать их при народе –
как обнажаться при гостях – и неуместно, и постыдно.
Но и в обугленных костях следов раскаянья не видно.
И эта милость – удавить перед сожжением – забавна.
Им лишь бы крови не пролить... Толпа стозевна и стоглавна:
с детьми, с корзинами жратвы – во имя Бога, дайте зрелищ!

О, как невежественны вы, и спасены от ада тем лишь.

ВЛАДИМИР ПАУКЧТО. В ночном

Сплетались кукурузные колосья,
Склонившись по-над пажитью ржаной.
А нам во сне сегодня не спалося,
Любуясь занимавшейся луной.

Лишь отзвук стих вечернего заката,
Мы выпали из повседневных дел.
И лошадь умной мордою усатой
Со мной лежал и на небо глядел.

Согнув в локтях усталые колени,
Бледнели очертанья наших ног.
Луна вокруг отбрасывала тени.
За речкой звонко выкрикнул щенок.

Скотина задремала на погосте.
Пространства огласила тишина.
Плыла среди звёзд поверхностная плоскость,
Вплоть беспробудным сном погружена.

Мы с лошастью делились спелым хлебом,
Не понимая больше ни о чём,
Пока на нас космическое небо
Не потекло рассветным сургучом.

ОЛЕГ ПАРШЕВ. Когда приходит весна

Когда приходит весна и тает повсюду снег,
В нашем дворе бродят Гамлет и князь Олег.
О чём-то шутят, спорят и говорят.
А следом ползёт змея, источая яд.
Но принцу и князю вовсе не до неё,
Поскольку весь мир спрятался в их копьё.
А они сжимают, держат его вдвоём.
Что в нём такого? Оно – как шахтёрский лом,
Хотя в нём огни вселенных мчатся, что было сил.

А с тучки слетает ангел – десятикрыл,
 Садится на мой балкон и глядится вниз.
 А змея тут же шепчет: Приятель, потише, плиз...
 И ангел делает вид, будто не при делах.
 Он обрастает шерстью, он весь в репьях.
 И бурчит: «Верно, дело-то не моё».
 И пишет стихи, и незримых жуков клюёт.
 И тогда я кричу: «Скорее!». Мы мчим во двор,
 Пока ещё слышен говор и тихий спор.
 Но если Змей их настигнет (ох, жала его остры!),
 Нам, дорогая, придётся спасти миры.

АННА АКЧУРИНА. Кропит наскальный часослов

Кропит наскальный часослов
 Грозы разительная милость,
 За слоем слой смывая прах.

Что прозябало между слов,
 но не случилось, не случилось –
 цветет коростой на губах,

пронизывает плоть левкаса
 и в вечность просится: живу! –
 покуда яростная плазма
 снедает царства, как траву.

ЮЛИЯ СЫЧЕВА. Мой ангел конвойный

Мой ангел конвойный, мой клоун коверный,
 не рыжий, не белый, а угольно-чёрный,
 с фингалом под глазом на лице испитом,
 но это не важно, под гримом не видно,
 его меж своими считают придурком
 и я для него не работа – халтурка,
 так, глянул вполглаза – всё вроде в порядке:
 пашу на своей поэтической грядке,
 не пью, не замечена в связях порочных,
 сдала я досрочно экзамен на прочность,
 идя по заранее выбранной планке...
 Но ты между делом храни меня, ангел!

ЛИПА ЛИПОВАЯ (ВИКТОРИЯ СМАГИНА). коулрофобия

«На мели мы лениво ловили линия...»
 Недоловленный линь, неудавшийся выход
 молчаливой Пьереттой в сценарии дня,
 где овации зала шутам и шутихам.
 Не шути о шутах.
 Здесь давно в колпаке
 каждый третий, а первый стократ околпачен.
 И, сжимая бенгальский огонь в кулаке,

четким строем идут арлекинские мачо
 в разноцветном трико, круглоносы, лихи.
 «Вот и я!» тут и там.
 Берегись, несмеяны.
 Пошлость – норма речей,
 что ни глупость, то – хит,
 что ни лозунг, то – бред,
 что ни взгляд, то – стеклянный.
 Оловянный солдат, деревянный болван...
 Размалёванный «яни» охмурит под копирку.
 «На мели мы...»
 Растролленный левиафан
 сеет споры по тварям, по весьям и циркам,
 инфицирует стёбом трагичный реал,
 истекает злословьем гогочущих бесов.
 ...Торопясь под софиты /беснуется зал/,
 не смотрюсь в зеркала.
 Я боюсь клоунессы...

СВЕТЛАНА СТИХАЧ. Дохлый номер

Я боюсь уснуть, потеряв сюжет...
 Рифмы ползают мимо, пока я сплю.
 Мне без них – как по' миру в неглиже.
 Правда, это, наверное, плюс.

Я пыталась опомниться, стать как все,
 в черепашьем панцире чтить уют,
 грызть на завтрак рекламные чипсы газет.
 верить в лу...
 увы, не дают.

Но однажды: вот выход!

... Ан нет – коридор.
 Я искала там смысл, а нашла ключи
 от бесчисленных ящиков...
 Нас, Пандор, –
 дохлый номер учить.

Покажи мне, будь ласков, тот самый Backspace,
 но в реале нет глупости большей: ловить
 перья канувших в быль воробьишек-словес
 запоздалой любви.

Где ты, смысл?
 Где ты, пафос?
 Мораль?
 Резюме?

Тихо жить, как сорняк, в никогда, низачем?

Отражение в зеркале хмыкнет:
 – Забей...

И ни ящиков, ни ключей.

Майский тур 2016 года

Подано заявок – 221
Отборочный тур – 96
Отборочный тур резидентов – 100
От номинаторов и квота ГР – 25
Лонг-лист – 34
Шорт-лист – 18

– редакторы отборочных туров

Полина Орынянская
Сергей Черсков
Вадим Гройсман
Елена Наильевна
Максим Корсаков

– номинаторы

Александра Герасимова
Анна Гердмар
Ольга Мельник
Любовь Левитина
Ильдар Харисов
Александр Молочников
Лёша Исхаков
Международный поэтический клуб Рифма.ру
Альманах поэзии «Буквица»

– эксперты

Майя Шварцман
Виктор Коврижных
Антон Стрижак

ОЛЬГА КОРЗОВА. По утрам тяжелеют обычные вещи...

По утрам тяжелеют обычные вещи,
даже чашку из шкафа с трудом достаю.
И оборванный сон представляется вещим,
И качается мир,
и стоит на краю.

Это жизнь. Это вечное преодоление.
Я огонь разжигая в печи,
и во мне
от живого тепла разбегаются тени,
поднимается день,
будто тесто в квашне,

Набухает, ползёт
и становится хлебом
под моими руками,
привычно обмят.
И крошу, и ломаю его на потребу,
А к полуночи охну –
он был или не был? –
но плывёт над землёю его аромат.

ОЛЬГА ВЕДЁХИНА. Девушка едет в метро...

Девушка едет в метро.
Переезжает вброд
всю ширину Невы.
Лютиковое облако вокруг её головы,
в пальцах конспект.
Остановка «Невский проспект».
Сейчас она застегнёт пальто,
исчезнет шеи пионовый лепесток,
ключи от рая в форме ключиц,
тату в виде стайки взлетающих птиц,
цепочка, впадающая в персидский залив –
от слова «перси», которое отчего-то забыв,
мы потеряли в языковой дороге,
заменив холодным и строгим
«грудь»,
в котором слышится «грусть»,
только звону больше. Грудь –
это глыба камня, колодезный холод;
слово «грудь», как молот,
который выронила рука,
падает с языка.
Как потеряли мы эту замшу персика,
как отказаться посмели... Перси
исходят теплом овечьим, амброзией и нектаром,
дышат опарой,
сотканы из тычиночного вещества...
Двери сомкнулись,

девушка вышла,
в вагоне витают утерянныя слова.

ВАЛЕНТИН ЕМЕЛИН. Бусы

сначала звук оборванной струной
и капли солнца раскатились леденцами
по кафельному полу
они легко касались
тёплой гладкой стороной
названия не помню
будто бы авто
но нет не то
в котором ты катал меня тайком
жаль в темноте не разгляжу лицо
за этим бубликом
за этим колесом
как двое наших огольцов
на пару разломив
его уписывали с молоком
тогда корову мы ещё держали
весной отец вернулся
мы его не ждали
оттуда
но вмешался исполком
и там разобрались
всего через два года отпустили
да в забой
его не взяли
был не в силе
помню всё прятал под подушку хлеб
ночами
жевал его обломками зубов
скитаться нам пришлось вначале
по койкам
стройкам
дела непочатый край
потом
она
и не согреться
голод без конца
убей не помню твоего лица
как будто сигаретой
в карточку
и пеплом по краям
где экипаж
участвовал в боях
и ты с неё пришёл
и всё наладилось всё было хорошо
потом обрыв
как внуки родились
квартиру дали
но восьмой этаж
стандартных тридцать пять
жилые две
мутится в голове
провалы

памяти не стало
вот опять
забыла газ
нет вспомнила сейчас
ты подарил мне их до свадьбы
и надо леденцы собрать бы
но всё равно теперь их не найти
какое тусклое окно
стекло мешает и давно
пора помыть
а тапочки поставить на карниз
почти что новые невестке пригодятся
смотреть не надо вниз
а может стать
к тебе приду по этому пути

ИРИНА ВАЛЕРИНА. О боги, боги

Когда над домом вечный свет разлит,
а из кустов шиповных льются трели,
выходит бог из тёмной параллели
и говорит о тёмном, говорит,
что мало веры, что одна вина
не делится уже на миллиарды,
что хочется порою выпить йаду,
а может, йоду – так болит спина
держат весь плоский мир в ближайших планах.
И сын – незаживающая рана –
под сердцем саднит: как, на чью войну,
за что, зачем, кому и чем воздастся,
за то, что сынку – умника, красавца –
распяли в ту холодную весну
промеж бесправьем и разгулом «наших».
Потом он плачет и руками машет,
а может, регулирует поток
архангелов, гремящих на восток.
Потом молчит. Но плачет соловей
за блудных дочерей и сыновей,
за матерей слепых и за отцов,
уже не разбирающих основ.

А после бог встаёт в свой малый рост,
трёт горький рот: сейчас, один вопрос.
Толкает небо: «Спишь ты, что ли, бог?!».
Так завершив свой краткий монолог,
скрывается во тьме подъездной щели.

Нисходит тишина и гладит ели.

И вслед за этим бог второй идёт
по облачным подогнанным ступеням,
бормочет: «Вот же старый идиот,
поднимет раньше срока, взбутетенит!
И нет бы подождал! Я что, юнец,
лететь на всякий зов и, наконец,
стоять за каждым первым чахлой тенью?
Да как вы задолбали, в самом деле!

Хотели воли? Жрите! Кто я вам:
 хозяин, нянька? Равные права
 всегда у сильных вырастут жирнее.
 Делите сами. Я устал. Я стар
 пророчить в несгораемых кустах
 и отводить ножи от детских щек.

Ваш мир сродни набитому трамваю.
 Я обилетить, бля, не успеваю!».

А третий бог, застывший над листом,
 держащий сонмы буквенных букашек
 на острие, в который раз не скажет,
 что видится в туманности густой,
 а лишь стряхнёт орду летящих букв
 на поле смыслов, что давно обрыдли.

Заглянет в опустевший зев клепсидры –
 и скинет пепел с новых светлых брюк.

РУННА. ***

В воде по колено, в резиновом сапоге
 Стояла одна елена на мокрой пустой ноге.
 Весна вверху – внизу ещё не пора.
 В ноге дыра, повсюду мох и кора.

Была пуглива, и некрасива, и неправа.
 Молчала, сидела криво, как есть трава.
 Вмерзала в лед, весной начинала пить,
 С небес вода прибегала ее топить.
 Ждала семян для времен, чтобы выйти вон.
 Таких елен из полян торчит миллион.
 Она не одна растёт из земного дна.
 И все видны, но эта – освещена.

А где-то над, и сбоку, и за спиной
 в безвестный воздух бросив огромный рост,
 есть дерево, птичий беспечный приют сквозной,
 одновременно – город, гора и мост.
 Себе самому навстречу будущее несёт.
 Оно не конечно, оно никогда не всё.
 Оно – цветенье, хоть и не зацвело,
 Оно как сердцебиенье всему назло.

Проходит, свободен, светел,
 Лёд, который ручей.
 Она стоит перед этим – неведомо перед чем.

Весна зияет. Веет. Таёт. Лучи растут.
 Елена верит-не-верит, что дерево тоже тут.

И, обмерев в провале, в пропасти голубой,
 Кивает ему, кивает разомкнутой головой.

МАРИНА ЧИРКОВА. бабье лето

в горьких व्यюнах, пижмах,
 головках чертополоха
 лечь и молчать: вышит
 выше, вишнёвей вдоха,

вырезан из ржавых
 крыш жестяных, горячих —
 кровным листом каштана...
 (шёлковая иначе,
 спряденная чужими,
 сотканная вслепую
 жилка, тропа ли в глине,
 трещины тень?..) разуюсь:

розы густой бронзы,
 мята глухих, мягких...
 просто молчать. возле.
 ежа, репей, мятлик...

нечаянная но закрой глаза
 и весь собравшись на кромке губ
 о как ты будешь ловить меня
 и ждать во тьме чтобы вновь и вдруг
 как вздрогнешь трогая где трава
 уколы кончиков мокрый ворс
 хвоинок спутанных стрекоза
 блесной зависнет слезясь насквозь
 чешуйка рыба не сколупнуть
 поймал русалку терпи обняв
 нежнейшей судорогою рук
 и ног впивайся а вот слова
 в которых знаю почти что груб
 и небо навзничь легко легло
 наждак загара волос овсюг
 а мне нечаянно так тепло

где ночные-чёрные волосы твои
 жесткая неглаженная лебеда
 если потеряюсь только не прогони
 летнее ли ворохом и чехарда

порох тёплых тропок звон семян-узелков
 пальцы разнимаю едва да едва
 шёпотом в макушку выдыхать мотыльков
 где слова не сломаны о слова

БЭЗИЛ СМИТ. Выходишь покурить в обледенелый

Выходишь покурить в обледенелый
 ночной подъезд – и кажется, что вся
 проходит жизнь перед глазами, белый
 кружится снег, куда-то унося –

в воспоминанья и еще подале,
 в такой же вечер новогодний, где
 во тьме вот так же фонари дрожали
 и таял снег в светящейся воде,
 и белым мотыльком, сложившим крылья,
 спала подруга школьная над той
 счастливой пустотой, в которой плыл я,
 переполняясь этой пустотой,
 и я хотел толкнуть ее тихонько,
 и объяснить ей что-то: Новый год,
 такое счастье... «Ты послушай только...»
 Но не будил, и рвался мысли ход.
 Мы спали, спали. Спали, спали, спали.
 И, сонные, еще не понимали,
 как хорошо, что все это прошло...
 Торгуют продуктовые палатки.
 Пар изо рта... и холод на площадке...
 И лифт гремит по шахте тяжело.

ЮРИЙ ОКТЯБРЁВ. Всё пройдет

Всё пройдет, пройдет и это – то, что мелочью постылой
 раскатилось по карману – звона много, толку мало,
 что последнею монетой тонет в вязком слое ила
 на немьтом дне стакана – «что упало, то пропало»,
 то, что аистом на крыше начинало не однажды
 вить гнездо по всем уставам – но закончить не сумело,
 потому что раньше мыши свили гнёзда в дырке каждой,
 и уже король трехглавый из норы выходит смело,
 то, что падает на кухне каплей-молотом из крана
 посреди бессонной ночи, разрывая перепонки,
 что в мозгу саркомой пухнет от инъекции обмана
 и плацентой кровоточит нерождённого ребёнка,
 что на глянце старых фото проступает рыжим цветом,
 а виски пятнает потом – всё пройдет, пройдет и это.

А когда пройдет всё это, тот, кто властвует над телом
 и за миром наблюдает через глаз твоих бойницы,
 тот, кто за тебя в ответе, приручивший между делом,
 пригубит остатки чая, сокрушённо покривится –
 блин, остыл совсем, да ладно, всё равно конец программы, –
 соберёт в контейнер чипы, шторы век твоих опустит,
 выйдет в коридор прохладный, тиснет сенсор пиктограммы,
 заменив на надпись типа «Тест окончен», и без грусти
 обесточит установку, опечатав личным кодом,
 и отправится на отдых, чтобы завтра с новой сменой,
 проскользнув без остановки по зеркальным переходам,
 кликнуть Enter в новых родах на другом конце Вселенной.

ЛЁША ИСХАКОВ. От мая...

От самого мая до мая
 протискиваться сквозь грозы, ломая
 приобретённую ложность своих суставов.
 Смотреть с точки зрения вниз, иногда устало

прижавшись щекой к застеколью родного края

Раскачивать маятник с амплитудой –
«от мая до мая»

Сновать в лабиринте с маневренностью трамвая,
тактильным слонем аккуратничать в лавке с посудой,
торчать в котловане жилья как забитая свая

В сезон, огрубевшие лица с себя сдирая,
отчаянно корчиться, пережидать в «Кагоре»
трансличный переход. Там, где чуть живая
вода, собирать маяки на заброшенном море
от мая до самого мая.

АЛЕКСАНДРА ГЕРАСИМОВА. мёд зачерпни порежь имбирь наполни чашку чаем

мёд зачерпни порежь имбирь наполни чашку чаем
и вспоминай по одному умолкнувшие дни
смотри за шторой свет звенит апрелев и отчаян
в опрелый сердолик стекла как в озеро нырни
и наблюдай за домом сад за садом перекрёсток
как блёстки рыбьей чешуи бликуют фонари
и свет уводит беглый след в бесчисленные вёрсты
и прорастает глубиной немислимой внутри
и речь лелеет города и вновь дробит на слоги
вороний кра лиловый льво и неокрепший ми
гулит плотнеет глубина и обрастает словом
как полноводная река ручьями-дочерьми
произнеси и будет день очередной немолчный
разбег земли задрезжит стеклом заговорит
о чашке чая с имбирём медовой и молочной
о бликах дальних фонарей и алтарях внутри

БОРИС КУТЕНКОВ. И вот мне приснилось, что нет украинской войны...

И вот мне приснилось, что нет украинской войны;
она – тишина, отступающий сбой хромосомный,
и горькая смертная музыка льётся, как смех,
из песенных скважин и жизненных прочих прорех.

И вот мне приснилось: ни доллара нет, ни страны,
а есть этот ужас двоящейся песни, есть голос
роящийся, к свету стремящийся, как неофит,
и в спрошенном слове острее и строже болит.

Но если ты встретишь меня во внезапной беде –
спроси обо всём, но не спрашивай больше об этом:
я голосом буду чужим – и везде, и нигде, –
твоя колыбельная смерть, окружённая светом;

как лёгкая лодка, шататься на длинных волнах,
как белое золото, плавиться в лёгких руках,
вниманьем твоим, Вифлеемом твоим, Назаретом, –
но нет, не твоим ожиданием жив.

... и вновь часовщик достаёт из контекста земного,
и вертит, и ставит на место тревожное слово,
ни прежней загадки не выдав,
ни новой в себе не сложив.

ΚΟΥΚΚΕΤ. Санторини

Ночь над маленьким городом,
сохнут тарелки, кружки.
Набиты любовным шепотом
гостиничные подушки.
И чтобы сквозь окна синие
лучше услышать море,
построились в ровную линию
комнаты в коридоре.

ДИАНА РЫЖАКОВА. Сука-любовь

Она приходит когда не ждёшь,
Когда по сценарию мелкий дождь,
Сокольники, крестики-нолики.
Потом антракт, остывает чай,
– Чего не хватает-то? И отчаянно
Молишься, молишься вечности,
Особенно истово вечером.
А тут с порога тебе:– Ага!-
Носок резинового сапога,
– А я тебя разве трогала?
А ты сияешь, как медный таз,
Эмаль голубая потрескалась,
Какие открытые раны,
– Ты что-ли сегодня пьяный?
Шершавые руки, пот горчит,
Голодный, обветренный рот: – Молчи!-
И крылья под белой майкой,
Под логотипом Найка.

Шутит, а мне совсем не до шуток,
Лицо опасно для жизни,
Стекаю по улицам мутной жижей,
В ней тонут старые миражи –
Легковоспламеняющиеся,
Многотоннажные баржи.
А на миру и смерть красна,
И как-то сама собой пишется
Самая ритмичная,
Самая головокружительная
Во вселенной весна.

АННА ПОПОВА. Страница

...И она говорит – негромко, почти стихами:
«Ты уже не живёшь. Ты маешься, выдыхая
то вину, то ненависть, то унынье,
а умеешь – даль и слова цветные...»

Я вдохнула и собралась... подобрать эпитет.
И застыла. Её все обходят,
никто не видит,
вон, ещё один обошёл.
А она говорит: «Просто дай мне руку,
и твоё добро – от меня – потечёт по кругу...
и не сразу, но всё будет хорошо...»

Я подумала: психопатка в одежках грязных.
В наше время хватает всяких-разных-заразных!
Люди, психов с непсихами соразмерьте...

Я встречала её и позже. Смотрела вслед.
С интервалами в десять лет.
И всегда – после чьей-то смерти...

Кто-то видел её. И, словно от прокажённой,
отстранялся: мол, не поймут ни мужья, ни жёны,
ни родители, ни друзья, ни кот на балконе,
уйди! И дай мне пожить спокойно.

И однажды я поняла... Что она болела,
что она пожалела –
сначала себя, а потом других пожалела.
У неё равны и «первые», и «вторые»,
у нее линялый плащ прикрывает крылья.
И она прозревает в ужасной смуте:
если плащ откинуть и развернуть их,
ослепить поярче и помощнее,
то, конечно, люди пойдут за нею.

Пойдут за крылатым шоу,
картинкой дешёвой,
обожаемой, ненавистной.
Побегут с восторженным гвалтом, свистом,
вознесут превыше дворцов и храмов,
обкорнают крылья до алых шрамов,
насуют не мятых полтинников и десяток,
а завалят валютой, визжа, спеша.

И она это знает.
И знает, что ей нельзя так.
Ходит по морю,
по миру,
по руинам её душа...

ЕЛЕНА ТАГАНОВА. Живая

Все в порядке, милый. Ты думал, что я живая.
Что хожу в кино и Хит FM подпеваю,
что родить не прочь, что жду твоего звонка.
Но в моем саду зарыта сторожевая –
я семь раз ее переехала на трамвае,
а теперь копаю ямки ее щенкам:
Одноглазому – удобрять молодой крыжовник,
Колченожке – гнить, пионами окруженной,
а Плешивец бросит кости под ту сирень.
Как закончу рыть – возьми меня, милый, в жены.
Заживем – и будет все у нас через жопу:
борщ, пеленки, грядки, прочая дребедень.

Хороша. Семь пядей во лбу, да не в зуб ногой –
хоть бычки туши о ее миокард нагой,
а глаза кричат: вложись – возвращу сторицей!
И казалось бы – вариант-то недорогой,
увези ее не в Ниццу, так в Уренгой,
ну а там – не лавацца, так кренделя с корицей...
Тридцать три несчастья, семь безответных бед, –
не пали ее, Google, сколько ей лет в обед,
что наскучил минет, что ужневтерпеж ребенка...
...и укутана грелка в штопанный бабкин плед,
и фрамуга скрипит-свистит журавлю вослед,
и стекло дребезжит его джипарю вдогонку...

Все ни к черту, отче. А что до сих пор живая –
то порода вьючная, выправка гужевая
(вот последний мой грош становится на ребро).
Я в кредит по всем пустырям вколотила сваи –
и окрест тех мест в гумилевском кружу трамвае
да волну нагоняю на корабле Рембо.
Семь потов – не потоп, покуда семь шкур на откуп,
и семь верст – не околица, коли идиотка...
Ты расти, моя сныть, до самых седьмых небес!
Все в порядке, мама. Но в брют я не верю. Вот как
расквитаемся с рождеством – перейду на водку...
Полощи мне уши, да в рюмку мою не лезь.

Июньский тур 2016 года

Подано заявок – 221
Отборочный тур – 96
Отборочный тур резидентов – 100
От номинаторов и квота ГР – 25
Лонг-лист – 34
Шорт-лист – 18

– редакторы отборочных туров

Полина Орынская
Сергей Черсков
Вадим Гройсман
Елена Наильевна
Максим Корсаков

– номинаторы

Александра Герасимова
Анна Гердмар
Ольга Мельник
Любовь Левитина
Ильдар Харисов
Александр Молочников
Лёша Исхаков
Международный поэтический клуб Рифма.ру
Альманах поэзии «Буквица»

– эксперты

Майя Шварцман
Виктор Коврижных
Антон Стрижак

СВЕТЛАНА ШИРАНКОВА. Пристань сорока шоссе

Столица – пристань сорока шоссе.
Сюда приходит каждый одиссей
И учит по ускоренной программе
Язык – неглинный, трубный, моховой;
Брусчатка облаков над головой
Пружинит под тяжелыми шагами:
Архангелов почетный караул
Москву по кромке МКАДа обогнул.

Бог перекрестков, сидя на Тверской,
Орудует в наперстки день-деньской
И шарик солнца под Манежной прячет,
А ты плывешь, пятак зажав в руке.
Ручей Варварки вынесет к реке
Трамвайчик и косяк машин в придачу –
Сквозь грязь и хлябь просоленной зимы
В неистребимый запах шаурмы.

Смеется март, гуляка и ходок...
Эй, одиссей, купи себе хот-дог
И полвесны московского разлива.
В Гребном канале проступает Тибр,
Над Пушкинской вспухает Палатин,
Мимоза превращается в оливу,
И варвары, как и пристало им,
По камешку разносят Третий Рим.

Нетороплив столичный рагнарек.
Ты, одиссей, ступай себе в ларек,
А лучше возвращайся на Итаку.
Не тронь времен ослабленную связь.
Твоя война еще не началась,
А там, глядишь, и Троя сменит власть,
И пенелопам не придется плакать.

АНДРЕЙ ФАМИЦКИЙ. никто

под свисток динамичного паровоза
умирает Анненский на вокзале.
никакая поэзия или проза
ничего пронзительней не сказали.

ждут курсистки красивого педагога,
паровозный дым окна черным застит,
Царскосельская тихо поет дорога,
и одна Звезда незаметно гаснет.

АНДРЕЙ МАРТЫНОВ СЛОВО. я жил как все

я жил как все
один из прочих
влачил тащил работал пил
и вдруг
проснувшись среди ночи
неимоверно ощутил
как лошадь белая
и речка
и ветхий яблоневый сад
и оловянных человечков
неубиваемый отряд
и ёжик родом из тумана
и коленкоровый портфель
и рама чистая
и мама –
все где-то
ждут меня
теперь

ЕЛЕНА БОРОДИНА. Сны

Ты знаешь, мама, уплывают сны –
холодные бесплотные плотвицы.
В прорехах прохудившейся весны
проглядывают пасмурные лица
плакучих дней.
Промокшие дома
рождают ранним утром постояльцев.
В прокуренных сетях своих же пальцев
я снова задыхаюсь.
Страшно, ма.
Вчера срубили тополь под окном:
на чёрном теле – сахарная мякоть,
копна ветвей истоптана, измята.
Ты знаешь, мама, только об одном...

Ты знаешь, мама, только об одном
прошу, вдыхая запах древесины:
не потеряться, став однажды сном –
тяжелым,
беспокойным,
тополиным.

АЛЕКСАНДР ПЕТРУШКИН (СИБИРСКИЙ ВОЛК). Подкидыш

Ты дом покинешь – развернётся он
на стаи и сады, где из ворон
был выбран или собран, как пятно
цветное и, где в скудное зерно
постукивает свет и, близоруко
ощупывая сердца погремуху,
горит, на нефть похожий, чернозём,
где речь моя глухонема, слепа
и только ночь моргает, как звезда,
и источается до линии – предела,
где лай лягушек вырастает в белый,
развёрнутый, как майский свёрток, мёд.

АЛЕКСАНДР КРУПИНИН. Человек, побывавший однажды в городе N

Человек, побывавший однажды в городе N,
получает невидимую отметку на лбу.
Когда он проходит мимо, слышится пение сирен.
Говорят, он подобен кобре, сатиру и льву.
Когда он проходит через отделы фруктов и молока,
когда он проходит через рыбный отдел и мясной,
когда отстраняет от кассы пьяного мужика,
когда идёт по Садовой и затем по Сенной,
прочие люди дрожат, крадутся около стен,
хотят раствориться в воздухе, будто крахмал в колбасе.
Никто не может представить, что был он в городе N,
но ясно, это Другой – человек не такой, как все.
В глазах его город N. Пришелец смотрит вперёд,
но вряд ли понять способен, куда лежит его путь,
покупает сосиску в тесте, зачем-то её жуёт,
зачем-то жуёт сосиску, и это, конечно, жуть.
Где-то там далеко за морем находится город N,
находится только для тех, кто нашёл его.
Счастливым, хоть раз стоявшим в тени его толстых стен,
уже не нужны сосиски, не нужно вообще ничего.

НАТАЛЬЯ МАЛИНИНА. Вербное

Скучает пристань;
Толгский монастырь
полощет купола свои в купели
апрельской Волги. Мы давно хотели,
покуда дачи с пляжами пусты,
подкрасться к деревянному причалу,
не привлекая оголтелых чаек,
не расплескав непрочной красоты.
...Как будто с вербы жёлтая пыльца,
твой смех осядет на пейзаж прибрежный.

Я снова умолчала слово «нежность» –
 попробуй целовать его с лица.
 Пусть это будет временная суть
 того, о чём теперь не скажешь всуе.
 Осыплются пылью поцелуи
 и вербой прорастут когда-нибудь.
 Как плещется, как бьёт крылом закат
 огромной водоплавающей птицей!
 Наверно, мне не раз ещё приснится
 и берег, и волна, и долгий взгляд,
 твоё повечеревшее лицо,
 и это состояние прибоа...
 Да, «всё пройдёт»,
 но не для нас с тобою
 пока что эта мудрость мудрецов.
 ...Взовьётся в небо колокольный звон
 в неслыханной ещё аранжировке:
 в нём – верба, вечность, поцелуй неловкий
 и наших сочетание имён.
 В нём «суть и муть» неверных «вешних вод»,
 в нём то ещё, за что «господь-прости-нам».
 ...И лишь одной поэзии по силам
 осуществить синхронный перевод.

ИРГА РЯБИНА. Зелёные зайцы

Горчичный (по цвету), лакричный (по вкусу) день,
 Медовое солнце и взрывы стручков акаций.
 Иду и пытаюсь забраться поглубже в тень,
 Напрасно – прохожие тычут вдогонку пальцем:
 «Смотрите, смотрите, какие смешные зайцы!»
 А зайцы не слушают, им отвлекаться лень.

Зелёные зайцы беззвучно катают мяч
 По тёплому полю привычно-родного ситца.
 Мне с ними спокойно. Щербатый асфальт горяч,
 В автобусных окнах пекутся, как пиццы, лица,
 Старушки мечтают как можно скорее слиться
 С толпой пассажиров, спешащих в прохладу дач.

Пижамные зайцы бегут по моей спине,
 Мы с ними бросаем рисованный мяч проходим.
 Я знаю, что люди не ходят в пижамах вне
 Закрытых квартир, но за дверь мир слишком сложен,
 Я в нём озираюсь, как в тёмной чужой прихожей.
 Быть может, зелёные зайцы помогут мне?

ОЛЬГА ДЕНИСОВА. Во сне я говорила по-монгольски

Во сне я говорила по-монгольски,
 Раскатывая камешки согласных,
 Я упивалась вкусом их забытым,
 Вдыхала воздух радостно и вольно,
 И резвые слова, как жеребята,
 Вдогонку друг за дружкой к горизонту

Скакали, вздернув куцые хвосты.
 Степь пахла солью. Утренней прохладой
 Чуть веял над травой ветерок.
 Над белой юртой плыли струйки дыма.
 В высоком небе тихо, круг за кругом
 Чертил, расправив крылья, белый коршун.
 И перламутром иней зажигая,
 Всплывало солнце красным поплавком...

НЕЛЯ СЕМИРЕЧКИНА. Бродяжное

Крылато вечер
 скатом
 плывёт навстречу, скатан
 из мякиша заката,
 крупинок черемши,
 из мятлика, из мяты...
 Тревогу заглуши,

тропа...
 судьбы бороздка...
 едва, мелком неброским,
 намечена. Наброском
 отшельничьих сапог.
 Уйти совсем? Загвоздка.
 Уйти в себя – заскок.

Бурьян. Река-закваска –
 лягушек под завязку,
 ловушек – бродит вязко.
 Пуантилизм, панно –
 разросшаяся ряска
 вдоль берега. Чудно,

канавки что каньоны,
 морщинистые склоны
 мудрёней Аризоны,
 трава что малахай
 и крылья махаоны –
 ладони. Что ж. Порхай,

пари в душистом паре
 над заревом, в разгаре,
 в пространстве дум.
 Розарий
 разверстого костра...
 Сгорает день, сценарий,
 тропа... а, может, трап?

ЛЮДМИЛА ЯДЪ. В полях ромашковых раздольных

В полях ромашковых раздольных
Стоит не скошенный погост.
Скирды колышутся привольно,
На них жирует певчий дрозд.

Там где ногой жуков мохнатых
Протоптан через речку брод,
Чудесных бабочек пархатых
Высок стремительный полёт.

И ягод красные глазёнки
На тонкой шейке стебелька
Листочки тянут, как ребёнки,
Над влажной сенью ручейка.

Шумят серёжками берёзы,
Будя возвышенность во мне.
И из лица на землю слёзы
Стекают в низ по голове...

АЛЕКСАНДР ГАБРИЭЛЬ. Сценарий

В сценарии записано: стареть,
не рваться ввысь, питаться овощами,
покорно обустроивая клеть
безжизненными нужными вещами,
ходить в контору или на завод,
топить себя в простом рутинном вздоре,
дремотно избежав нейтральных вод
и сладостно манящих территорий.
Вся эта жизнь — простая штука. Ведь
не наш удел — турусы да торосы.
В сценарии записано: стереть,
как ластиком, сомненья и вопросы;
не веря в шансы, жить наверняка,
закрыв свой мир иронией всегдашней
и тихо ждать гонца из городка,
известного своей наклонной башней.
Точи металл, твори изящный стих
в кругу привычных маленьких событий.
Сценарий очертил от сих со сих
границы, за которые не выйти.

Не доиграв знакомую игру
и доведя строку до многоточья,
ты завтра вновь проснёшься поутру —
и в сотый раз
порвёшь сценарий в клочья.

ВИКТОР КАЛЬСИН. Мать говорит...

Мать говорит: «Воды бы...»
Осень стоит стеной, за которой вечность.
«Вот, мам. Пойду по рыбу».
Вода в реке иллюстрирует бесконечность

В гору ползёт пихтач,
с горы плетётся дорога.
Зазимок бросил плащ,
замедляющий время до тихого слога.

Выбранные огороды, вечная трин-трава,
собачка привычно брешет.
Что говорит Москва –
ни лесник не знает, ни леший.

В нашей географии любая карта не в масть, –
встретил почтальона – уже везенье.
«Не хочу умирать зимой, – повторяет мать, –
не хочу ложиться в мёрзлую землю».

С поля доносится «бах-бах-бах»:
попалась коза или заяц.
А о чем замечтался рыбак,
в сонном омуте отражаясь?

Золотая монетка лета блестит на дне,
их там много, утерянных и ничейных.
Рядом рыба и ей вполне
хватает времени, корма, течения.

Я прихожу домой.
Кошки на запах несутся летом.
Вечер встаёт стеной.
Мать говорит: «Кто там?»

РИТА КРУГЛЯКОВА. Тима

Раннее утро. Спит еще детский сад.
Только в одном окошке сейчас светло уже:
Тиму приводят первым – в шесть пятьдесят
И оставляют ждать остальных, со сторожем.

Тима ко мне пускается, как стрела,
И говорит обиженно и растерянно:
«Доброе утро! Где ты всю ночь была?
Я по тебе соскучился, Алексеевна!»

Тима меня не слушает. Никогда.
И на прогулке тащит мне «чай» из лужицы.
Я возмущаюсь. Он мне: «Моя звезда!
Я же мужчина, вот ты меня и слушайся!»

Он победит злодеев на всей Земле,
И в Новый год, в мороз, в темноту, в метелицу
Он приплывет за мною на корабле,
Белом-пребелом. И непременно женится.

ИРИНА РЫШКА. простынь

вчера был ветер, приходил — стучался,
выкручивал осине триста рук.
на лавочках — ни пьяниц, ни старух.
все разошлись, а ветер рвал на части
оставленную на балконе простынь;
она сопротивлялась как могла.
над городом сгустилась грозно мгла,
но где-то впереди забрезжил остров!
и простынь нас нежданно спасла —
раздулась, точно самый прочный парус!
и дом поплыл, как жёлтенький икарус,
и вазочка на краешек стола
скатилась, и задрезжала ложка.
и засмеялся мальчик у соседей, —
ура! мы едем, мы куда-то едем!
по кочкам и по маленьким дорожкам,
и в ямку — бух! и на пригорок — ухх!
и якорь распустился пышной кроной,
и только, тополь стоило затронуть,
как тут же повалил на землю пух.

ПЕТРА КАЛУГИНА. Стояли, курили

На верхней площадке, где воздуха больше
И вечно открыто окно...
Уже и не вспомнить, о чем разговор шел.
Мы были с тобой заодно

Для тех, кто нет-нет да поглядывал снизу,
В невольном откинувшись па
Над маленькой бездной. Мне всё это снилось,
Но я не уверен, что спал.

Стояли, курили, с тобой говорили
О скрытом порядке вещей
(Я вспомнил теперь). О галактиках пыли,
Разлитых по колбам лучей.

И с фактом таким соглашались мы оба,
Я — слету, а ты не вполне,
Что жизнь — это просто иллюзия колбы,
Мерцание «вне» и «во мне».

И, в тень отступая, ты вдруг улыбалась:
Всё — морок, слоистая взвесь,
Как дым сигаретный. Всё холод и хаос,
Но Бог, разумеется, есть.

Он – что-то помимо, вне пыли и дыма.
 «Ага-а! Значит, всё-таки – вне?»
 И ты улыбалась, поняв, что любима, –
 А значит, реальна вдвойне.

И форточка чуть дребезжала от ветра
 Стеклольной мембраной, и мы
 Клонились друг к другу, два столбика света
 В безвидном роении тьмы.

КАЛЬВИЯ КРИСПИНИЛЛА. Дания

А чтобы быть счастливой в Дании нужно родиться в Дании. Какой-нибудь Абели или Кирстен, а вовсе не Таней Сметаниной. Потому, когда бог смотрит на Данию и видит в ней Таню, он закрывает лицо руками, как будто бы таракана увидел — свою же тварь, но противную до чего же... А Таня плачет и молится, плачет и молится, дальше-больше.

И слышатся Тане повсюду его слова:
 «Катись-ка отседа, попрячься в свои хлева.
 Чёрной травую и отсыревшим зерном,
 Грязным налётом, выломанным окном.

Покуда не внемлешь, не дам тебе ни шиша,
 Покуда не выбьешь дурь, прогорит душа,
 Тюрьма тебе и сума тебе задарма.»
 И Таню в треклятой Дании жрут дома.

Отрыгивают, пережёвывают послед.
 На пепелище тонет в тумане кран...
 И Таня ползёт по проторенной след во след,
 Поводит усами рыжими по сторонам.

РИММРИСТАЯ. Говорить о себе

Словно есть ещё что-то помимо дыханья и снов,
 Словно не исчезают с остатками осени липкой
 Оловянных солдатиков армии, тяжесть долгов,
 Словно в прошлое вовремя не закрываешь калитку

Навсегда и бездумно, почуяв терпенья предел.
 Разойдутся круги, в ил зароется брошенный камень.
 Отпускаешь на ветер с ладоней всё то, чем владел.
 Отмечаешь зарубкой, своими смешными стихами.

Будет день, наступающий медленно, мертвенно-бел,
 Образец белизны, снизошедший с великих полотен.
 Говорить о себе, в сотый раз говорить – о себе,
 Словно ты не бесплотен.

Июльский тур 2016 года

Подано заявок – 200
Отборочный тур – 90
Отборочный тур резидентов – 89
От номинаторов и квота ГР – 21
Лонг-лист – 34
Шорт-лист – 24

– редакторы отборочных туров
Марина Кош (Злаяочень Кошка)
Владимир Коркин (Vladkor54)
Ольга Алёшина
Александр Ланин (Алан)
Игорь Гонохов

– номинаторы
Александра Герасимова
Ильдар Харисов
Александр Молочников
Лёша Исхаков
Международный поэтический клуб Рифма.ру
Литературный сайт «Гермитник поэзии»
Альманах поэзии «Буквица»
Конкурсный литературный портал stih1.lv (Чемпионат Балтии, Кубок Мира)

– эксперты
Александр Крупинин
Сергей Пагын
София Юзефпольская-Цилофани

ЛЮДМИЛА КАЛЯГИНА. Аюттайя

Гору накрыло небо – хрустальный панцирь, вырос под небом город – и стал великим. Будды сжимали лотосы в тонких пальцах, Будды хранили мир в узкоглазых ликах. Пламя пришло внезапно и отовсюду, пламя плясало ярким священным цветом. Отсвет огня ложился на плечи Буддам, Будды не отворачивались от света.

Город лежал в руинах пяти столетий, люди ступали в обуви на пороги, верили: боги счастливы, если где-то свергнуты с пьедесталов чужие боги. Город лежал открытой смертельной раной, пачкая кровью складки своей постели. Люди входили в боль закопчённых храмов. Буддам в глаза, наверное, не смотрели.

Камень одним ударом не переломишь – камень, рождённый миром в его начале. Люди рубили яростно и наотмашь, Будды сжимали лотосы и молчали. Если безумью в мире дано свершиться, то и дела во славу его свершатся. Люди рубили по узкоглазым лицам, по головам, плечам, по цветам и пальцам...

Город лежит под небом семи столетий, город под пеплом выжил в эпоху мрака. Тот, кто смотрел в глаза неизбежной смерти, смотрит на мир без жалобы и без страха. Будды сидят на стёртых седых ступенях, в трещинках мелких камень шероховатый. Будды хранят Вселенную, как умеют – сотни безруких и безголовых статуй.

Аюттайя – древняя столица Сиама (ныне территория Таиланда), захваченная и разрушенная бирманцами в XVIII веке. Во время захвата города множество храмов было обращено в руины, а статуи Будды обезглавлены. При восстановлении удалось собрать статуи из найденных фрагментов, но головы у большинства изваяний утрачены навсегда. Реставраторы не стали изготавливать головы заново, оставив покалеченных Будд как напоминание о давних событиях и повод для размышлений...

АННА ДЭ. там, где русалки выходят играть на речную мель...

там, где русалки выходят играть на речную мель,
 где расстилается поле, еще не остыв от брани –
 и самобранка-скатёрка, и ласковая постель,
 а гимнастёрки по-братски закопаны с топорами,

где запылённый мужчина без женщины, как без ног,
 полз по дороге, ведущей на деревенский праздник,
 женщина всласть наливает колодезное вино
 каждому чужестранцу. а после единым красным

делает губы и округляет квадраты дней,
 преуменьшая немного, рассказывает иконе,
 сколько же их, без следа, захлебнулось в её вине –
 ветхозаветной вине, запрятанной под исподним.

всё передумано вдоволь, изношено до костей,
 а уж такая была, что не передать словами:
 и убирайтесь, и я не такая, и не из тех...
 из деревянного ящика вновь доставала Ваню –

да молодого, с немного надорванным уголком,
да с полуграмотным выцветшим голосом на изнанке.
в небо глядишься – любишься, как высоко
кружатся вестницы, соломенные веснянки.

издалека, из космоса, так хорошо смотреть,
как одноногий эдем за оградой бредёт на постриг
и опоясывает голубая лента чужую смерть,
словно бы разделяя местность на до и после.

ЖИЛЬ ДЕ БРЮН. с войны

Пока наш дом ещё стоит в песках
пологих дюн у моря, где треска
случается всегда не по сезону –
мне есть куда спешить с моей войны,
из жаркой обезлюдевшей страны –
к тебе спешить потерянным Ясоном.

Дождись меня, не глядя в календарь,
уже не важно, май или январь –
шторма морские всё переиначат.
От Посейдона Кроносу дары:
кадушки пересоленной икры –
как будто мать-треска по детям плачет.

Не заходи за пенную черту –
за ней седое море прячет ту,
какой была ты до моих поминок –
попешных, да – теперь ты поняла,
как гибели противятся тела
лишённые любимых половинок.

Не верь моим друзьям, не верь родным –
я опоздал погибнуть молодым.
Войду в наш дом, товарищей оплакав,
скажу: «война – страшнейшее из зол».

Неси меня домой, мой друг Эол.
И пусть не будет в небе страшных знаков.

АЛЕНА БАБАНСКАЯ. чашка

Виктории Кольцевой

Неужели, неужели,
Несмотря на тьму ночную,
Небеса, подобно гжели,
Бог расписывал вручную? –
Все на дне бездонной чашки
Невесомого фарфора:
Люди, звери и букашки,
Буераки, реки, горы?
Мир прошел суровый обжиг,
Бог сказал: да будет чудо!

Содрогнулся мир и ожил-
Тонкостенная посуда.

АНДРЕЙ МАРТЫНОВ СЛОВО. Жили-были

жили-были
любили
копили
запасали как чувствуя впрок
грозовые июльские ливни
и алеющих майский восток

драгоценные зёрна сомнений
и целебные капли обид
составлялись в единые звенья
в целом всё же прекрасной цепи

небосвод был высок и незыблем
и никто не боялся войны
нам казалось
другие погибнут

а другим
всё казалось
что мы

...

МАША НЕ. О земле

Во сне – да напрямки, через поля,
где воздуха и памяти на розлив,
где под скрипучий клёкот журавля
в колодце спят полуденные звёзды.
Нет ни души.
Отчаянно звучит кузнечиков хорал
в крапивном море.
Обороняют выводок грачи,
в подойнике, забытом на заборе.
Чертополоха гладит помело
глухого дня облупленную глину...

По белу свету здешних разнесло –
пером лебяжьим, пухом тополиным.

Лишь у реки, под чаек перезвон,
до новостей чужих не любопытен,
латает лодку дедушка Харон –
последний деревенский небожитель.

ЛАНА СТЕПАНОВА. Мцыри

В детстве свет был ярче, пространство шире
(десять лет, двенадцать? не в этом суть),
а стихи с ореховым словом «мцыри»
не давали мне по ночам уснуть.
Это слово звуком околдовало:
разгрызёшь скорлупку – услышишь хруст.

Я брала фонарик под одеяло,
и опять Арагва текла в Куру,
вылетал огонь из небесной топки,
устремлялся в бой с человеком барс,
за водой шла девушка узкой тропкой,
на излом героя брала судьба.

У весов две чаши с духовным грузом.
Что важней, весомее – как понять?
На одной – молитвы, покой и узы,
на другой – три вольных, счастливых дня...

Мне тогда казалось, что я смогла бы
сделать выбор в пользу блаженных дней.
А сейчас и воля, и страсть ослабли,
и всё чаще хочется, всё сильнее
от тревог и гроз схорониться в келье,
запереть замок, потерять ключи...

Подержала слово на языке я,
а оно, как грецкий орех, горчит.

ЭЛЛЕН КАСАБЛАНКА. Истопник

Февральским вечером метельным,
Неясно чем привлечена,
В одну из городских котельных
Тайком наведалась Весна.

Истопнику' – восьмой десяток,
Плешив, сутул и низкоросл.
Но от макушки и до пяток
Был добр и до смешного прост.

И вот, без видимой причины,
(Он бреясь тихо напевал)
Лица разгладились морщины,
Зазеленела голова.

Он с изумленьем полупьяным,
Кляня извечный недосып,
Глядел на волосы-тюльпаны
И гладил крокусы-усы...

Метель, как узница в застенке,
стонала. Стыл на плитке чай.
И чёрный кот, прищуря зенки,
Всепонимающе урчал.

N. REBER. Отсутствие абсцисс и ординат...

Отсутствие абсцисс и ординат
как способ примирения с пространством...
Так думал дворник, то есть думал так
как чувствовал, плывя в привычном трансе
с метлой-веслом, пугая голубей,
добившись оптимального скольженья...
Он жизнь любил, отторгнутое ей
сгребая в кучи медленным движеньем.

Отсутствие минут, часов и дат
нас примирит со временем в итоге...
Так думалось могильщику, и так
он чувствовал, передвигая ноги
по гравию кладбищенских аллей –
реке, объединившей поколенья...
Он жизнь любил, отторгнутое ей
спуская в ямы медленным движеньем.

ЕЛЕНА КАЦЮБА. Дождь на Ивана Купалу

В день зелёного тумана
русалка упала
в стекло.
Иван Купала
вослед ей закинул сеть –
выловил нас.
Сердце-поплавок ухнуло в холод.
Тянет в глубь любовный улов.
Волосы стали capelli* – капли –
дождю параллели,
как я тебе и постели.
Под парусом простыни
плыви куда попало!
Иван Купала
русалку укрыл волной.
Упал ствол ДЕ-РЕ-ВА,
перечеркнул взгляд,
но зацепилась ветка за веко,
и уплыла лишь ДЕ – Ва,
а РЕ брэнчало на берегу.
В день зелёного тумана
идут за нами
рыбы с зонтами.
Бр-р-р-р...

* Волосы (итал.)

АЛЕКСАНДР ДЕЛЬФИНОВ. Нигилист

Летним днем 1989 года на московском Арбате
Я познакомился с молодым человеком по прозвищу Нигилист.
Он приехал автостопом из Луганска,
Который тогда еще назывался Ворошиловград.
Парень носил джинсовую безрукавку со значком анархии
И длинные волосы.
Он поведал, что бросил французскую филологию
На втором курсе
Ради поисков радикального пути
Духовного освобождения.
Я вписал Нигилиста,
И мы ночи напролет
Беседовали о просветлении.
Затем он умчался в Питер, посетил тамошний дацан
И уехал к ламам в Бурятию.
Через год Нигилист вернулся стриженный,
В оранжево-красной рубашке, с ожерельем из черепов.
Он сказал, что прошел посвящение,
А от страданий спасет глубокая медитация.
Нигилист медитировал у меня пару недель,
А затем отправился в Сибирь.
Через год возвратился с мешком целебных трав
И значительной бородой.
“Осенью мы собирали кедровый орех,
Ночевали в тайге, в спальниках у костра, –
Рассказал Нигилист. –
Однажды утром я заметил, что костер потух,
А бороды у всех мужиков покрылись инеем!”
Теперь он был мастером правильного питания
И здорового образа жизни.
Только я по старой памяти звал его Нигилистом.
Он торговал дальневосточным женьшенем
И читал “Заратустру” в позе лотоса.
Страна менялась вместе с его замыканиями.
Когда в Чечне шла война,
Он практиковал йогу и курил траву.
Когда Ельцин сдал власть,
Он стал работать шофером у олигарха.
Когда я оказался в Германии,
Он уехал в Луганск менять паспорт и пропал из виду.
Прошло десять лет.
У меня зазвонил телефон.
“Привет, как дела?” – спросил Нигилист.
“Сiju без работы, денег нет, все отлично!”
“Ты по-прежнему слушаешь реггей-музыку?”
“Иногда”.
“А наш батюшка говорит, что африканские песни и танцы
Совращают телесно.
Замечал ли ты, что все чернокожие артисты,
Когда поют, совершают волнообразные
Движения руками в области таза?”
“Нет, – ответил я. – А что за батюшка у тебя?”
Он рассказал, что обрел православную веру,

А батюшка в храме хороший – наш, русский.
 “А как же буддизм?”
 “Демонический культ!”
 “А как же целебные травы, йога и Заратустра?”
 “Ты знаешь, что Ницше, на самом деле, был евреем!”
 Я положил трубку.
 Несколько дней все думал о старом друге.
 Он специально разузнал мой телефонный номер,
 Чтобы попытаться спасти от реггей-музыки,
 Демонических культов и еврейского заговора!
 Нигилист все-таки отыскал самый радикальный путь
 Тотального освобождения.
 Слушай батюшку, брат!
 Жизнь становится проще, если не делать
 Излишних движений в области таза.
 А может, во всем виновата французская филология?
 Je ne parle pas francais. Je suis Russe.

ИГОРЬ БРЕН. Тотем

рубите сучья, режьте ствол,
 и – кровью, кровью – мы же верим,
 что можно доказать родство
 с природой – солнцем, ветром, зверем.

сквозные дыры тишины
 заполнить чем-то пустотелым –
 познать незримую иным
 срамную чувственность тотема.

припасть и жадно целовать...

ты снова смел, и снова полон
 твой мир, и топотом слова:
 «я горлу – волк, а глазу – ворон».

вчера кедровые леса
 сменили малые берёзы.
 врут, что судьбу ни дать, ни взять –
 «что тем, то-тем?» – стучат колёса.

век продолжает матереть,
 и печи – дымом на рассвете,
 и на столбах у алтарей
 членораздельно – «это-этим».

кукушкин сын тебе совет
 венки – под «каждому – своё».

ВЛАДИМИР ЦЮПИН. Черный Воронов

*А есаул, ой, догадлив был,
Он сумел сон мой разгадать... (из народной песни)*

На столике водка и конный боец из самшита,
зевает хозяин квартиры Ч.Воронов, вот он:
кубанка чуть набок, бекеша на совесть пошита,
на снимке с гражданской, эх! красный орёл, а не ворон.

Задумавшись, книгу листает, почти не читая,
и вдруг встрепенётся, почуди... услышав Чапая!

С гвоздя он срывает трофейную «чёрну» шапку,
секунда – и крепкая грудь распирает черкеску,
к большому окну он подходит вразвалочку, шатко,
и – птицей в открытую форточку, за занавеску.

Встаёт на крыло и, не мешкая, в Лбищенск, к Уралу:
залечь с пулемётом, опробовать шашку, быть рядом!
Неслыханно: как удалось подлецу-генералу
отбросить к реке дорогого начдива с отрядом?

Но сколько ни ищет Василия в речке подмога,
но сколько ни кличет Иваныча сильная птица –
краскома не видно, она устает понемногу,
и, сбившись с дороги, к рубиновым звёздам садится.

Оттуда прекрасно и видно, и слышно Чапая!
Он в фильме плывёт, воду в речке рукой загребая,
но Воронов взглядом впивается в небо, тем паче,
что Сталин смеётся за кадром, но птица не плачет,
сидит на кремлевской звезде и не плачет, не плачет,
а просто вверху собирается лишняя влага,
и тянутся к югу расстрельные списки ГУЛАГа.

СВЕТЛАНА СТИХАЧ. Переезжаем...

Мария. На летней веранде. За чаем. Укуталась в ласковый август. Скучает.
Со сцены напротив запел Паваротти –
Celeste Aida (Milano, La Scala). Мария восторженно чай расплескала.
Срываясь на визг, кричит «Браво-бис!».
У левой ноги её – палевый кокер, у правой – Эйнштейн. С озорной подоплёкой
учёный старик кажет миру язык.
Мария смутилась, вздыхает пространно и взглядом буровит рельеф Индостана:
– Альберт, умоляю, отстань, а? Заметит Лучано, сфальшивит случайно.
Лучано сфальшивил. Забегали глазки: – Ой! – веер Мари обдувает Аляску
и Юкон Канадский по левому краю...
Сталлоне с Кобейном над ней угорают.
Заходят сестрёнки, Полина и Кира, чтоб карту забрать современного мира.
Снимают со стенки, уносят с собой, и... веер теперь обдувает обои.
Мария кричит: – Безобразие! Куда потащили Евразию?!

Хихикнул Альберт у ноги, в коридоре – шаги.
 Вошла Генриэтта Прокофьевна, нужна ей афишка с автографом:
 – Мой милый Лучано, ты неподражаем! – Свернула рулончиком:
 – Переезжаем...
 Мария на нервах – схватилась за сердце. Кобейн издевается: – Сбачаем скерцо? –
 Гитару достал, ухмыльнулся по-свойски... Но тут появляется Бабинцев Костик.
 Отклеил Эйнштейна. Уносит.
 Сталлоне нахмурился – наших всё меньше.
 У входа – бригада обляпанных женщин.
 За главного – Рита Петровна, прораб: – Вот здесь побелить, всю фигню ободрать!
 Смотрит на Мари: – Хороша! – Говорит. –
 И рамка с резьбой... Аккуратнее снять бы. Отличный подарок Валерке на свадьбу!
 Мари вместе с кокером в лапах Петровны... Сталлоне, набычась, ругнулся нескромно:
 Ratfuck! Они с Куртом Кобейном – «фигня»! Хозяева сгнули, некому снять...
 Павлушу под Грозным оставили мёртвым. Когда бишь? Ну да, в девяносто четвёртом.
 А Коленька славненьким мальчиком рос, вот только друзья, наркота, передоз...
 Но тёткам «фигню» абсолютно не жалко, сейчас обдерут и отправят на свалку.
 Ан нет! Не сейчас. Входит баба Наташа: – Подвиньтесь-ка, девоньки, это не ваше.
 Оставьте-ка лучше картинки в покое. Внучата их весили, Паша да Коля.
 – Мои... – Улыбается бабушка мудро и машет рукою Сталлоне и Курту:
 – Айда-те к Наташе в котомку!
 Ведь вы теперь бабке – потомки.

ДОКТОР НО. битва

созывали вече, головы чесали
 спорили до хрипа, спорили часами
 не нашлось героя, порешили – сами
 пацаны в восторге, бабы со слезами

собирались долго, чистили оружие
 уточняли место где он обнаружен
 составляли планы, похвалялись, пили
 а потом полночи в одиночку выли

посетили церковь, помолились Богу
 к дедовскому камню вспомнили дорогу
 протопили баню, отмывали страхи
 белые поддевки, красные рубахи

затянуло небо, разом стихли птицы
 полная готовность, ни кровинки в лицах
 ни улыбки в строе, торбы за плечами
 бряцанье железа, жены замолчали

долгая дорога, чарка перед боем
 навалились дружно, били всей гурьбою
 в раж вошли от крови – древняя забава
 поломали копыя, принялись зубами

справились к закату, ночью отрывались
 пировали славно, ошалели малость
 просыпались поздно, утро было шоком
 ни следа от битвы и травица шелком

возвращались молча, говорили скупом
 кошки по деревне прятались в испуге

старики крестились, дети в люльках ныли
слово о драконе становилось былью

СТОЛЕТОВ. В готической пене соборов...

В готической пене соборов,
Плывущей по шумным векам,
Тяжелый нордический нор
Взмывает легко к облакам.

Ажурная вилочка Кельна
Уткнулась в белесый покой.
А небу как будто не больно
От острой гордыни людской.

Не зная, как мертвые, срама,
Взирает оно с высоты,
Как темный корабль Нотр-Дама
Утюжит волну суеты.

Густой человеческий улей,
Чьи звуки на нем запеклись,
Сквозь жуткие морды горгулий
Врастает в небесную высь.

Те, кто поборол страх, и те, кто
Не справились – оглушены.
И молча глядит Архитектор
На этот прибой с вышины...

ДМИТРИЙ МЕЛЬНИКОВ. Он шёл за стайкой тоненьких девчат

Он шел за стайкой тоненьких девчат,
такой обычный стриженный юнец,
когда б не этот невозможный взгляд,
пустой и черный, словно дульный срез.

С тех пор прошло лет десять, в час урочный
стою у магазина «Нумизмат»
и вижу через улицу мальчишку;
он мне знаком, я помню этот взгляд.
Он так же юн. Ничуть не повзрослел,
черты лица его не изменились,
«Эй, мальчик!» – я позвать его хотел,
но вдруг пространства, вздрогнув, закружились,
угрюмые таганские менялы
схватили мои царские рубли,
обули, подогрели, развели,
закат, как зев раскрылся, ярко-алый,
а мальчик сгинул в ледяной пыли.

И вот еще на Соколе, весной,
в двухтысячном, в оттаявшем трамвае,
он сел за два сиденья предо мной,
я подошел – он лишь повел глазами

и, отвернувшись, стал смотреть в окно,
«Послушай, – я сказал, – уже давно
тебя я знаю.» – «Дяденька, выходим...»
Был ясный день, был ясный божий день,
он встал на пешеходном переходе,
я не пошел за ним, мне показалось,
что мальчик не отбрасывает тень.

Всё это бред, игра воображенья,
коньяк под пиво, водка под коньяк,
я убеждал себя и так и сяк,
положим, при ближайшем рассмотренье,
все вещи – только образы вещей,
мир только воля или представленье,

а мальчика и не было вообще.

И всё бы хорошо, да вот недавно
я зуб лечил и выглянул в окно,
и вижу – он проходит между школой
и зданием поликлиники, с торца,
все та же бледность, стриженная челка
и столь же юные черты лица.
«Эй ты, – ему я крикнул, – невозможно,
немыслимо так поступать со мной!»
Всё сделалось смешным и безнадежным,
какой-то зуб, коронка, боже мой.

Мое существование так условно,
что некто из реальности другой
давно уж обручил меня с огромной,
бессмертной и вещественной тоской.
Когда в аду я сяду на цепи,
обнявшись со свиною головою,
он подойдет и скажет мне: «Не спи,
ты никогда не обретешь покоя».

Да собственно, о чем здесь говорить,
бывают в жизни странности. Никто
мне эту не сумеет объяснить.
Вот зеркало, вот башмаки, пальто,
я здесь, я вижу их, могу потрогать,
и вестника мне не в чем обвинить,
и медленно большого пальца коготь
багровую на шее чертит нить.

КОНСТАНТИН КОНДРАТЬЕВ. Эпилог из книги собачья родина

<Эпилог>

* * *

(На обочине)

Очнуться. Полдень ветреный, осенний,
как дряхлый пёс – уже без опасений –
бежит через дорогу под колёса
слепых машин. А небосвод белёсо,

слезливо надо всеми нависает
и никого на свете не спасает.

Очнуться – в дрожи мусорных обочин
расслышать день, который озабочен
уже не столько пропитаньем скудным,
скорее – засыпаньем беспробудным
и непреодолимым остываньем...
И просинь в тучах веет расставаньем.

Очнуться, заглушить, оставить дверцу
открытой и, прислушиваясь к сердцу,
пройти насквозь трепещущий кустарник,
стать на краю (пускай кричит напарник
вдогонку злобно и недоумённо)...
Стать на краю. Припомнить поимённо

всех тех, которые любили, тех, которых
любил. Вглядеться. В ветреных просторах
не различить ни зла, ни обещанья.
И только тучи машут на прощанье
краями рваными, как будто рукавами,
и солнце не у нас над головами...

Шагнуть вперёд. Оставить за спиною
шоссе, кусты, стоящие стеною
дни жизни, ночи страсти, годы странствий...
Шагнуть вперёд в безжизненном пространстве.
Споткнуться, чертыхнувшись; покачнуться
и рухнуть навзничь.
Отворить глаза.
Очнуться.

МИТИНА ЮЛИЯ. Крестики-нолики

Настроение испортилось, что ли?
Много куришь и качаешься в кресле.
Помнишь, как с тобой играли мы в школе:
крестик-нолик, снова нолик... и крестик?
А потом в бои морские сражались.
Вот и в чувствах: побеждать, не иначе.
Проиграл и не дави мне на жалость.
Миг победы – он ведь многое значит.
Тянет снова покорять «эвересты»?
Чья победа – а не всё нам равно ли?
Ведь была любовь, была! Ставим крестик.
И куда она сплыла? Ставим нолик.

ВАДИМ ГРОЙСМАН. Загрей

Детский ад испуганной зверушки,
Сломанных фигурок галерея...
Две мои последние игрушки –
Ракушка и зеркальце Загрея.

То и дело бегаю на кухню,
Сладости дешёвые таскаю,
Ракушку прикладываю к уху,
Тонкий лучик зеркальцем пускаю.

Вот, из мира тесного уехав,
Чудным обещаниям поверив,
По кусочку собранный у греков,
Римлян, галлов, скифов и евреев,

Я в доме нетопленном зимую,
Шевелю разбитой скорлупою,
Глажу эту ракушку немую
И целую зеркальце слепое.

ЮРИЙ СЕМЕЦКИЙ. Улыбаясь одним уголком губ

Раньше бывало выйдешь зимой из клуба —
город, снежком укутанный, седовлас,
рядом девчонка трётся, смеётся глупо,
словно не в курсе, что бедствует Гваделупа,
или не знает про гибнувший Гондурас.

Нежно её улыбку возьмёшь в ладони
мол, погоди смеяться над всем подряд...
Мы не могли подумать, что «Курск» потонет,
и ничего не слышали про мельдоний,
но пропустили пару Олимпиад.

Вместе букварь был пройден до половины,
мы заблудились где-то на буквах «оп».
Тот, кто не скачет, вечно во всём повинен.
А на страну накатывалась лавина,
и не случилось вовремя крикнуть: стоп!

Время уходит, тянется по минуте
из гондурасов бедных и гваделуп,
манит простором... А голову так закрутит,
что убедишь себя: круто ведь было. Круто!
И улыбнёшься одним уголком губ.

ПОЛИНА ОРЫНЯНСКАЯ. Бестолочь

Сеют влажную мутную мелочь
запылённые мглой небеса.
Понимаешь ли, осень, ты бестолочь,
я под дудку твою плясать
не намерена. Хватит мне дробно
забивать в тротуар (раз-два-три)
не шаги — отголоски озноба.
Ты сама на себя посмотри —
разлохматилась, куришь туманно
эти ночи одну за одной,
разливаясь зрачком наркомана,
улыбаясь щербатой луной.

Полуголая анорексичка,
вздохи-тени и рёбра ветвей,
ты всегда, добывая отмычку,
квартируешь в моей голове.
Выметайся.

*

Опавшие листья
подобрав, будто длинный подол,
осень в темень умчалась со свистом.
Я поставила кружку на стол.
Бармен был полусонно-участлив.
В пятой пинте клубился янтарь.
Окна в башне напротив погасли.
Рыжевато сочился фонарь.
Был рекламный неон перламутров.
Вой сирены ударил в стекло...
Осень сбило трамваем. Под утро
белый контур вокруг намело.

ИРИНА РЫПКА. Здравствуй, Жанна!

Он говорит: «Здравствуй, Жанна!
Сколько лет, сколько зим!
Как же ты выжила, моя желанная,
кого же тогда сожгли?»

Зарубцевались свищи и раны,
где был скальпель и был зажим.
Я никому, ни тебе — не желанная,
но хочешь, давай сбежим.

Вот мои жилы — стальные лезвия,
платье — цветной шифон.
Раньше была я такая резвая —
конь и в руках айфон,

Нынче на мне серебро и золото,
прада и пьер карден.
Я никому, ни тебе — не золушка,
но хочешь отдам взамен

этот гламур, в хохлому расписанный,
на латы, булатный меч.
Я никогда не скажу тебе — спи со мной,
но рядом попробуй лечь.

АННА-МАРИЯ СИТНИКОВА. Речное

Висела в небе чайка меткой белой.
В прибрежной тине глох речной гудок.
Стелился из коптильни хвойный смог —
Всё как всегда: рабочая неделя.
Спонтанно позабыв про строгий пост,
Орала басом: «Ух, ты!» баба Зоя,
Захватывая пальцами в мозолях

Горбушу золотистую за хвост.
Гремели оцинкованным тазы,
Бадья шершавым дном цепляла гальку.
Один в один, как будто из-под кальки,
Сомы скользили, длинные усы
Беспомощно свисали с транспортёра.
Налим лепился брюхом к сапогам.

– Хватай!

– Тащи!

– Бросай!

Уже котам

Нет дела до безумного затора
Лещей и пескаринной мелюзги
У входа в провонявшую до крыши
Рыбацкую артель.
– Трави потише! –
Хрипательный крик Иванныча.

Куски

Севрюги нежной пряного посола.
В дубовой бочке лавровишни дух.
Зудение от крови пьяных мух
И рыбы потроха на досках пола...
А к вечеру водой залит закат,
Блестит смолой разгруженная шхуна,
Дрожит над речкой плоский серпик лунный.
В кусты забросив старый самокат,
Захарка, лет семи, с ведром в руке,
Крючком из золотой консервной банки,
На бусины из клейкой белой манки
Придёт ловить мальков в Безрыбь-реке...

Августовский тур 2016 года

Подано заявок – 187
Отборочный тур – 79
Отборочный тур резидентов – 88
От номинаторов и квота ГР – 20
Лонг-лист – 31
Шорт-лист – 18

– редакторы отборочных туров

Ольга Хворост
Владимир Цюпин
Светлана Алексеева (Братислава)
Антон Стрижак
Михаил Моисеев

– номинаторы

Александра Герасимова
Ильдар Харисов
Александр Молочников
Лёша Исхаков
Международный поэтический клуб Рифма.ру
Литературный сайт «Термитник поэзии»
Альманах поэзии «Буквица»
Конкурсный литературный портал stih1.lv (Чемпионат Балтии, Кубок Мира)

– эксперты

Эдуард Филь
Алена Бабанская
Сергей Морейно

ЮЛИЯ ШОКОЛ. а сейчас вылетит птичка

у мамы внутри поселилась большая птица,
чтоб выклевать маму по зернышкам, по крупицам.
ей мама – кормушка.
я плакала, пощади же!
ведь зерна в груди моей и вкусней, и ближе.

к весне мама стала, как стебель бамбука, полой,
ходила, уже не касаясь ни стен, ни пола.
на каждое наше «люблю» отвечало эхо,
а после собрало вещи да и уехало.

а к лету... давайте не будем сейчас о лете.
к груди прижималась – и слышала птичий клекот.
щекой ощущала, как воздух проходит мимо,
так необратимо, о боже, необратимо!

когда на кровати стал виден лишь контур тела,
бог камерой шелкнул –
и птичка
к нему
взлетела.

ЗИНАИДА ПАЛАЙЯ. Повремени

нежная задумчивость осенняя
лист дрожащий
ляжет на ладонь
сиротливо выпросить продление
жизни на чуть-чуть
и только тронь
снимется
закружится
скукожится
но пока люблюсь – смерти нет
робко дышит золотая кожаца
розовые жилки на просвет

так же Господи
дыханье мимолётное
жизнь мою
в день поздних именин
Ты положишь
на ладонь бесплотную
не спеши снимать
...повремени

ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ. Шима Онейда

Старая Шима Онейда теряет вес,
Косточки птичьи, по-птичьему шаг неверен.
Значит, пора собираться в дремучий лес,
Чтобы оставить природе комочек перьев.

В племени так повелось – не она одна...
Лишний кусок для детей никогда не лишний.
Много охотников нынче взяла война.
Годы минуют, пока подрастут мальчишки.

Нож и кремь – так ли долго собрать свое?
В тонкой руке индюшачьей – дорожный посох...
Вслед сыновьям, что охотятся в снах ее,
Тихо бредет по рассветным апрельским росам.

Старая женщина тонет в цветах лугов,
Выцветшим взглядом по-детски вбирает краски,
Духов не ждет, не считает своих шагов
И про себя потихоньку поет от счастья.

Но улыбается ласковый Маниту
В облаке, в быстром ручье, в беспокойных листьях...
Сладкие клубни на каждом шагу растут,
Волки готовы добычей своей делиться,

Пчелы на блеклые губы приносят мед,
Точатся камни, собой не желая ранить,
Даже, доколе она не вернется в род,
Не наступает зима, не ложится заметить.

Чтобы и дальше был выверен путь небес,
Осенью поздней приходит она обратно.
Старую женщину не забирает лес,
Только по темени гладит сосновой лапой.

Шима Онейда уложит букеты трав
В типи, вблизи очага возмужавших внуков.
Рады ей – будут сказания до утра,
Песни, куда огонь согревает руки.

Так до весны, что старухе шепнет – пришла
Снова пора отправляться в чертоги солнца...
Правнучка Кими стоит на краю села,
Смотрит ей в спину и знает – она вернется.

Шима – мать.

Онейда – предсказательница.

Кими – тайна.

Типи – переносное индейское жилище конической формы из жердеи, покрытых шкурами; наиболее древнее, а в более позднее время – ритуальное.

ПОЛИНА ОРЫНЯНСКАЯ. Война

К войне привыкаешь. Где-то идёт война,
А ты просыпаясь, ставишь согреться чайник.
Ты смотришь на мир из собственного окна,
А там на проталине пара собак скучает.

Войну ты включаешь с выпуском новостей.
Она похожа на выдумки Голливуда.
Её можно вместе с кофе подать в постель.
Под неё можно сексом заняться или помыть посуду.

Война утомляет флагами всех мастей,
Дешёвым пафосом безобразных прилюдных истерик.
А чтобы не было бездомных старух и убитых детей,
Выключаешь телик.

СОФЬЯ РОЛДУГИНА. О физике и лирике

В стиле скромного гротеска, в духе сонного экстрима
Май из сердца вытесняет зимний сдержанный нуар,
Снайпер Ордена Депрессий, чертыхаясь, лепит мимо,
Сбитый с толку дальним светом из очей влюблённых пар.
На естественнонаучном стало жарко от дискуссий,
Мира стройная картина в одночасье скривлена –
Молодой профессор спорит с умудрённым третьим курсом:
Поцелуй в тенистом парке есть частица иль волна?
В нашем доме сумасшедшем всё по-прежнему спокойно:
Призрак детства мне при встрече салютует головой,
Мотыльки над топким прудом в жаркий полдень выются роем,
Дремлет рыжий кот в коробке. Он ни мёртвый, ни живой.
Расплескались незабудки по овражьи долгим скатам –
Рыхлой пеной, птичьим пухом, голубым и ледяным...
На другом конце вселенной в унисон звенит твой атом –
Он навечно перепутан с мирным атомом моим.

ЯНА-МАРИЯ КУРМАНГАЛИНА. свет заходит в комнату

свет заходит в комнату с повинной
на часах четыре с половиной
стало быть полпятого утра

облаков небесная пехота
начала сезонную охоту
на неуловимые ветра

кружка с кофе где же эта кружка
накрываю голову подушкой
окна распирают небеса

утопает в солнце кампанелла
плавится в тарелке моцарелла
до начала жизни два часа

ИНГА СТАШЕВСКА. Посмотри

Посмотри – смеется надменный Ра,
Небеса рассыпают холодный рис.
Говорят, все дороги приводят в Храм
(Говорят, все дороги приводят в Рим),
Постоим с тобой на семи ветрах,
От костра потянется черный дым,
Подождем, сестра.
До утра – во храме чадит свеча,
Мелко-мелко вздрагивают образа,
Всю дорогу – ветру луну качать,
За окном меняется лишь пейзаж,
Время года – старость, считай до ста,
А потом страницу переверни,
Потому что всё начинать с листа
(Говоришь, дорога приводит – в Рим?!)
Вот те крест –(не веришь?) приводит в бар,
Выбирай слова!
– А потом – в мотель!
И какая разница, чья кровать,
Здесь, важнее, солнышко, чья постель.
А в кармане – мелкое серебро,
Сигареты, паспорт (аж целых два!)

А про то, что дороги приводят в ров –
Забывай, сестра.
Забывай.

АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВ. postfactum

Всё было, как всегда: абсурдно и серьёзно,
на дачных секторах шла битва за тепло —
жгли палую листву. Скользили с неба звёзды,
дымящийся октябрь валился на крыло.

Ты говорила мне... Ты что-то говорила,
великий и немой выстраивая ряд,
катилось по земле созревшее светило
антоновским плодом сквозь черно-белый сад.

Сменялся кадром кадр и медленно и плавно,
поблескивал стеклом бесстрастный объектив,
мы заурядный быт снимали крупным планом
в отсутствии любых далёких перспектив.

За стенкою сверчок начитывал молитвы,
пророчил в забвении плохие времена,
в сиреневый закат сползали с неба титры —
забытых языков глухие письма.

Рябиновая гроздь алела за окошком,
предчувствие беды давило на виски,
я брал на кухне нож и чистил нам картошку,
не забывая вырезать глазки.

НАИЛЬ МЕЛИХАНОВ. Синица

Читать с конца: оладушки, медок,
простывший чай, малинник в тенях синих,
котёнок рыжий, приобняв клубок,
спит, утомлённый, в ивовой корзине.

К началу: оголённый переплёт,
на фронтисписе росчерк с твёрдым знаком,
листы невзрезаны, но мне наперечёт
знакомы акварели Пастернака.

Здесь пенятся балы,
на взгляд – комком перчатка,
расчерчены столы,
крокет, кузины, прятки...
Но кивер сбит,
«В штыки!» – пошла пехота,
вспять снег летит
двенадцатого года.

Вернусь, бездумный, пролистав страницы,
спадает зной, шуршит по-русски дом...
На бузине московская синица
с обугленными лапкой и хвостом.

ЕЛЕНА ЭЛЕНТУХ. Рыбарь

Моли не моли,
потеряет беда ключи
от белых дверей с латунным тяжелым замком.
В замочную скважину глазом косят грачи,
уже прилетели, а им говорят – потом.
За дверью беснуется вербный душистый куст,
под дверь протолкнулся сиреневый пятицвет.
Дорога к тебе – по гравию серому хруст.
Пришла, помолчала, искала. Тебя здесь нет.
Он Пётр. Он знает места. Тут отличный клёв.
Три первых звезды, крючок, зацепились лучи.
Распахнут заката ангинный бугристый зёв
над морем спокойным.
Поймали, так не кричи.

ДОЛГУШИН АЛЕКСАНДР ВЛАДИЛЕНОВИЧ. Расклеенный мир

Клей плохой. Расклеиваюсь весь.
 На соплях, как-видно, всё держалось.
 Осень. Лакмус. Дождевая взвесь.
 Листьев разношёрстных побежалость.

Побежалость беженцев от войн.
 Кровь и ор над пропастью вселенной.
 Мир идёт по грани ножевой.
 Что-нибудь включить повеселей, но

Видимоприёмник барахлит.
 Как ни бей – набит он дураками.
 И разводит добрый Айболит
 В облаках беспомощно руками.

КРАСНОГЛИНЯНЫЙ ГОЛЕМ. Рельсовых неэлектрифицированных

Рельсовых неэлектрифицированных кустов продолжается микротление.
 Я ничего не знаю, о том что ждет в будущем предъысторию
 И тыкаюсь мозгом в белые мысы времени,
 И мозг разделяется на Сербию и Черногорию.
 На Чехию и Словакию,
 Индию и Пакистан,
 Австрию и Венгрию, на Россию и Украину, на две Кореи,
 На то, что казалось бы легко подчиняется поездам,
 Когда садится на их прорезиненные колени.
 Но десять лет с тобой, получились на отвали,
 К внешнему миру, и поэтому крен погоды
 Незамечаем и похож на автопоезд, поворачивающий вдали,
 И на твои вспотевшие ноги, не влезающие в колготы,
 Вначале с себя сбрасывающие лунный свет,
 Пока ни минул еще один год, еще один горизонт отрыва,
 А потом исчезающие, будто бы реверсивный след
 Сверхзвукового парусника, скользящего вдоль обрыва.

СВЕТЛАНА БЕЛАЯ. И вот встречаешь такого в парке...

И вот встречаешь такого в парке, на лавочке никто не сидит рядом с ним
 Подсаживаешься, оживляется, в глазах горит интерес
 – Я вообще-то разведчик, поисковый робот N-40-21.
 Был отправлен за образцами, а после наш мир исчез.
 И по-моему, он взорвался к чертям, но у меня нет инструкций на этот счёт.
 Я хожу собираю данные, всё, что могу узнать.
 Я просто не знаю и не умею делать что-то ещё
 Моё назначение: изучить, понять, передать.
 Молодёжный сленг: азаза лалка затроллел бро
 Расшифровка генома, окон программный код
 Эти знания копяты, плавают моё нутро

А куда их отправить на скорости хрен знает сколько бод?
 И слоты для памяти под завязку, я, кажется, сломан, брат,
 То есть, блин, сестрёнка! Уже с Пастернаком путается Ньютон.
 Ёмкость моего сердца почти стопицот фарад
 Предельная мощность боли – тысяча мегатонн.
 Ты глядишь на безумца и говоришь: Дурак.
 Не оглядываясь, уходишь – медленно, как постигший дзен
 Как же хорошо, – думаешь, – что у меня ну совсем не так!
 Приходишь домой, новую информацию отправляешь шифровкой в Центр.

СВЕТЛАНА НИК ПЕШКОВА. Город-ловушка

Зачем притворяться? Ты снова не спишь.
 А утро воркует оранжевой птицей,
 ступая по каменной плоскости крыш.
 Тебе в этом городе вечно не спится.
 Пружинит в окне бугенвиллии прядь.
 Здесь вёсны всегда зацветают внезапно.
 И ты восемнадцать апрелей подряд
 влюбляешься в пряный волнующий запах.
 Будильник проснётся по-местному в шесть.
 А дома... Как трудно не думать о доме –
 не видеть в окне позолоченный крест
 собора и дым Новолипецких домен.
 ...Здесь можно не помнить событий и дат,
 казаться свободным, беспечным, радушным.
 Не спать и мечтать, что вернёшься сюда
 весной, через год... Этот город – ловушка.
 Он символ, ничей – и не твой, и не мой,
 невольник – под стражей церковей и мечетей.
 И если ты завтра уедешь домой,
 он вряд ли когда-нибудь это заметит...

СВЕТЛАНА ХОЛОДОВА (ЧУЛОЧНИКОВА). Бражник

Слепец мой – бледный и крылатый,
 ночной гуляка, пленник дня,
 творенье сумрачной Гекаты,
 заложник лампы и огня,

и я, как ты, мечтала виться –
 над лепестком любимых губ,
 и ночь стирала бы на лицах
 следы бесчисленных табу...

И я, нагая и босая,
 не потерялась бы в ночи,
 когда б горел, не угасая,
 огонь единственной свечи.

И мы бы бражничали вволю,
 гурман, повеса и дружок,
 пока бы нас до смертной боли
 огонь заветный не обжёл.

ТАТЬЯНА ЛЕРНЕР. Мёртвое море

«На стихи он поймал тебя, милая, на стихи...»,
говорила подруга, солидно кивая в такт.
«Да, читала и слышала, кажется, неплохи,
но не Бродский. Хотя, безусловно, не дилетант.

Но не Бродский». Кофейню покачивал запах сдоб,
колумбийского кофе, магнолий, альбомных гор.
И подруга, почти медитируя: «Это – Сдом?
Это – соль? Перебор с чудесами-то, перебор...»

Жали шлёпанцы. Солнце горячечно шло в зенит.
В морозилке томился заказанный нами штоф.
Но крамольно звенело во мне (и сейчас звенит):
на любовь он поймал меня, господи, на любовь!

Сдом – так на иврите пишется и произносится Содом (брат Гоморры по несчастью).
Располагался в горах над ММ.

ЕЛЕНА ФЕЛЬДМАН. Суд

Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
И. Бродский

Но пока не начнешь видеть сны на чужом языке,
То не можешь назваться ни франком, ни готом, ни галлом.
Кто-то тихо прошел, не оставив следов на песке.
Кто-то тихо сказал, что великое – в малом.

На рассвете вселенная сходится в каплю росы,
На прозрачных боках изгибаются сосны и дюны.
Кто-то бродит с сетями по краю песчаной косы,
Кто-то смуглый и юный.

Время – то же, а небо и море как будто не те,
И прибой, полирующий скалы, уж слишком проворен.
Истончается свет. Колокольчик звенит в пустоте,
И пейзаж иллюзорен.

Вот на горб перевернутой лодки садится Рыбак
И катает на пальцах меж прочих балтийских диковин
Наши души размером с янтарь или старый пятак –
Просто гальку в ладони.

Запусти нас, Рыбак, поплясать на соленой воде;
Посчитаем круги – верно, будет не больше девятки.
Кто бы знал, что так тихо и солнечно в этом суде,
И прибой лижет пятки.

Но внезапно туманится взгляд, и сжимается грудь,
И волна обращается к слуху печальней и глуше.
Не хотят на балтийской воде ни плясать, ни тонуть
Невесомые души.

Сентябрьский тур 2016 года

Подано заявок – 222
Отборочный тур – 80
Отборочный тур резидентов – 116
От номинаторов и квота ГР – 26
Лонг-лист – 36
Шорт-лист – 24

– редакторы отборочных туров

Люся Пикалова
Дмитрий Холостой
Валентин Емелин
Галина Изъер
Андрей Мартынов

– номинаторы

Александра Герасимова
Ильдар Харисов
Александр Молочников
Лёша Исхаков
Ольга Мельник
Эдуард Филь
Международный поэтический клуб Рифма.ру
Литературный сайт «Гермитник поэзии»
Альманах поэзии «Буквица»
Конкурсный литературный портал stih1.lv (Чемпионат Балтии, Кубок Мира)
Клуб творческих личностей «Решетория»

– эксперты

Геннадий Банников
Ольга Корзова
Вадим Гройсман

АЛЕКСАНДР СПАРБЕР. Степное

В степной полынной суховыли,
где наши древние растили
детей, коней, пасли коров,
где бык чесал язык о прясло
и расшивал орёл прекрасный
небес покров;
где каждый стебель сух и тонок,
кузнечик долог, звонок зной
и воздух жарок, как ребёнок
больной;
где бродит – с острым ликом птичьим,
с котомкой, полной ох и ах –
высокое косноязычье
на костылях;
где пахнет горечью и мятой,
где сухой дудит в дуду, –
там, кажется, я был когда-то...
Или приду.

ОЛЬГА ДОМРАЧЕВА. Рождественское

когда январь в объятиях закружит
тебя и небо, снег и фонари,
до оголтелой тишины – снаружи,
до белизны клокочущей – внутри,

качнётся шар и всё перевернётся:
вода и свет, дома и облака.
звезда родится в глубине колодца,
слетит чуть слышно слово с языка.

синицам вдоволь нынче белых крошек,
блаженный мир нечёсан и небрит.
а ты стоишь на небе, огорошен,
с новорождённой звёздочкой внутри.

ЧЕПУРНЫХ ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ. Полетав по холодной России

Полетав по холодной России,
Протрезвели мои соловьи.
Не курю я, мои дорогие,
И не пью, дорогие мои.

Изучаю язык и манеры
И вникаю в основы основ,

И вторично вступить в пионеры
Я хоть нынче, хоть завтра готов.

Но безгрешный огонь мне не светит,
Ибо вызнал умом и хребтом,
Отчего появляются дети
И куда исчезают потом,

Почему в золотом водопаде
Грозовой утопает разряд,
И зачем на церковной ограде
В полнолуние черти сидят.

Все-то вижу я зреньем подкожным,
Всё-то знаю, где край, где стезя.
И меня убивать уже можно,
Год назад еще было нельзя.

Год назад еще в мире и вере
В тихом сердце моем, как в тени,
Укрывались и люди, и звери,
И любили друг друга они.

Но какая-то внешняя сила
Из души безмятежной моей
Поначалу зверей исключила,
А теперь исключает людей.

В зачарованной жизненной чаше,
Где сгорели перо и тетрадь,
Ничего нет больнее
И слаще,
Чем людей из себя исключать.

ПОЛИНА СИНЁВА. варенье из всех убегает кастрюль...

варенье из всех убегает кастрюль
и солнце летит по траве
но слышно, как вдруг замирает июль
у ветра в пустом рукаве

в его сердцевине легко и темно
как в серединке плода
и в нем наконец накопилось тепло
и та невесомость, когда

есть еще сила сдержать маховик
но неизбежен распад
как будто качели зависли на миг
и не вернуться назад

КАТЯ СОЛДАТЕНКО. экслибрисы

Полочки с книгами.
В книгах –

экслибрисы.
 Лунные корочки густо посолены
 крупными звёздами,
 буквами,
 цифрами.
 Лист желтоват,
 корешок замусоленный.
 Сфинксовой тайною,
 древними шифрами
 делится ночь, замедляя кружение.
 Я начинаю думать верлибрами.
 Я начинаю,
 с тебя – продолжение.
 Мыши не пляшут – поправили мантии,
 Кот на стремянке – в очках позолоченных.
 Сладкие пальцы,
 блестящие фантики.
 Выются драконы над шёпотной вотчиной.
 В старом светильнике –
 рунная всячина...

Всё, что позволено воображением, –
 слишком безумное,
 слишком горячее...
 Я начинаю,
 с тебя – продолжение.

АЛЕКС ГРИИН. Сорвусь

Презрев осточертевшие привычки
 И будто бы объевшись белены,
 Возьмешь, сорвёшься к черту на кулички,
 На краешек неведомой страны.
 Там до рассвета – только чиркни спичкой,
 А люди, как открытые кавычки,
 И звезды вот такой величины.
 Там рыбий рот кромешной тишины
 Глокает звук последней электрички...
 Там чудится дыхание весны.
 Там старая кудесница Прасковья
 Арабской вязью вяжет свитера...
 Тепло. Кошачье брюхо Подмосковья,
 Вдох легче лебединого пера.
 И там с любимой – Рай под телогрейкой,
 И нежно солидолом пахнет Русь,
 Там стопари, как мерные бадейки,
 Пируют на последние копейки...
 И я туда когда-нибудь сорвусь.

ОЛЬГА ВИРЯЗОВА. идти на свет

Идти на свет, не зная броду,
 на острый запах тишины,

на отрешённую природу
с её волшебной стороны.

Войти в доверье к тем деревьям
и к этим зарослям во тьму,
в густое их соударенье,
которое не разойму.

Но сами с миром разойдутся,
тебя оставив и простив.
Прозрачный день налит на блюдце –
нам отворяется залив

как самая большая важность,
всё устранившая с пути,
как самая большая жажда –
ни утолить, ни обойти.

И бережёные деревья,
и запрещённый человек
на берегу неговоренья,
у края недреманных век

стоим, вытягивая шеи,
взаимным зрением полны,
над заводями утешенья
и глубины...

АЛЕКСЕЙ МИРОНОВ УРАЛ. Путь на Цикломену

оммаж Александру Вавилову

Белый свет – как в копеечке – в углу судне.
Все швартовы отданы Богу ныне.
Так что не обессудьте, граждане судьи,
Что приплыли сюда на хромом дельфине.

Из живой воды и коньячных скважин
Пропивали мы свет, чтобы быть поближе.
Ну а тех, что к палубе привязали,
Полигимния в свой протокол запишет.

Мы гордились тем, что и парус крепок,
И цикады млечны, и курс проветрен.
Шли мы на Цикломену путем аптечным,
То есть точным: плюс-минус четыре метра.

И вот так оказались в своих палатах...
Нас по жабры в фарватере укачало.
Полифем полемики, граждане судьи,
Накомпрессил нам море под одеяло.

До сих пор штормит и качает койки.
Никакие узлы не дают развязки.
Мы лежим на рейде под барной стойкой
И пока не требуем перевязки.

А они говорят: мол, читайте мифы,
 Мол, какого Витта сюда приплыли?
 Ни Жюль Верна не поняли ваши скифы!
 Мол, сидели б в нижнейшем своем Тагиле.

Вот и как тут плыть, полагаясь навзничь,
 И какая, Господи, Цикламена?
 Никакие узлы не дают развязки.
 Только судно справа и звезды слева.

ЮЛИЯ ДОЛГАНОВСКИХ. Мёд

В субботний вечер погружаешься, что в мёд —
 жужжишь и набиваешь брюшко негой,
 краюшка солнца тает в тёплой кружке неба —
 а сколько неба! —
 будто кто-то льёт и льёт
 лазурь из нескудеющей руки.

Прозрачен мёд, легки и редки пузырьки —
 тронь хоботком —
 чуть слышный привкус кислорода
 запомни — вдох! — и тонкокрылая порода
 на дно отчаянно потянет вопреки
 привычке быть на грани синего и трав.

Коварен мёд — и выдох резок и кровав —
 а сколько боли!
 Опустевших средостений
 касается озябшая рука
 в надежде, что случится воскресенье.
 ...Снисходит смерть —
 легка, сладка и глубока.

EYE LEGALIZE. сотворение войны

ищите Царство Небесное а всё остальное приложится
 примножится стерпится слюбится
 преломится приаттачится
 я искал но меня обступили бесы
 и вводили мне тысячу правд подкожно
 и привили мне серию правд безбожных
 чтоб не знал я где она прячется

они все одногласны словно наперстки
 как изнанки карт однобоко пестры
 и есть непохожая главная правда
 что всего лишь в одной моя отрава
 да отнимется око ложное!
 да отсохнет любовь чумная!
 мне вкололи тысячу правд тревожных
 и с тех пор я будто не знаю

по какую сторону неба ты
 собираешь бусы в саду немоты

эта бусина – ты а другая – я
 а вот эта – любовь так остры края
 эта черная свет, а белая – тьма
 ну а после тюрьма а за ней сума
 а потом узелок нить оборвана
 а потом ворОны да вОроны

а потом огонь а потом вода
 медный всадник труб в океане льда
 медный всадник труп конопляный лоб
 а вот эта – добро а вот эта – зло
 семь пядей во лбу семь замков в груди
 собираешь бусины не глядишь
 потому что семь что твоя погибель
 и они горячее чем все другие

а потом ты не любишь а я люблю
 хоть сымай ботинки да лезь в петлю
 а тебе один нехрен что хны что хна
 что войди в окно что выдь из окна
 а потом опять я тебя люблю
 но не знаю – занят – горшки леплю
 а ты носишь молоко решетом
 может любишь да только не знаешь о том

а потом ты любишь я я тебя нет
 а потом тьма а за ней свет
 а потом мы хором да любим жисть
 так что пыль столбом пристегнись держись
 а потом сине море да белый камень
 догорело горе не тронь руками
 а потом тятя тятя а наши сети
 а потом ветер ветер на белом свете

вот и снова свет а за ним тьма
 я боюсь что ты там сошла с ума
 но ищу и зову в долине сонной
 ты лишь только имя моё – вспомни...

ИНЕССА РОЗЕНФЕЛЬД. Взрывная волна эмиграции

Говорят, что два снаряда
 не попадают в одну и ту же воронку,
 Но нас обоих отбросило
 Взрывной волной
 В одну и ту же страну
 С точностью до квартиры.
 Нас прибило друг к другу
 Приливом чувств,
 Прибоем третьей волны,
 Вышедшей из берегов,
 С точностью до общей культуры.
 Нас подогнало друг к другу
 Подобно портному, время
 С точностью до секунды.
 Нас привили друг к другу
 Как саженцы прививают

В саду из странных гибридов,
Причудливых парадоксов,
С точностью до общих судеб.
Наши предки погибли попоже,
В Бухенвальдах или Гулагах,
С точностью до одной и той же войны.
Две наши записки,
Вложенные в стену плача,
Среди множества писем,
Полных разных желаний,
Притерты друг к другу так близко, что буквы слились
В одну молитву,
Чтобы взрывались снаряды
С точностью до наоборот.

ЖЕЛЕЗНАЯ КНОПКА. Окна смотрят на север

Окна смотрят на север, на север.
На заводы, бегущие вдаль.
Небывалым израненным зверем
Воет теплоэлектроцентраль.

Красно-белые, словно мишени,
Высотой приковавшие взгляд,
Три трубы – три драконовы шеи –
В облака выдыхают свой яд.

Не укроют ни книги, ни стены
От смотрящей на север судьбы.
И недвижимы, и неизменны
Эти три дымовые трубы.

ЕВГЕНИЯ УЛЬЯНКИНА. Менора

(поминальная молитва)

Мать первая начала.
Выдохнула и — вольно.
Гробовщик ворчал:
погодила бы, дескать, — холодно.
Обнимали друг друга —
смерзалась с щекой щека.

Старшую унёс дым.
Был бы бог милосерден —
дал бы им с мужем
трезвенника в соседи
или сил выйти
из горячей избы.

Вторую взяла Сибирь
каторжным едким духом,
тифом ли —
тесно жались друг к другу буквы.

Не разобрать,
не склеить из них семьи.

Третью дочь на чужом
кладбище хоронили.
Ставили крест,
но на нём — прежнее имя.
Так и не свыклись с новым,
аж небо жгло.

Последними из гнезда
вознеслись близнецы-сестрицы.
Их никто не хотел
вымарывать со страницы,
но разлил воду,
и их разлила вода.

Отец на крыльце без сил,
закат, как бельмо, белёсый.
У него совсем,
совсем не осталось вопросов,
только одно:
господи, погаси.

АМИРАМ ГРИГОРОВ. Когда пройдет полстарости...

Когда пройдёт полстарости, мой свет
И все такси уедут в гаражи
И все слова закончатся в Москве,
И дым вечерний город окружит,

И этот дым, в краю, где мы с тобой,
Затмит снега, и скроется за ним
То место, где арбат скрипел арбой,
И где подколокольный нам звонил,

Где серый волк, где ангелы с мешком,
Где сонный свет сквозь окна поутру,
И всадники твои пойдут пешком,
Когда я заболею и умру.

И, в общем, через жизнь, как нас убьют,
Густой, как мёд, в иное рождество,
Тут разольётся небывалый пруд,
И новый лес раскинется листвой,

И в том лесу, вдали от всех дорог,
Лизну глаза твои, что слёз полны
И будет литься медленный дымок,
Почти неотличимый от волны

ИВАН ЛИВИЦКИЙ. небо

Для меня это небо слишком большое, друг.
Ни цепей не хватит, ни обручей, ни подпруг,

чтобы как-то его унять. Так что лучше вовсе не пытаться. Пустое дело. А коли спросит человек, проезжая мимо: «Откуда столько расточительной сини, когда бы хватило дольки, небольшого пятна, помарки, обрезка ткани», – объясни: «Ничего не выйдет... Его руками невозможно взять и кроить по своим лекалам. Для таких предприятий земных инструментов мало». А поэтому, друг, я, пожалуй, махну на небо – без пижамы, линейки, портфеля, воды и хлеба. Погуляю немного, освоюсь, вдохну ванили, из зефира построю домик в английском стиле. И тебя позову однажды откушать чаю, потому что, сказать по правде, уже скучаю.

Белоснежные пятна и запах: такие часто оседают в домах, где люди хранят лекарства. В отдалении шепот, едва разбираю фразы: «Как давно привезли? Почему не позвали сразу?...» Я закончу, мой друг: загадки... Встречая сфинкса, ожидай, что тебя надует. Любое свинство он считает обычным делом. О чем я, боже?.. Мы с тобой говорили прежде о том, что, может, наше небо не так огромно, как мне казалось. Я держу на ладони солнце, и эта малость освещает тоннель наружу, туда, где птицы постигают тона и ноты, где вечно длится белокурая пена неба (мы с ней отныне по природе своей похожи). Запомни, ты мне очень дорог, мой друг, но близится миг разлуки. В наплывающей дымке видны рукава и руки – с утомительной вещностью нет никакого сладу. Засыпая, я слышу голос: «Скажи медбрата – пусть готовит мешок... Они у окошка, сбоку. До утра бедолага отдаст свою душу богу».

КЛЕМЕНТИНА ШИРШОВА. привыкаешь к бесам...

привыкаешь к бесам
и уже без особого интереса
наблюдаешь, как хозяйничают в квартире,
как за каждым углом создают бездонные дыры,
как вскрывают письма, ломают мебель и прячут вещи,
а в конечном счёте делают ужас вещим:
болезнью на странной почве, значит – без всякой почвы
отведут из под ног – землю, из нёба – небо,
откроешь рот, оттуда бегут коровы.
закроешь рот, а там шелестят болиды.

и тогда бездонные дыры, тогда рискуешь,
из одной бесовщины переходя в другую
из другой попадая в третью с тем же окрестным видом,
ты звонишь знакомым сказать, что ты не приедешь

бес звонит знакомым сказать, что ты их не знаешь:
– позовите свету? какую ещё это,
ожидайте ответа, похоже, что нет свету.

раньше надо было, – хихикнул, – язык вырван.
а теперь вы увидите то, с чего начиналось:
повсюду дыры.

АНДРЕЙ БЕРДЗЕНИШВИЛИ. Я – новенький, блестящий пистолет...

(пни ап)
(из сборника «Совсем старое»)

Я – новенький, блестящий пистолет.
Я прост, но точен. Молод, но не зелен.
Боец. Отличник. Умница. Атлет.
Исправно собран. Правильно пристрелян.

В хрустящую затянут кобуру,
Сияющий, как маршал в день парада,
Я днем и ночью, в холод и в жару
Все то, что надо, выполню, как надо.

Я – всякой беспредельности предел.
Беспорный довод самых разных споров.
Начало всех невыполнимых дел.
Конец всех бесконечных разговоров.

Простой, но вразумительный ответ
На все неразрешимые вопросы.
А впрочем – я всего лишь пистолет,
И нет во мне ни злобы, ни угрозы.

Я знаю лишь одно – настанет срок,
И станет всем понятно, что я значу.
И твердая рука, спустив курок,
Мне даст команду – выполнить задачу.

И я, не дрогнув, выполню приказ.
И, вспыхнув на мгновение, отразится
В тускнеющем стекле разбитых глаз
Спокойный взгляд моей пустой глазницы.

МУСКАТ МААСДАМ. проявленное

охотнику навстречу крался куст
деревья тихо обступали с тыла
ягдташ был пуст и пустота на вкус
напоминала мыло

охотник спал над ним вилась оса
да кто-нибудь заткните же будильник
переливался радугой фазан
как мыл пузырьный

охотник спал как дети после слёз
на берегу родительской кровати
так сладко что охоту перерос
а радуги надолго хватит

СЕРГЕЙ АРКАН. Августейшая ночь

Августейшая ночь, вновь твоим высочайшим приказом в летнем замке объявлен прощальный прием, и нет счета огням, и щедротам твоим, и проказам – оглянувшись лукаво, ты прячешься в тайный проем между темных деревьев. За касанием клавиш рояля верно следует звук – так в стремление своем роковым я спешу за тобой. Ты опять ускользаешь, роняя бриллианты в озера, небрежно взмахнув рукавом. Ускоряя шаги, я вверяю себя анфиладам соловьиных аллей. В терпком воздухе мед и полынь. Я до одури пьян этим сладким и медленным ядом. Так останься, продлись, теплым ветром нахлынь!..

...Вот и грянул рассвет, и карета, впряженная в восемь вороных облаков, упорхнула из южных ворот, а в покоях твоих сумасшедшая регентша-осень открывает казну и сокровища в руки берет, и выходит во двор, и танцует с ветрами, босая, под дождем, что холодные лужи рябит, и хохочет, и плачет, проходим под ноги бросая это золото кленов и эти рубины рябин. Мы ее предадим, от сиротства устав и юродства, и когда небо рухнет на город и ринется в бой злая снежная конница, ей будет не с кем бороться. Белый дым, будто флаг, над печной затрепещет трубой.

«Все мы дети твои, многомудрый и грозный владыка, полководец мороз, направляй нас железной рукой!
Быть свободными – это так странно, так страшно, так дико... Нам в веках суждено быть закованной льдами рекой.»
Только знай, королева, что в тайных мечтах голубиных, легких, словно над полем ромашек развеванный прах наши взгляды блуждают в сверкающих звездных глубинах, наши лица купаются в ласковых летних ветрах.
Каждый раз, выходя завывающей вьюге навстречу, я смеюсь в воротник надо всем, что она говорит. Я все так же люблю и, конечно, надеюсь на встречу. Твой покорный слуга, самый преданный твой фаворит.

ПЁТР ОВЧИННИКОВ. Квашеные Мыши

По шаткой лестнице, скорей,
Глотая копоть фонарей,
Спускаюсь я на склад.
Спешу вдоль пыльных стеллажей
Отведать квашеных мышей,
Горит мой хищный взгляд.

Мерцает пыльное стекло,
Воняет плесень тяжело,
Вскрываю жбан скорей.
Вдыхаю запаха струю
И с дрожью в пальцах достаю
За липкий хвост мышей.

Их сладкий запах душно-пряно,
А вкус оценит лишь гурман,
Их тонкий, нежный вкус.
Они осклизлы и мягки,
У них с кислинкою кишки
И длинный белый ус.

У них умеренный засол
И мутный вспененный рассол,
Его приятно пить.
Их клейкий, маслянистый сок
И лапок сморщенный комок
Мне не устать хвалить.

Не каждому дано понять,
Как может киснуть и вонять
Мышиная вода!
Прекрасны мыши, спору нет,
Душист и сытен мой обед,
Любимая еда.

МАРИЯ ЗНОБИЩЕВА. Простая радость

Простая радость – подождать
(Лишь радостные – терпеливы),
Когда под каплями дождя
Восторженной запахнут липы.

Зарыться глупой головой
В цветы и зелень, лени зелье,
И вместе с дрожью дождевой
Живое чувствовать веселье.

Ещё художник не готов
Писать вот так, сквозь свет и воду,
Как с зацелованных цветов,
Слезясь, спадают капли мёда.

И у поэта слова нет,
И музыкант играть не начал,
А мир – и счастлив, и согрет:
Стоит, заслушавшись, – и плачет...

ТАБИШЕВ КИРИЛЛ. пуговица

Пожалуй, есть вещи – о них неприятно задумываться,
Пока мы живые, пока обстоятельствами не сжаты,
Но однажды в прихожей звенит, оторвавшись, пуговица –
Ты пришивала её когда-то;

Была же эпоха: стреляли рябиной, таскали яблоки,
Не ощущая масштабов мира, времени не ощущая,
И становится ясно, какой я тебе был маленький,
Какая ты мне – большая,

Как время идёт. В духовом шкафу поселилась ржавчина,
Снаружи хлопочут руки, морщинистые от мыла,
Мелькая всё реже и реже, переставая, будто нечаянно,
Теряясь под слоем пыли.

Есть ли миры, где Маяковский жив, где не в петле Цветаева,
Где не берут Гумилёва на мушки чекистских ружей,
Где неизменно звучит над посудой твоей эмалевой
Голос, зовущий на ужин?

Их нет. И кто-то другой выходит на улицу вечером,
Кто-то другой закуривает, обведённый оконной рамой.
Становится слишком мало разумного, доброго, вечного,
Тебя не становится, мама.

МАРИНА ЧИРКОВА. что это с нами

Макать баранку в молоко,
легко довольствоваться малым
и, гром заслышав далеко,
уткнуться теплее в одеяло
мигренью раненый висок –
а в соснах капли и иголки –
и, отвернувшись на восток,
глаза закрыть и, будто с горки,
скользнуть... скользить, в ладони, в тень
внутриутробную, и глубже,
сквозь мякиш, в млечную капель...
А дождь – зашёптывает уши...
...В кровати возится дитя,
укладываясь поудобней,
пихаясь пятками, кряхтя...
...А горка кажется огромной,
всё выше, выше, выше – и
вот-вот поймёшь из тайных знаков
бегущую строку: они...
...но дрёма... тьма... и гром куда-то...

Так мы течём водой в ночи.
Совместны, слиты, слитны, гласны
молчаньем тысячи причин,
нежны, нужны и ненепрасны...
Что ж это с нами? Говорят,
сквозь сны, как в щёлку-не-пробраться,
слепые смотрят в райский сад,
весь в блик(ах!) солнечного кварца.

ЖЕНИС КАЗАНКАПОВ. А ты идешь...

А ты идешь, и за тобой светло.
Мурлычет клевер, тронутый ладонью.
И дождь разносит мокрою метлой
твой след полынный, сладкий и бедовый.
Шаги сминают свежую печаль.
Стихает хруст ломающихся копий,

когда я пью смородиновый чай
в оставленных тобою теплых копнах.

И в сотый раз я поле перейду,
насобирав ковыль поступков колкий.
А ты уже почти не на виду,
и мне искать в стогах твои иголки.
Я окунусь в ручей родных кровей,
молитвы бормоча до отупенья.

А ты идешь по лестнице вверх,
и опадают желтые ступени.

Октябрьский тур 2016 года

Подано заявок – 224
Отборочный тур – 100
Отборочный тур резидентов – 101
От номинаторов и квота ГР – 23
Лонг-лист – 32
Шорт-лист – 24

– редакторы отборочных туров

Инга Сташевска
Алёна Воля
Марина Чиркова
Берта Лучева
Наиль Мелиханов

– номинаторы

Александра Герасимова
Лёша Исхаков
Эдуард Филь
Елена Наильевна
Международный поэтический клуб Рифма.ру
Литературный сайт «Гермитник поэзии»
Альманах поэзии «Буквица»
Конкурсный литературный портал stih1.lv (Чемпионат Балтии, Кубок Мира)

– эксперты

Григорий Кофман
Алла Шарапова
Владимир Штокман

АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВ. провинция

В провинции ни сплетен, ни сверчков,
в сельпо обед, на ужин макароны,
из женщин только Анны и Матрёны,
из карточных — банальное «очко».

Добротное кряхтение ворон
сопровождает каждую получку,
и если где-то шарик кроет жучку,
так это по согласию сторон.

Не часто, но случается, что — вжик! —
махнет крылом над домом бабки Анны
нет-нет, избави господи, не ангел —
вполне себе потасканный мужик.

В шесть вечера двуручная пила
смолкает во дворе у деда Вали —
всё сущее скрывается в портале
на западной окраине села.

И слышно, как обёртку бон пари
находит мышь и местный параноик
бредёт тропой в иное, и иное
бредёт к нему и что-то говорит.

МАРИЯ ХАМЗИНА. Поминальный мёд

Он приходит, и ставит бочонок на край стола,
И пузатую кружку ставит, а не стакан.
А потом он берет тебя нежно за два крыла,
И легко раздирает, как воблю – напополам.
Трепыхаться бессмысленно с вывернутым нутром.
Пахнет вечность соленой кожей, ты знала, да.
И Харон выводит тебя из пропасти на паром,
Так, как Еву водил по саду ее Адам.
Разрезает лезвием темную гладь коса,
А потом ты слышишь ворчливое «Рот закрой!»
А потом ты думаешь – надо бы записать...

Он почти доволен. Соленая – но с икрой.

ИГОРЬ ЧУРДАЛЁВ. Пастораль

Пасутся танков тучные стада
в долине, изобильной муравою.
И зоркий беспилотник иногда
черкнет над ними линией кривою.
А выше приземленная строфа

не достигает – с гулом еле слышным
там воспаряют горные ПАК ФА
и спутники беседуют с Всевышним.
Не мельтеша досужую толпой,
лежат поля И дремлет снайпер даже,
пока в блиндаж неспешною стопой
не побредет пейзажник в камуфляже –
но вдруг падёт, как будто сон сморил.
Валькирии слетают, легкокрылы.
Певец, чей гений столь же легкокрыл,
на тризне расчехляет гаджет лиры.
Дисплей встревожит нежною рукой –
и метроном затикает, как мина.
Он воспоеет не битву, но покой,
неколебимость и неподвижность мира.
Естественно, мутируют стада.
Свистят порой то пуля, то осколок.
Но зла кругом не больше, чем всегда,
со времени классических буколик.
Все так же прозябают, чуть дрожа,
трава и твари, и листва и ветки.
И никуда не двинулась душа,
хотя и трепетала в человеке.
Покой царит. В клепсидре каплет кровь
размеренно, дробя века в моменты.
Но время монолитно – и голов
отрезанных не больше и не меньше.
Протяжна песнь в немолчной тишине,
длинна, как нескончаемая пряжа.
И ты, дурак, поющий на холме,
бессмертен тоже – как деталь пейзажа.

ЗЕМСКОВ АНДРЕЙ. На пересылке во Владивостоке

«Звёздный луч – как соль на топоре...»
О.Э. Мандельштам

Через семьдесят лет здесь от кладбища нет ни креста,
И от зоны транзитной – ни вышек уже, ни развалин.
Новый микрорайон, мокрый снег, и аллея пуста.
Возле школы торчит снеговик, словно гипсовый Сталин.

По словам очевидца, вот здесь находился тот ров.
Когда строили школу – играли в футбол черепами,
Матерились, водярою грелись у едких костров
И не знали совсем о поэте таком – Мандельштаме.

А тогда ведь ещё оставался тот самый карьер,
Где для стройки киркой вырубали из сопки по камню
В Колыму не попавшие зеки с печатью «казр»,
В протоколах допросов оставив чернильную каплю.

Оставалось кирпичное здание с тех же времён,
На огрызках забора колючая ржавчина тлела...
Нынче улица здесь Вострецова и микрорайон
Востроглазых домов. Им какое до прошлого дело?..

Только в полночь сырую, в декабрьскую полночь – услышь:
То ли ветер с залива ударит по пластику окон,
То ли где-то за стенкой заплачет соседский малыш,
То ли всхлипнет морская звезда в океане глубоком.

Это мы – фотокарточки жёлтые в профиль, анфас.
Это мы – восемь строк на обёрточной серой бумаге.
Это мы – через семьдесят лет – вспоминаем о вас
До морозной зари, до подъёма в тифозном бараке.

Ничего, ничего, всё проходит – и это пройдёт,
Сдует вешки-былинки и смочит былинные вехи.
И опять звёздный луч на солёный топор упадёт,
И воровушек снова, даст Бог, зазимует в застрехе.

ВЕРОНИКА СЕНЬКИНА. Там стоят фонари...

Там стоят фонари,
украшая бетон,
там вагоны цветут
фиолетово-синим.
Звездный мальчик проводит
по крышам пером,
и следит за пером
битый час Томасина.

Там не скучно совсем,
там семнадцатый май,
знает больше, чем всё
тридевятое царство,
там ползет к Белорусской
последний трамвай,
впереди целый мир:
и любовь и коварство.

Там в наушниках – рок,
чередой децибел
не дает задремать,
не дает отключиться.
Там присутствует счастье
само по себе,
и ни деготь его не берет,
ни горчица.

Там довольно найти
телефон-автомат,
чтобы голос родной
стал существенно ближе.

Связь доступней теперь,
но молчат номера
тех,
которых
уже
никогда
не увижу...

ЛЮСЯ ПИКАЛОВА. люллабай

в быстрых реках вен
в океанах вен
в этой синеве
дочери сирен
дочери сирен

русалки

и когда поют
айли-айлилю
к ним киты плывут
к ним киты плывут

касатки

а на тихом дне
глаз моих на дне
солнце ночь и день

пятна

сколько у людей
смысла у людей
мыслей у людей
целый мир идей
целый мир везде
целый мир внутри

спрятан

ЗОЯ БОЧИНСКАЯ. Осень

Тучи атомный гриб поднимается выше и выше.
Тяжелее ютиться природе, погоде,
душе.

Прижимаются к стенам отечные серые крыши.
Бродит город простывший
в скрипучем прозрачном плаще.

И гриппозная тень перебежками метит маршруты.
А хороший хозяин собаку
закрыл на замок,
Ведь домашнему псу в стылом городе хватит минуты,
Чтобы он огорчился
и тоже с простудой слег.

Хулиганит природа, умножив дожди и печали,
Умножая таблетки от кашля
и черной тоски...

Мы еще не в конце,
но уже далеко не в начале –
Осень долбится в стены
и холодом ломит виски.

Все темнее в природе, и хочется жалобно плакать.
Открывайте замки –
отпустите на волю собаку.

АРСЕНИЙ Ж-С. Двадцать четыре

А как схватит за палец, и стой всю ночь.
Жопой кверху лежит, вцепился... Ну, знаешь ли,
это подло.
Громко сопит, причмокивает. Нет, правда, сынок,
отпусти-ка меня. Мне ещё хотя бы три часика поработать.

А потом всего-то три часика на поспать.
А потом полтора на службу пилить в подземке.
И пока трясешься в вагоне,
что-то там в рифмочку написать,
если не слиплись зенки.

А потом с начальницей лаяться –
из положенных нам восьми –
девять часов. Уходя, подлить в огонь керосина.
Так уже чисто из вредности: выкуси на возьми.
Лучше меня, блин, знает, как рисовать красиво.

Что там? Училась в художке? Да ты смотри!
Это же все меняет, куда нам, тёмным.
Это ж не мы по двенадцать лет высекали штрих,
ставили руку так, что уже навсегда натёрли.

Это не мы – вместо власти, футбола, баб –
спорили до хрипоты о крестах пейзажа,
напиваясь в общаге (залётный умел лабать,
но ему доставались лишь те,
кто после ушёл в продажи).

Впрочем, тогда уже знали,
что будет всё ровно так.
Потому и держались вместе, всей бравой кодлой.
Дальше-то всяк за себя... и чего рыдать?
Ну, кому мы в таком количестве ежегодно?

И...
вот с таким настроением прёшься на новострой.
Там у меня халтура, узбеки и, вира-майна,
хитрый прораб, с которым держи востро:
спросят потом с меня – это же я #дизайнер.

Честно: давно б всё бросил, ушёл в себя.
Просто читать, писать на полях заметки,
чтобы все чувства в одно – все пять!
Если бы не она...
да вот этот мелкий

Только к полуночи я доползу домой.
Встретит холодным ужином, миной пресной:
типа, у нас тут истерика – успокой.

Он же не спит, если папка ему не исполнит
пару советских песен.

Вот и пою, голодный, уставший, злой.
Яростный вой сменяется всхлипами,
мирным, милым, ровным дыханием.

Город лежит золой догоревшего дня,
угольками тв-эфира тускло мерцают окна,
стелется серый смог,
на головнях фонарей оседая пылью.
Изредка тонким росчерком вдоль дорог
ветер проносит искры автомобилей.
Осыпаются листья, белые в свете звёзд.
Псы ложатся над теплотрассой, чтобы чуть-чуть согреться,
Млечный Путь расплескался, как взорванный кем-то мост.
И каштаны стоят, разгребая пепел, как погорельцы.

Нет, ничего я не стал бы уже менять.
Потому что люблю вас так сильно... а счастье...
да так ли важно?
Только не отпускай, слышишь, мелкий,
не отпускай меня.
Потому что мне страшно,
как никогда ещё не было –
ТАК мне страшно.

АНДРЕЙ МАРТЫНОВ СЛОВО. ничего не надо

ничего не надо
больше ничего
лишь бы снегопада
длилось волшебство

и струился с неба
падал белый снег
и белее снега
не было вовек

и улёгся ветер
на исходе дня
и на белом свете
не нашли меня

МАРИНА НЕМАРСКАЯ. Там, где Ириновский проспект...

Там, где Ириновский проспект
впадает в улицу Коммуны,
метель листает, как конспект,
деревьев ветреные руны.

И небо в воздухе скитов
слезливей, чем чернильный стержень.
Сквозь монастырь идешь, никто
среди живых уже не держит.

Здесь напрямик от суеты
в слепую даль ведет дорога,
в твой мир иной, ведь только ты
здесь говоришь с собой и Богом.

И слышишь свет и видишь смех
родного первенца, и словно,
прощаясь, ты прощаешь всех.
За всё. Посмертно. Поголовно.

ТАТЬЯНА КОМИССАРОВА. Дунаевский

*«Товарищ, товарищ! В труде и в бою
Храни беззаветно Отчизну свою!»*

Как жалко, что не в моде Дунаевский
И светлое не в тон календарю.
Я говорю местами по-советски,
Когда я о хорошем говорю.

Мне чудится: весенний ветер веет
Над нашей необъятной страной,
От магаданских гор до мавзолея
сограждан накрывая с головой.

Он спящих бодро выкинет из спален,
Квартира вдруг окажется тесна –
На улице, наивно-сексуален,
Марш белых девушек из мюзикла «Весна».

И я, и я – с товарищами рядом,
Мой ясен день, глаза мои светлы.
Проходим в ногу праздничным парадом
По майским улицам страны.

АНТАНАРИВУ. гладиолусы

дом с мезонином. глянцевые перила
целую вечность хранят отпечатки пальцев.
здесь жили двое. она была балериной.
он любил её в каждом па совместного танца.
миновало пять лет. а шестое – такое душное,
что во рту застревали высохшие слова,
города перед зноем склонялись, как безоружные,
и крошилась земля – подсолнечная халва.
она танцевала всё реже, вплетала в волосы,
вдыхая остатки лета, соцветий пряность,
белые свежесрезанные гладиолусы.
и испарялась, медленно испарялась.
страдала бессонницей, принимала горстями литий,
слушала вальс Свиридова. один и тот же по кругу.
просила его, как ребёнок: «целуй меня, где болит»,
указывая на сердце. а он целовал ей руки,
растерянный и беспомощный. дни капали, словно

раствор магнезии. он поправлял одеяло,
читал ей вслух Андерсена, не разбирая слов.
она улыбалась..но её оставалось так мало,
что уже спустя сорок дней доносилась из комнат
отзвуков панихиды траурная поэзия.
он ничего не чувствовал, не чувствовал, кроме
запаха гладиолусов,
вездесущего и болезненного.

ВЛАДИСЛАВ ДЕКАЛОВ. И тогда, оказавшись по разные стороны...

В.

И тогда, оказавшись по разные стороны баррикад,
мы обратимся в рыжих собак, бандерлогов и барракуд.
Нас разведёт не моя рука и увы не твоя рука,
и на эти слова нас не раз с тобой обрекут:

«... всё что сказано ложь всё что сказано было так
и никак иначе никак нельзя и бумага тлен
а поэту что нужно: Отчизна, церковь, плита
и бутылка водки с селёдкой на покрытом клеенкой столе...»

Я скажу, что не верю ни их губам, ни даже своим губам,
этим грязным губам, читающим молитвы наоборот.
Не покинь меня в этот год, приласкай, вытри пот со лба
и пока не поздно – закрой мой нелепый рот.

ГРИГОРИЙ БЕРКОВИЧ. Если можно из бумаги

Если можно из бумаги
сделать птицу и цветочек,
налепить из пластилина
колобков и червячков,

если можно из гардины
сделать платье для принцессы,
а из разных деревяшек
дом красивый, стол и стул,

если можно из чего-то
делать башни и ракеты,
самолёты и машины,
корабли и ерунду,

почему же из ребёнка,
из малютки-человечка,
трудно сделать человека
просто доброго и всё?!

ПЕЛЁВИН. Ё

под неживыми небесами
мы головами никнем сами
едва выдерживая гнёт

под бесконечными дождями
любое угасает пламя
что не сгорело то сгниёт

кляня последними словами
погоды власть над всеми нами
осенний обморок её

прикинемся же дураками
укроемся дождевиками
возрадуемся букве ё

ГАЛИНА ИЗЪБЕР. Воспоминание о коллекции

Не меняя красок, не бледнея,
На стене чужого кабинета
Бабочки висят в гробу дисплея –
Чье-то в рамку вогнанное лето,
Памятник сачку – вольно ж стараться!
Дремлют, восхитительны и ломки,
Крылья – воплощенье перфораций
Старой, из архива, киноплёнки.

Что за ветер, что за энтомолог
Расписал по актам чье-то действие,
Чтоб парил над пыльным царством полок,
Сам лишь пыль, невзрачен и недолог,
Сон интеллигентного семейства.

Вот какой бывает хрупкой память.
А еще в библиотеке старой
Все, что обитателям осталось,
А потом их, видимо, не стало.

КООМА. В уютном мирке

быть счастливой в своём абсолютно уютном мирке:
выпасать мотыльков, собирать беспричинные зимы.
не летать стрекозой к болоту на мега-пике,
лягушачью шкурку сменить на привычные слимы.
на обёртках конфетных царапать обрывки стихов,
перемалывать в миксере трупки воспоминаний.
тараканов залобных делить на друзей и врагов:

может надо кого подлечить , а кого-то забанить.
и стада из барашков гонять по небесной реке,
и плести паутину в углу с пауком-интриганом.
хороводы иллюзий запечь в удивительный кекс.
центробежно не мчаться к созвездию альдебарана.
дождаться, когда же дождинки друг друга побьют,
подливать в золоченое блюдо кефир домовому...
...просто жить и ценить этот глупый ажурный уют
просто жить,
понимая, что кто-то живет по-другому...

ДИМА. Мне что-то хочется сказать...

Мне что-то хочется сказать
тебе...негромко, нежно, робко.
Но за окном шумит гроза,
стучит в бетонные коробки,
рифмует: молнии и гром,
и говорит почти о том же.
Но, по сравнению с пером,
куда изысканней и тоньше.
Мне что-то хочется сказать
тебе... негромко, робко, нежно.
Но за окном огромный зал,
от Белой Дачи до Манежной,
рифмует: пробки и метро,
проспект, аэропорт и площадь.
Что, по сравнению с пером,
и убедительней и проще.
Мне что-то хочется сказать.
Так робко, нежно и негромко
тебе... И ночь течет в глаза,
и хочется бумагу скомкать,
рифмуя: море и паром,
что никогда не станет верным.
Но, по сравнению с пером,
слова легки и эфемерны.

ШВЕДОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ. неизвестный сонет Франческо Петрарки

пусть этот мир замрёт как толчея*
без дуновенья ветра. Только я
на все имею право.
Скажем, трогать
ту женщину в саду за теплый локоть,
обычную застывшую Психею,
собравшуюся утром в бакалею
привычною дорогою пешком
за мылом и стиральным порошком,
и точно знать – она пока ничья,
но может стать когда-нибудь моею...

*Толчея – небольшая мельница

ГЕВОРК. Память сердца

Пусть я вдали, но всё же – с вами,
когда картины Пиросмани
не вспоминаю – вижу явно,
ваш брат я, сын ваш, внук и правнук.
Я лист лозы, который гонит
с высоких берегов Риони
не ветер, жаждущий забав,
а гонят время и судьба...
Почти ослепший, улетаю,
и подо мной – земля иная,
на ней иные даже камни –
не те, что кисти Пиросмани.
Прекрасна та земля, огромна,
но всё же сердце сладко помнит
небес высокую лазурь
и виноградную лозу.
И то, что есть
и будет главным –
что брат ваш,
сын я, внук и правнук...

НАДЕЖДА ДАЛЕЦКАЯ. Нэцке

За мою слепоту, за невежество мрака,
как ты зло снисходителен, как ленно выпрен!
Поводырь мой учёный, ручная собака,
прорычи мне с десятков истрёпанных истин.
Я слепою душою и разумом детским
потянусь, хрустнув звонко скелетом незнаний.
Ах, божок мой, редчайший, реликтовый нэцке!
Как умён ты, мало как моё созиданье!
Вечно точный, всему обозначивший место
в каталогах, реестрах, глоссариях, картах.
Лестен мне поводок ученичества, лестен!
Как манящая бездна у скал древней Спарты.
Что возиться со мною, учитель мой строгий?
Всё не впрок – азбуковина: веди да яти.
Отпускаю на волю без слёз и проклятий –
отпусти поводок да ступай себе с богом!
Лишь глаза приоткрыв, посмотрю на дорогу:
Где теперь ты, мой нэцке, весёлый предатель?

НАТАЛЬЯ ЧЕКОВА. Твой номер

Когда дитя проходит мимо,
А ты ему поёшь – усни.
Когда дитя невыносимо,
Ты из дому не выноси

С помпоном шапку и мишутку,
И в розах алых дневники.
Поставь дитя всерьез, не в шутку
На расстояние руки.

Тверди тогда ему обиды
И слезы выплакай до дна.
О том, как все мечты разбиты
И неизбежна тишина.

Пусть вздрогнет в комнате светильник,
А с фотографии в руке
Дитя вдруг включит свой мобильник
И наберет в его строке

Твой номер...

АЛЕКС ТРУДЛЕР. Рубашка

Я надену рубашку изнанкою внутрь,
прочитаю почище молитву
и пойду по дорогам, где курят и пьют,
пряча глубже опасную бритву.

Сигаретным приветом сигналият огни
из подвалов беспечного детства,
и визгливые крики: «Пятерку гони!» –
из окошка в тени по соседству.

Марлезонский балет, автомат ППШ,
чёрно-белые фильмы о главном...
Я листаю в дороге, почти не дыша,
деревянные ветхие ставни.

Надоело смотреть на культурный массив,
запечённый в кулич поколений.
Я опять становлюсь безнадежно ленив,
поднимаясь по скользким ступеням.

И слышнее звучит паровозный гудок:
«Ваше время – пожалуйста – вышло.»
Снова видится мне бесконечно далёк
капитан деревенских мальчишек.

Путь дочитан с листа без серьёзных помех
до абзаца, до перечня радуг.
Я надену пижаму изнанкой наверх –
может, сон будет крепок и сладок.

СМАРАГДА. Огонь!

не отводите взгляд
куда-то в высоту –
я маленький солдат,

забытый на посту
у бывшего жилья,
заросшего травой...
не оловянный я,
не сказочный – живой.
гляжу, чеканя шаг
единственной ноги,
как в кукольных домах
пылают очаги –
и корчится в огне
картонная стена,
и снова бьёт во мне
крылом моя война,
и раздирает вой
раскрашенные сны...

... я пёс сторожевой
уехавшей страны,
уже который год
живущий в пустоте –
забытый у ворот
в отъездной суете.
оставили закут –
кто хочет, забирай –
и люди хлеб пекут,
и вырубают рай,
и насаждают бут
взамен усталых лоз –
как могут, так живут,
и им не нужен пёс,
что стережет во сне
дорожные узлы...

... я – слово в тишине
развеянной золы...

Ноябрьский тур

БЛК

«Итоги года Стихи.ру-2016».

Подано заявок – 224
Отборочный тур резидентов – 92
Лонг-лист – 24
Шорт-лист: 12

– редакторы отборочных туров
Геннадий Акимов
Виктория Смагина (Липа Липовая)
Юлия Долгановских

– эксперты
Александр Мельник
Александр Петрушкин
Борис Гринберг
Денис Соболев
Ольга Есликова
Сергей Слепухин

БЕРТА ЛУЧЕВА. misanthropicкое летнее

как сонная капуста в сачке
найду местечко в тёплом бардачке
и проведу оставшиеся зимы
под запахи шансона и бензина

лежишь себе не дуешь ни во что
не знаешь сколько времени прошло
но в социум настойчиво потянет
и принимаешь прежний жалкий вид
в условиях вины и покаяний

а так прекрасно было ни о чём
не думать не смотреть через плечо
рукав налево сапожок направо
теперь лежишь распятый и святой
|во рту кинза в глазах киндзмараули|
и вспоминаешь птичьей головой
как жить легко пока не обманули

БЕРТА ЛУЧЕВА. июль

хочется длинных медитативных строк
или же шарф вязать такой же длинный
или носки (научите меня вязать носок)
чем-то развлечься если забили глиной
пережевать её выплюнуть вымыть пол
выучить по-китайски «чево изволим»
если подол мешает – задрать подол
дата и время
замена объекта полем

ночью глаза приоткроешь (или один)
на дискотеке поёт а-ха шаркают люди
бледный как белая ночь цветёт жасмин
на берегу фейерверк из картонных орудий

это привычные звуки июльских дней
где-то война где-то штормит и ветром
сорвана крыша беги не беги за ней...
хочется пресного медитативного лета

БЕРТА ЛУЧЕВА. середина августа...

середина августа – время копчёных рыб
время чарджоуских дынь и чёрного принца
спичечных человечков lowty вытесняет magritte
уступающий место корейцам и аргентинцам

на улице двадцать летний синдром и боли
 месяц приносит свои плоды и свои потери
 дикие утки выводят на берег пушистых детей
 выросших без отцов на хлебе воде и воле

заросшее поле для гольфа теннисный корт
 где не ступала ни нога ни рука человека
 муху поймашь в комнате и выпускаешь в окно
 пусть поживет до первых морозов и снега

середина августа северо-запад ленив
 яблоки тяжелеют и падают без ускоренья
 если варить варенье из синих слив
 золотистые осы слетаются на колени

СВЕТЛАНА ШИРАНКОВА. Городские легенды. Блуждающий дом

Этот дом, говорят, невозможно порой найти.
 По ночам он бредет переулками вдоль Арбата,
 Разезает подъездные двери: поймать, схватить,
 Из жильцов собирает безумное ассорти,
 Напевая на радостях Юлия и Булата.

Сумасбродные юноши, женщины, старики —
 Их на звук, будто крыс зачарованной флейтой, тянет.
 Тот, в пенсне, никому никогда не подаст руки,
 Говорит, что на пальцах — кровь убиенных книг
 И обломки строк, застрявшие под ногтями.

Рыжий — смокинг и кеды — сжигает себя дотла
 Каждый месяц в районе МХАТа и Красной Пресни.
 А у той, с вуалеткой на шляпе, в глазу игла,
 На которой бездомные ангелы, сняв крыла,
 Спят вповалку, а после хором горланят песни.

Заходи, начинай обживать сумасшедший дом.
 Ты из местных теперь. Пять часов. Не желаешь чаю?
 За тобою крадутся рифмы с кровавым ртом
 И однажды застанут врасплох, навалясь гуртом...
 Нет, сюда ни один еще не попал случайно.

СВЕТЛАНА ШИРАНКОВА. Страна дураков

Эта земля плодородна, жирна, богата.
 Если воткнешь лопату — взойдет лопата,
 Заколосится, выкинет черенки.
 Бросишь мечту — проклянутся серп и молот,
 Сунешь краюху в пашню — наступит голод,
 Дым погребальный, траурные венки.

Что ни возьми, всегда урожай отменный:
 Сеешь любовь — плодятся тоска с изменой,
 Сеешь победу — буйно цветут враги.
 Жаль, что с людьми какая-то незадача.
 Пой, удобряй, камлай, призывай удачу —

Истари получают дураки.

Добрые, злые, хитрые — разной масти.
Только поспеют, сразу же ищут счастье:
Даром, побольше, поровну, всем зараз!
Зависть растят, грехи, недовольство, скуку.
Руку протянешь — не замечают руку
И никогда наверх не поднимут глаз.

Сера, огонь, пророчества, сладкий коржик —
Как ты ни бился, а результат все тот же:
Язва и мор, «Малыш»* и смертельный газ.
Ты начинаешь заново, месишь глину
(День номер шесть всегда выдается длинным)...
И никогда наверх не поднимешь глаз.

*«Малыш» – атомная бомба, сброшенная на Хиросиму

СВЕТЛАНА ШИРАНКОВА. Накануне

Извини, говорит, не хотелось вот так внезапно,
Поперек долгожданного лета, истома, лени,
Но сегодня, учти, ваше солнце пойдет на запад
И застрянет в надире пятнистым больным тюленем.

Можешь больше не мучить любимых, себя, бумагу,
Перестать отбиваться от липкого злого зуда.
Нынче звезды сорвутся с насеста и в землю лягут
Баобабым зерном, непроросшим драконьим зубом,

А потом прорастут — здесь всегда удобрений вволю.
Будет грязно и больно, но быстро, по крайней мере.
Утвержденный сценарий, мы все заучили роли,
Остается дожидаться большой мировой премьеры.

Почему я пришел? Ты же сам попросил об этом,
Увольняясь из рая, забыв в небеса дорогу.
Повторял, что уж лучше подохнешь дрянным поэтом,
Чем останешься выть опустевшим бессильным богом.

Я не знаю, Отец, ты уверен, что это — выход?
Может, мне, как обычно, на крест или что там в моде?

Тишина. У вечернего неба луна навькат,
Как единственный глаз на печальной звериной морде.

ИРИНА РЫПКА. в деревеньку маленькую

А чего нам стоит – ушанка, валенки,
паутинка-шаль, меховой тулуп?
Соберёмся, возьмём и уедем к маменьке,
в деревеньку маленькую, за Тулун.

Представляю, как колуном ты машешь,
как свистят берёзовые дрова.

Через год народится дочурка Маша,
через два – долгожданный сынок Иван.

Будет чисто, простенько, тихо, радостно –
самовар, скатёрочка, пироги,
и мороз румяный сорокоградусный,
и жара на кончике кочерги.

ИРИНА РЫПКА. проснись ко мне

проснись во мне однажды нагишом
и рядышком проснись и малышом,
горячим поцелуем в спелый рот,
проснись ко мне
и вплавь проснись и вброд.
и разбудить меня не бойся так,
пускай будильник сам себе тик-так.
а мы с тобой на мягком и в тепле,
и ниже плеч и выше плеч и плед
сползает клеткой на прохладный пол:
«вы сами без меня согреты, мол.»
и утро ловит нас в свои силки:
«опять они проснулись и близки!»
и дел сто дел и чайник ждёт и душ,
и я твой куш и ты мой сладкий муж
уже идти готовы босиком
на кухню за зовущим нас котом.

ИРИНА РЫПКА. я ли тебе не ялик

я ли тебе не ялик сон твой и колыбелька
яблоки опадали сахарные поспели
вихри над нами охры шелесты под ногами
ахи и охи вздохи всё что случилось с нами
город сусальным золотом выкрашен в этот месяц
я ли тебе не лада мир под ладонью тесен
пахнет домашним хлебом мятным имбирным чаем
я ли тебе не ева та что была вначале

АЛЕКС ТРУДЛЕР. третий лишний

когда года светили театрам
и небо уравнения решало
о прочном равновесии вещей
плодились комментарии вселенной
пародии на черные измены
комедии со вкусом кислых щей

сидела плотно публика в партере
снимали труп поэта в англетере
и режиссер командовал мотор
валились в кучу люди кони люди

простые люди без каких-то судеб
таящие в глазах немой укор

газетной полосы припухли веки
ещё полны водою были реки
ещё зияли окна чистотой
и улыбался каждый третий лишний
держась за сердце или за булыжник
придавленный коломенской верстой

как это было всё неоспоримо
в кругу друзей из иерусалима
читался бред высокий как с листа
потом все развалилось одичало
и новый день оттачивал устало
на куполах созвездие креста

и ты промок собрав в котомку чувства
потомок безыдейности искусства
и предок виртуальных площадей
где шум утих и на подмости вышел
как из народа гамлет третий лишний
оставшийся последним из людей

АЛЕКС ТРУДЛЕР. гордей

за пределы метёт, заливаает округу погодой,
целлюлитное небо свисает узлами дождей.
разрубает узлы по ему лишь известному коду
аритмичный подагрик – гордей.

череду голосов провожая подкожною дрожью,
он бредёт вдоль толпы по одной из нехоженых троп.
под лучами весны он от холода скуки скукожен
и меняет количество стоп.

грязь мараает лицо – это время садится в карету.
тяжело? тяжело! не укрыться. ни в лес. не свернуть.
время тянет вперёд по руке, по удару, по метру –
вот ещё! вот немного! чуть-чуть!

половина знакомых застряла на сломанной строчке,
половина друзей провалилась под ноги чужим,
но прямая кривой не всегда выходила короче,
и не слаще отечества дым.

черновой вариант получился похожим на правду –
и свеча догорела, и ногу от марша свело.
но не ропщет гордей и на людях картинно картавит,
продвигаясь за новым узлом.

АЛЕКС ТРУДЛЕР. напиши мне письмо

не на шутку встревожен и смят –
почему неподъёмной падучею
память детства с макушки до пят
так меня многоточливо мучает?

и, зажатый в тисках болтовни,
память я измеряю провалами,
ты письмо мне по-русски черкни –
пару строчек словечками малыми:

«я жива. у меня всё о-кей.
мир вокруг исторически вертится.»
только давит на сердце сильнеей
в небеса устремлённая лестница.

и молчание прошлого зря
колет пальцы цыганской иголкой –
на слетающий лист октября
я, как ворон, угрюмо пощёлкаю.

ты не пишешь, я тоже устал,
мы так заняты разным и разными,
вот и памяти старый портал
мы закрыли, чтоб души не шастали

за улыбкою первой зари
в полосу озорного мальчишества.
напиши мне письмо и соври,
что тебе почему-то не пишется.

АЛЕКСАНДРА ГЕРАСИМОВА. поговори со мною дворник

поговори со мною дворник
смети в холщовый тюк листву
смотри пускает небо корни
в суглинок пара на мосту

трамвая нет
и ходят тени
промеж продрогших с ночи рельс
как очертания растений
случайных в вечном пустыре

вчера был снег
ты слышишь дворник
ссыпалась манная крупа
так тропы от листвы не торны
так изморозь в ветвях крута

так беспокойно отчего-то
так неприютна синева

и путь трамвайный незаштопан
и ветка синяя мертва

тогда пешком
а ты не балуй
туман все реже на мосту
сверкает рельс
скрежешут шпалы
трещит тугой холщовый тюк

АЛЕКСАНДРА ГЕРАСИМОВА. роился снег под лампой

роился снег под лампой
ночь меня вела
по нескончаемым чернеющим тоннелям
в воскресный полдень
где черёмуха бела
и скрип качели

там улей жалился и кожу жёг репей
и дребезжала помпа скважины вполслуша
и на арбузный дух всё слаще и смелей
летела муха

там будто слышалось и виделось едва
как в кадке ссохшейся расплёскивались сливы
и как закатывала мама рукава
неторопливо

ночь уводила след
переплетая в жгут
пути домой
снег сыпал непреодолимо
я ускоряла шаг
– меня к обеду ждут –
стыл чай с малиной

я пропускала час и отпускала год
из обезволено раскрывшейся ладони
и клочок скважинных разверзнувшихся вод
тишал в бидоне

всё замолкало вновь –
колодец и оса
терялись в снежной пыли контуры и канты
лишь над завьюженной рябиной нависал
свет лампы

АЛЕКСАНДРА ГЕРАСИМОВА. бог дал мне всё

бог дал мне всё
скрип валенок о снег
и остроту заточенных салазок
анютиных проклюнувшихся глазок
прищур и смех

и были два несорванных в саду
созревших в позднем вечеру объятая
и шелест одноразового платья
и рот в меду

потом ещё стихи в аэропорте
шипучее к прибытию вино
и было мне смешливо и хмельно
не по погоде

и что ещё? и как я назову
неведомую голосу разлуку?
бог дал мне – неотплаченному другу –
охапку слов как ветку соловью
произнесу и бережно совью
в венок их туго

ОЛЬГА КОРЗОВА. По снегам осторожно ступая...

По снегам осторожно ступая,
проминаю дорогу вперёд,
а зима вслед за мной замедляет
и тропинку, и лето, и год,
словно лепит пространства иные,
где не будет случайного дня,
и тревожно былинки сухие
из-под снега глядят на меня.
Их пугает неясная доля –
переход в угасание, в тьму.
Чтобы зря не тревожилось поле,
наклонюсь и его обниму.
Буду гладить ладонями травы,
не расстанемся – корень один.
Не увёл меня век мой лукавый
от любимых российских равнин.
Ты со мной, моя вольная воля!
Угасает закат в облаках.
Дремлет поле, бескрайнее поле,
как младенец, на женских руках.

ОЛЬГА КОРЗОВА. О Тихоне земля смиряет ход

О Тихоне земля смиряет ход,
задрёмывают травы и овраги,
и птица звонко петь перестаёт,
и слово медлит вызреть на бумаге.

К макушке лета тянется июнь,
но шар затих, бока на солнце грея.
На одуванчик ночи белой дунь,
не то застынет время, как в музее.

Пусть шевельнётся, двинувшись вперёд,
гонясь за улетающим рассветом.

Земля пойдёт – и человек пойдёт
дышать июльским воздухом, согретым

желанной сенокосною порой,
где звон косы на дальних перелогах
сливается с вечернею зарёй
и ставят стог, как будто славят Бога.

ОЛЬГА КОРЗОВА. Кузнечик

Я этим летом радостно живу,
единым днём, как раньше не умела.
Бросаюсь за кузнечиком в траву,
в малинник забираюсь то и дело.
Прости меня, любимый старый дом!
Едва ли разберу твои завалы,
беседуя с весёлым воробьём
и замирая над цветочком алым.
Ленивица, мотовка тёплых дней,
счастливая, в песчинках вся, под вечер
иду домой, а на двери моей
сидит горчичный маленький кузнечик.

ЛЮДМИЛА КАЛЯГИНА. Водовозное

Счастье просто и беспородно, если выберет – то само.
На обиженных возят воду, на волшебниках – эскимо.
Водовозы усталым шагом измеряют пути в длину:
Каждый тащит свою баклагу, даже, может быть, не одну.
Ничего никогда не поздно, если выберут – то тебя.
Кто-то щедро насыплет проса зимним встрёпанным голубям.
Это каждому, это даром. Не пугайся, не потеряй...
Серебром отливают старым под ногами приборный край.
Безотчётной тревогой мечен, безотчётным восторгом пьян,
Отцветает багряный вечер, зачерняется по краям.
Тени резче, острее инстинкты. Тянет сыростью из лошин.
Солнце валится в паутинку, паутинка слегка трещит.
Солнце грузом чужого смысла оседает в густой пыли...
Дай-ка вёдра и коромысло: воду нынче не привезли.

ЛЮДМИЛА КАЛЯГИНА. Стихийное

если(когда) коснуться узнать обнять
свет одиночество тёплое на губах
время Огня это будет время Огня
глина узор отпечаток клеймо судьба

если(когда) поверится отболит
след на песке и дорога и пыль и прах
время Земли это будет время Земли
корни побеги соки надрез кора

если(когда) взвихрит полыхнёт костром
 искра звезда неизвестность движенье штор
 время ветров это будет время ветров
 воздух движенье небо дыханье шторм

если(когда) потянется влажный дым
 листовенно пряно под корень до дна дотла
 время Воды это будет время Воды
 дождь и река и лодка и без весла

ЛЮДМИЛА КАЛЯГИНА. Карандашное

Здесь на часах всегда «потом» и у посуды лёгкий крен.
 Мой первый внук рисует дом и море у смолёных стен.
 Как хорошо, что есть у нас запас цветных карандашей!
 В его мирке всегда «сейчас» – простая мудрость малышей...

Невесткин очерк пухлых губ, от сына – тёмно-чайный взгляд.
 Мой мальчик ласков и неглуп, и в чём-то, кажется, талант:
 Он помнит зыбкий облик сна и создаёт его портрет,
 Он дарит морю имена и ветру говорит «привет»,
 Он полагает цвет живым, он знает лучше и полней,
 Как много алой синевы в зелёной пенистой волне...

Важнейших дел числом под сто у неуёмного внука:
 Возиться с кошкой и котом, кормить корову и бычка,
 Смеясь, ловить дрожащий луч на гладко струганом бревне,
 За отраженьем мягких туч следить в неверной глубине.

Пока плывёт надёжный дом с чудным названием «ковчег»,
 Я с внуком говорю о том, как шли дожди, как падал снег,
 Как чёрно-белая зима писала мелом на стекле,
 Как люди строили дома на твёрдой ласковой земле,
 Как зрели яблоки в садах, как цвёл каштан, как вился дым,
 Как в ручейках текла вода с дрожащей искоркой звезды.

Я расскажу, чтоб ты узнал, наследник сгинувших веков,
 Что мир теперь, смолён и мал, плывёт беспечно и легко
 В румяно-яблочный рассвет, упруго слушаешь руля...
 ...что прежней жизни больше нет.
 Нам рисовать её с нуля.

ИГОРЬ ГОНОХОВ. Шерочка и Машерочка

Вплывают в окно, проходят сквозь занавески.
 Постепенно оказываются собой.
 Немного меняется цвет, наводится резкость –
 Шерочка становится прозрачно-чёрной, Машерочка становится голубой.

Умерли, но здесь остались, пленительны и летучи.
 Что-то не пускает их в небесный трамвай.
 Строятся предположения. Давно уже собрана тучева хуча.
 Но читателю чего-то позабористей подавай.

Один историк говорит: они ведьмы, их родина – Салем.
 Другой – лесбиянки, а воспитал их – де Сад.
 Шерочка шипит: идиоты, как они забодали!
 Машерочка показывает призрачный, но очаровательный зад.

Перчика и клубнички хочет развратный читатель.
 Но всё, что написано в книгах – чистейшей воды обман.
 Были они поэтессами, ходили в невиданных платьях.
 Звали их – неразлучницы, а внутри у них лежал океан.

Не помещалось счастье ни в океане, ни в ароматах сирени.
 Девушкам не хватало человеческого языка.
 Их ломало от невысказанности, хотя остальным было до фени
 откуда эти завораживающие сюжеты, фиолетовые берёзы, зелёный закат.

Шерочка и Машерочка, приветствую вас. Понимаю
 былые дикие шалости, странности, экстравагантный вид.
 Люди, выбросьте грязные домыслы, не лезьте в двойную тайну.
 Когда-то найдётся тот самый читатель, а Бог... а Бог их простит.

ИГОРЬ ГОНОХОВ. Куст

Зачерпнёшь горячую воду руками,
 а вода покажется ледяной.
 Так и чувства, при очень сильном накале
 поворачиваются мертвенной стороной.

Когда страсть приближается к высшей точке,
 то сам становишься почти мертвецом.
 И, если в душу загнать заточку –
 боль не изменит лицо.

Я давно обитаю с изнанки взрыва,
 в открытой ране, в кровавой норе.
 Цветущий шиповник от ярких нарывов
 лихорадит на обезлюдевшем пустыре.

Но моё обиталище не сравнится
 со страстью такой, которой не важен объект.
 Законченные поэты, как и серийные убийцы –
 любимый её обед.

Точно в Хрониках Риддика всё проглотит
 огненный ветер боли (прекраснейшее из искусств).
 И останется костяной, изувеченный куст
 с тлеющими ошмётками человеческой плоти...

ИГОРЬ ГОНОХОВ. Коробок

Когда-то подростком ехал на электричке,
 смотрел в окно.
 За окном пробегали: деревянные домики
 и здание с надписью «сельсовет».
 Опускался вечер и, хотя ещё не стало темно,
 кое-где за жёлтыми шторами уже зажигали свет.

Кто обитал за жёлтыми шторами? Я не знал.
 Но, казалось, я понимаю их мысли, осязаю их быт,
 вижу трюмо, наполненный пуговицами бокал,
 отпечатки былых радостей, окарины старых обид.

Потом вагон остановился. Я увидел безлюдный перрон.
 Там лежал коробок из-под спичек.
 На ограду перрона навалилась цветущая бузина.
 За всем этим чудились, мнились, проглядывали:
 тяжелая черная пластинка (Иоганн Штраус «Цыганский барон»),
 драки в школе, библиотека приключений, Луи Буссенар.

Не моё детство проглядывало, не моя жизнь ломилась ко мне.
 Но глубже, под жизнью, лежала тьма,
 какой-то вселенский изгиб:
 мёртвый космос, царство проплывающих камней,
 пустота испаряющихся и пахнущих серой, ледяных глыб.

Всё проникало во всё и всё существовало во всём.
 Гудел от избытка информации даже пустой коробок.
 И когда в воздухе проявлялся и подходил ближе
 дух стихотворения Басё,
 я понимал, что одиночества нет, но каждый отчаянно одинок.

МИХАЛИНА ДИКОВИЧ. Луна во мне

Луна во мне –
 сургучная печать.
 Не справятся изнеженные пальцы.
 До исступленья хочется молчать,
 молчать
 и никогда не просыпаться.

Луна на дне
 семейного пруда –
 потерянная денежка в кармане:
 нащупаю –
 и встанет череда
 моих и не моих воспоминаний.

Сквозь тишину протянется лоза
 поверх всё расширяющихся трещин –
 и вновь меня закружат голоса
 прекрасных, сильных
 и несчастных женщин.

Из глубины,
 из самых чёрных вод,
 с той стороны дурного зазеркалья –
 луна внутри
 спадает и растёт
 упрямо,
 тяжело,
 маниакально.

Ни отпустить –

ни вырваться самой.
 Ежевечерний невозможный подвиг –
 смотреть на свет и чувствовать:
 со мной
 всё хорошо...

Но кто же будет подле,
 когда опять поднимется со дна
 луна?

МИХАЛИНА ДИКОВИЧ. Скрипачка

Т. Л.

Когда-то у Лины были огромные залы,
 бесспорный талант и волшебная скрипка Амати.
 Едва ли кто понял, зачем она вдруг сказала:
 «Пожалуйста, хватит!»

Едва ли кто слышал, прозрачный финал профукав,
 как мир под смычком незаметно, но явно треснул:
 так много фальшивых улыбок, друзей и звуков –
 что больше неинтересно.

Амати вернулась в родную свою Кремону.
 В письме прилетело: «Grazie, Violina!» –
 у мастера Пьетро, прославившего неугомным,
 играют четыре сына,

и – вроде – второй обещает стать знаменитым...
 а Лина теперь выступает на перекрёстке.
 Смешной пяточок, дождям и ветрам открытый,
 отныне – её подмости.

Она поднимает руки в привычном жесте
 (пусть нет инструмента больше – волнение то же).
 Невидимый взгляду, нервный смычок трепещет,
 и струны внутри всё тоньше.

Случайный прохожий думает по ошибке:
 «Такая худая – хоть пару монет на ужин...»
 Но Лина ворчит, не глядя: «Опять фальшивки!» –
 швыряет их прямо в лужу.

Умы в магистрате задумчиво репы чешут:
 – И что нам с ней делать – никак не сообразим мы!
 – У каждого города собственный сумасшедший.
 Скрипачка – отличный символ!

Проходят недели, годы, идут туристы.
 И лишь горожане сердито несутся мимо:
 «На что тут смотреть? Хотя бы одета чисто...
 Нелепая пантомима!»

Но вдруг раздаётся, небесного пенья краше:
 «Ну, мама! Постой! Неужели не слышишь – Моцарт!..»

И скрипка летит, захлёбывается в пассаже –
и, наконец, смеётся.

МИХАЛИНА ДИКОВИЧ. Это такая особая глухота

Это такая особая глухота:
Ты умираешь – а я не чувствую ни черта.

Вот же отличный повод – за стыд и страх
Хоть бы лезгинку сплясать на твоих костях!

Где твоя сила? Плюнул да и растёр!
Шанс отомстить за себя и за всех сестёр,

Что затаюсь, с изуродованным нутром,
Жили годами с лезвием под ребром.

Но ни вражды, ни жалости – ни хрена!
Это другая, особенная война.

По миллиметру вытаскивая нож:
«Ты не убьёшь меня! Не убьёшь меня! Не убьёшь!»

Ты не заставишь солнце уйти с небес.
Ты слишком глуп, чтоб меня подчинить себе.

С тех самых пор, как вырвалась из кольца,
Я не узнаю в толпе твоего лица.

Как ни глумись, но во мне тебя просто нет.
Я не держу. Если пустят – лети на свет.

ЯНА-МАРИЯ КУРМАНГАЛИНА. в кафетерии...

в кафетерии пахнет цукатным хлебом запах кофе тонок как органза
я сажусь под плакатом наоми кемпбелл переждать покуда шумит гроза

вызревающий вечер обметан синью а напротив у стойки где ярок свет
золотистая девушка в джинсах скинни улыбается парню в бейсболке ред

за окном в отдалении звенит столица разбиваются капли искрят вразлет
и горчит в стакане моем корица а у них в бокалах темнеет лед

но когда отгремят в водостоках реки время выйдет за мною в дверной проем
где мерцает воздух как платье бейкер а они останутся здесь вдвоем

ЯНА-МАРИЯ КУРМАНГАЛИНА. над аллеями...

над аллеями дым горьковатый и едкий
за деревьями в небе плывут этажи
обескровленный лист отмирает от ветки

но с последнею силой
цепляясь дрожит

угасают цветы завернувшись в бутоны
чтоб сберечь в сердцевине немного тепла
и кусты у дороги в молчании тонут
сберегая от ветра
сухие тела

нет печальнее смерти что краски разбудит
под завесу осенней тоски осевой
так когда умирают красивые люди
видеть их угасанье
страшнее всего

ЯНА-МАРИЯ КУРМАНГАЛИНА. в темноте ворочаясь...

в темноте ворочаясь и вздыхая
ненадолго выбравшись из сети
он плывет внутри своего шанхая
на ведущей лодке из десяти
он плывет в закатные волны вброшен
как пророк влекущий к себе толпу
длинный шест распугивает рыбешек
в глубине течения хуанпу
над водою мутной ложится низко
желтый смог и в легких горит как яд
достигая берега сан-франциско
где уже закончился листопад
и проснувшись утро во рту катая
под сигналы почты голосовой
он глядит из внутреннего китая
в облака осенние над москвой

АЛЕКСАНДР КРУПИНИН. Пунцовый филин

Ночная дача. Тярлево. Мясковский.
Приёмник Селга. Летняя гроза.
Далёких революций отголоски.
Симфонии совиные глаза.
Резвятся Са іга и Карманьола,
Стекает в Сену кровь мадам Вето.
Секунда тишины, и скрипка соло
Тихонько плачет: «Pourquoi? За что?»
Ван Херк, пунцовый филин, над Брабантом
Кружит, кружит четвертый век подряд.
Звучат виолончель и барабан там –
Они о чём-то страшном говорят.
Кипит Нева, широкая, как Схелде,
И вряд ли повторится всё, как встарь.
Хабалов плачет в трубку – не сумел-де,
«Всё рушится. Измена, Государь».
О, город мой – соцветье амаранта.
Солдаты, бабы, флаги, карнавал.
Великий князь выходит с красным бантом.

«Неужто мы погибли, генерал?»
 Сменяет Карманьолу Dies irae.
 Пунцовый филин завершает круг.
 А трубы громче. Скоро в этом мире
 Всё заглушит тяжелый трубный звук.
 Под песню Хорста Весселя в Берлине
 Проводят физкультурники парад.
 Там Гитлер принимает Муссолини.
 А впереди Дюнкерк и Сталинград.
 Горят покрышки. Города в руинах.
 Вздыхает тихо ми-бемоль минор.
 Неслышно входят БУКи в Украину.
 Всё кончено. Звучит финальный хор:
 «Что мы видели?
 Диву дивную,
 Диву дивную
 Телу мёртвую.
 Как душа-то с телом
 Расставалась,
 Расставалась
 Да прощалась.
 Как тебе-то, душа,
 На суд Божий идить,
 А тебе-то, тело,
 Во сыру мать землю».

АЛЕКСАНДР КРУПИНИН. это путь на калище

Александре Герасимовой

это свет поездов зеленеющих скал
 это путь на калище сестра сестра
 это красное око ночное кого оно ищет
 там на рельсах где отблески чёрных следов
 где всё после всё после а может быть до
 мы с тобою сестра по пути на калище

там базальтовый угольный блеск черноты
 там кроты вылезают на землю кроты
 вылезают из нор сокровенных и воют как волки
 там свекровь твоя косы стоит распустив
 её руки обуглены взгляд её крив
 нету слов у неё как и в жизни одни недомолвки

по пути на калище не видно ни зги
 там по шпалам шакалом шаги шаги
 там цепочкой неровной идут восемнадцать
 эти люди идут кадыки теребя
 чуют запах кого-то быть может тебя
 но не надо бояться сестра но не надо бояться

только час до рассвета сестра сестра
 белокрылый вернётся на плечи с утра
 из китая из рая из сада я знаю
 там снегами покрыта гора цзинганьшань
 Там метели в июле шевелят герань
 там вода как слюда ледяная

слушай слушай сестра это аккордеон
будто отзвуки песен ушедших времён
долетают копытом забытым по рельсам
среди красных огней среди воя кротов
это алик тебе говорит мазал тов
или что-то ещё по-еврейски

АЛЕКСАНДР КРУПИНИН. Музыкант Сергеев в Нью-Йорке

Для любого джазмена весь мир – задворки,
Есть только одна столица у джаза – Нью-Йорк.
В конце концов Сергеев оказался в Нью Йорке,
Вряд ли ощутив при этом особый восторг.

У него были жёлтые от многолетнего курения зубы,
Болело сердце, мучал застарелый гастрит.
По вечерам он играл на саксофоне в известном клубе
В даунтауне, на Леонард-стрит,

Познакомился с Фрэнком Лондоном и Джоном Зорном,
Создал несколько ярких тем.
Звёзды джаза отнюдь не считали зазорным
Пригласить Сергеева на совместный джем.

Но чувствовал себя, по-настоящему, плохо.
Как может быть плохо разве что кораблю на мели.
Бывало, остановится посреди какой-нибудь улицы в Сохо
И шепчет «Киса, Киса» или «Сяо Ли, Сяо Ли».

Музыкант ненавидел своё жилище,
Там повсюду валялись диски, нестиранные рубашки, носки.
Он мало заботился о сне и пище,
Часами сидел на кушетке и страдал от тоски.

И только в клубе, играя «Блюз бесконечной дороги»,
Он забывал о болезнях, одиночестве, неизбежном конце.
Он снова был молод, и рядом были немногие,
Способные разгладить морщины на постаревшем лице.

Он снова сбегал от жены своей – ведьмы рыжей,
Тайком в туалете менял на франки рубли
И гулял без конца по весенним бульварам Парижа,
А с ним была Сяо Ли. Сяо Ли...

В этом блюзе было солнце и бесконечное лето,
И такая радость, в сравнении с которой всё прочее – хлам.
На плече сидела Киса и мурлыкала «Nothing else matters»,
Изредка спускаясь по неким важным делам.

В этом блюзе не было времени, там вечность царила,
Не исчезала бесследно в Париже его Сяо Ли,
Он не вырывал ногтями, копая для Кисы могилу,
Комья каменистой пиринейской земли.

Пока он играл, отступала тупая боль в средостении,
Жизнь брала, как пушистая белка, хлебные крошки из рук.

Музыканты уже расходились, а он всё стоял на сцене
И не мог от губ оторвать мундштук.

ЕВГЕНИЯ КОСТЮКОВА. слово и слова

-1-

каждый его распинал: «уходи»,
думая «не уйдёт».
все оправдания «один, един...»
бьются о книжный лёд
рыбами, что разучились петь,
но продолжают жить,
чтобы заполнить собой пробел
на сковородке лжи.

-2-

свобода смотрит на воробушка
и шепчет ласково: «орёл».
живи-живи, моя хворобушка,
пока трамвайчик не пришёл.
пока рассвет наточит ножики,
питайся светом фонарей.
люби-люби, моя хорошая,
кого-нибудь погорячей.

-3-

что может быть нежней пчелы,
звенящей в горле?!
гори, гори звезда полынь
слепцам на горе.

вода давно уже горька,
а пьют не морщась.
моя река, твоя река –
кому-то помощь.

моя трава, твоя трава –
кому-то правда.
уходит в землю караван
по шатким датам.

но вот затренькает трамвай
в страстную среду
и пассажирами слова
в туман уедут.

-4-

он говорил: «встань и иди».
я вставала, шла.
он окрестил: «ты – без рифмы стих».
я верила, что бела.
он убеждал: «ты – можешь».
и я, словно мул, могла.
он что-то кричал из ложи,
наверно, «люби, гала!».
другие рукоплескали,
он прятал обрубки крыл.

я стала немую сталью,
а он говорил, говорил...

-5-

лохматые твари выходят из леса,
бредут по горячей траве.
бессонные бесы готовы зарезать
любого в моей голове,
кто бьётся в тоске о стеклянные стены,
кто хочет со мной говорить.
я этих зверей задушу непременно,
как только умрёт алфавит.

ЕВГЕНИЯ КОСТЮКОВА. две стрекозы, сплетённые любовью...

две стрекозы, сплетённые любовью, похожи на космический корабль.
мне мнится: дуновение любое их разлучит – на завтра и вчера.
я замерла в молитве бессловесной. не заставляй молчащих говорить,
о, буревестник триединой песни, гори, гори да освещай наш ринг.
он тёмн, мал, но кровушки хватает. собаки брешут правду о гостях.
гуляет крон под кронами китаек... так не уходят! верю, что простят,
там, где живут галактики на полках, где море помнит нас не до поры,
где камешки, как яйца перепёлки, округлы, восхитительно пестры.

ЕВГЕНИЯ КОСТЮКОВА. голос

-1-

луна, пятнистая корова,
уткнулась мордою в окно.
да, в этом мире всё не ново,
но вкуса-то не лишено.
мычание ещё не слово,
а боль (начало языка).
мычи созвучия, корова,
тучней нагуливай бока.

-2-

ветер шептал, напоследок сорвался на крик:
дерево, хватит балакать на птичьем наречье.
корни, побеги – вот сила, о них говори,
на языке своём вечном.

столько живительных соков поют под корой!
стройте, скитальцы, коня и корабль одиссея.
голос теряется, но возвращается вновь,
только намного сильнее.

По алфавиту

A...Z

[EYE LEGALIZE. сотворение войны](#)
[KOUKKET. Санторини](#)
[N. REBER. Отсутствие абсцисс и ординат...](#)
[OLEN \(ОЛЬГА ГУЛИНКИНА\). Неважно где](#)
[VALERI. Калинов куст](#)

A

[АЛЕКС ГРИИН. Сорвусь](#)
[АЛЕКС ТРУДЛЕР. вечная жизнь](#)
[АЛЕКС ТРУДЛЕР. гордей](#)
[АЛЕКС ТРУДЛЕР. напиши мне письмо](#)
[АЛЕКС ТРУДЛЕР. Рубашка](#)
[АЛЕКС ТРУДЛЕР. третий лишний](#)
[АЛЕКСАНДР ГАБРИЭЛЬ. Сценарий](#)
[АЛЕКСАНДР ДЕЛЬФИНОВ. Нигилист](#)
[АЛЕКСАНДР КРУПИНИН. Музыкант Сергеев в Нью-Йорке](#)
[АЛЕКСАНДР КРУПИНИН. Пунцовый филин](#)
[АЛЕКСАНДР КРУПИНИН. Человек, побывавший однажды в городе N](#)
[АЛЕКСАНДР КРУПИНИН. это путь на калище](#)
[АЛЕКСАНДР ПЕТРУШКИН. Наконец-то нельзя...](#)
[АЛЕКСАНДР ПЕТРУШКИН \(СИБИРСКИЙ ВОЛК\). Остров](#)
[АЛЕКСАНДР ПЕТРУШКИН \(СИБИРСКИЙ ВОЛК\). Подкидыш](#)
[АЛЕКСАНДР СПАРБЕР. Степное](#)
[АЛЕКСАНДРА ГЕРАСИМОВА. бог дал мне всё](#)
[АЛЕКСАНДРА ГЕРАСИМОВА. ещё в прихожей загорится свет](#)
[АЛЕКСАНДРА ГЕРАСИМОВА. мёд зачерпни порежь имбирь наполни чашку чаем](#)
[АЛЕКСАНДРА ГЕРАСИМОВА. поговори со мною дворник](#)
[АЛЕКСАНДРА ГЕРАСИМОВА. роился снег под лампой](#)
[АЛЕКСАНДРА ИНИНА. Зимнее](#)
[АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВ. postfactum](#)
[АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВ. последний автобус](#)
[АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВ. провинция](#)
[АЛЕКСЕЙ МИРОНОВ УРАЛ. Путь на Цикломену](#)
[АЛЕНА БАБАНСКАЯ. чашка](#)
[АЛЁНА АСЕНЧИК АЕФ. Не навсегда](#)
[АЛЁНА АСЕНЧИК АЕФ. Четвертый рим](#)
[АЛЬБЕРТ ЭМ. Лёнька](#)
[АМИРАМ ГРИГОРОВ. Когда пройдет полстарости...](#)
[АНАСТАСИЯ СПИВАК. Люди-львы](#)
[АНДРЕА БИЧЕЛЛИ. в зачатке](#)
[АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ АНДРЕЕВ. Веди меня, холодная звезда...](#)
[АНДРЕЙ БЕРДЗЕНИШВИЛИ. Я – новенький, блестящий пистолет...](#)
[АНДРЕЙ МАРТЫНОВ СЛОВО. Жили-были](#)
[АНДРЕЙ МАРТЫНОВ СЛОВО. здесь не водится чудь](#)
[АНДРЕЙ МАРТЫНОВ СЛОВО. ничего не надо](#)
[АНДРЕЙ МАРТЫНОВ СЛОВО. я жил как все](#)
[АНДРЕЙ ФАМИЦКИЙ. никто](#)
[АННА АКЧУРИНА. Кропит наскальный часослов](#)
[АННА ГЕДЫМИН. Грохот. Крики...](#)
[АННА ДЭ. внутри меня прозрачно](#)
[АННА ДЭ. там, где русалки выходят играть на речную мель...](#)

[АННА ПОПОВА. Страница](#)
[АННА-МАРИЯ СИТНИКОВА. Речное](#)
[АНТАНАРИВУ. гладиолусы](#)
[АРСЕНИЙ Ж-С. Smoky fog](#)
[АРСЕНИЙ Ж-С. Двадцать четыре](#)
[АРТУР ЛЕОНИДОВИЧ ИСАКОВ. Без названия](#)

Б

[БАЙ-ГО-ФУ. Сонет с посвящением...](#)
[БЕРТА ЛУЧЕВА. misanthropическое летнее](#)
[БЕРТА ЛУЧЕВА. июль](#)
[БЕРТА ЛУЧЕВА. середина августа...](#)
[БОРИС ГРИНБЕРГ. Эмоциомы часть 1](#)
[БОРИС КУТЕНКОВ. И вот мне приснилось, что нет украинской войны...](#)
[БРАЗЕРВИЛЛЬ. Горизонталь](#)
[БЭЗИЛ СМИТ. Выходишь покурить в обледенелый](#)

В

[ВАДИМ ГРОЙСМАН. Загрей.](#)
[ВАДИМ ЗАВАРУХИН. Пока еще открыты окна](#)
[ВАЛЕНТИН ЕМЕЛИН. Бусы](#)
[ВЕРОНИКА СЕНЬКИНА. Там стоят фонари...](#)
[ВИКТОР КАЛЬСИН. Мать говорит...](#)
[ВИКТОРИЯ КАЧУР. дежавю](#)
[ВЛАД МАЛЕНКО. Дом](#)
[ВЛАДИМИР ПАУКЧТО. В ночном](#)
[ВЛАДИМИР СОРОЧКИН. Деревянный мальчик](#)
[ВЛАДИМИР ЦЮПИН. Черный Воронов](#)
[ВЛАДИСЛАВ ДЕКАЛОВ. И тогда, оказавшись по разные стороны...](#)

Г

[ГАЛИНА ИЗЗЬБЕР. Воспоминание о коллекции](#)
[ГЕВОРК. Память сердца](#)
[ГРИГОРИЙ БЕРКОВИЧ. Если можно из бумаги](#)

Д

[ДАНА КУРСКАЯ. Крысоловка](#)
[ИАНА РЫЖАКОВА. Сука-любовь](#)
[ДИМА. Мне что-то хочется сказать...](#)
[ДМИТРИЙ БЛИЗНЮК. Красный лес](#)
[ДМИТРИЙ БЛИЗНЮК. супер наив](#)
[ДМИТРИЙ МЕЛЬНИКОВ. Он шёл за стайкой тоненьких девчат](#)
[ДОКТОР НО. битва](#)
[ДОЛГУШИН АЛЕКСАНДР ВЛАДИЛЕНОВИЧ. Расклеенный мир](#)
[ДОМ АСТРЕЛИ. Кукольное чаепитие](#)

Е

[ЕВГЕНИЯ КОСТЮКОВА. голос](#)
[ЕВГЕНИЯ КОСТЮКОВА. две стрекозы, сплетённые любовью...](#)
[ЕВГЕНИЯ КОСТЮКОВА. слово и слова](#)
[ЕВГЕНИЯ УЛЬЯНКИНА. Менора](#)
[ЕЛЕНА БОРОДИНА. Колесо](#)
[ЕЛЕНА БОРОДИНА. Подсолнухи](#)
[ЕЛЕНА БОРОДИНА. Сны](#)
[ЕЛЕНА КАЦЮБА. Дождь на Ивана Купалу](#)
[ЕЛЕНА ТАГАНОВА. Живая](#)
[ЕЛЕНА ФЕЛЬДМАН. Суд](#)
[ЕЛЕНА ШИЛОВА ЛЕАНА. Гамельнское](#)
[ЕЛЕНА ЭЛЕНТУХ. Антоновка](#)
[ЕЛЕНА ЭЛЕНТУХ. Рыбарь](#)

Ж

[ЖЕЛЕЗНАЯ КНОПКА. Окна смотрят на север](#)
[ЖЕНИС КАЗАНКАПОВ. А ты идешь...](#)
[ЖЕНИС КАЗАНКАПОВ. Ее лицо...](#)

[ЖИЛЬ ДЕ БРЮН. еретик](#)
[ЖИЛЬ ДЕ БРЮН. с войны](#)

З

[ЗЕМСКОВ АНДРЕЙ. На пересылке во Владивостоке](#)
[ЗИНАИДА ПАЛАЙЯ. Повремени](#)
[ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ. Шима Онейда](#)
[ЗОЯ БОЧИНСКАЯ. Осень](#)

И

[ИВАН ЗЕЛЕНЦОВ. Чайка](#)
[ИВАН ЛИВИЦКИЙ. de profundis](#)
[ИВАН ЛИВИЦКИЙ. небо](#)
[ИГОРЬ БРЕН. Тотем](#)
[ИГОРЬ ГОНОХОВ. Куст](#)
[ИГОРЬ ГОНОХОВ. Коробок](#)
[ИГОРЬ ГОНОХОВ. Мысли, которые приходят в голову](#)
[ИГОРЬ ГОНОХОВ. Шерочка и Машерочка](#)
[ИГОРЬ ЧУРДАЛЁВ. Пастораль](#)
[ИГОРЬ ЧУРДАЛЁВ. Слушаем птиц и ветер...](#)
[ИЗ БУРГОСА. Вершины](#)
[ИНГА СТАШЕВСКА. Посмотри](#)
[ИНЕССА РОЗЕНФЕЛЬД. Взрывная волна эмиграции](#)
[ИРГА РЯБИНА. Зелёные зайцы](#)
[ИРГА РЯБИНА. Землекоп](#)
[ИРИНА ВАЛЕРИНА. О боги, боги](#)
[ИРИНА ВАЛЕРИНА. Под циклоном](#)
[ИРИНА КУЗНЕЦОВА. Медь](#)
[ИРИНА РЫПКА. Здравствуй, Жанна!](#)
[ИРИНА РЫПКА. в деревеньку маленькую](#)
[ИРИНА РЫПКА. проснись ко мне](#)
[ИРИНА РЫПКА. прости меня...](#)
[ИРИНА РЫПКА. простынь](#)
[ИРИНА РЫПКА. я ли тебе не ялик](#)

К

[КАЛЬВИЯ КРИСПИНИЛЛА. Дания](#)
[КАТЯ СОЛДАТЕНКО. экслибрисы](#)
[КЛЕМЕНТИНА ШИРШОВА. привыкаешь к бесам...](#)
[КОНСТАНТИН КОНДРАТЬЕВ. Эпилог из книги собачья родина](#)
[КООМА. В уютном мирке](#)
[КРАСНОГЛИНЯНЫЙ ГОЛЕМ. Рельсовых неэлектрифицированных кустов...](#)

Л

[ЛАНА СТЕПАНОВА. Мцыри](#)
[ЛЁША ИСХАКОВ. От мая...](#)
[ЛИПА ЛИПОВАЯ \(ВИКТОРИЯ СМАГИНА\). коулрофобия](#)
[ЛЮБОВЬ ЛЕВИТИНА. Берта и Миша](#)
[ЛЮДМИЛА КАЛЯГИНА. Аютгайя](#)
[ЛЮДМИЛА КАЛЯГИНА. Водовозное](#)
[ЛЮДМИЛА КАЛЯГИНА. Карандашное](#)
[ЛЮДМИЛА КАЛЯГИНА. Стихийное](#)
[ЛЮДМИЛА ПОКЛОННАЯ. за творогом](#)
[ЛЮДМИЛА ЯДЪ. В полях ромашковых раздольных](#)
[ЛЮСЯ ПИКАЛОВА. nothing compares to you](#)
[ЛЮСЯ ПИКАЛОВА. люллабай](#)

М

[МАКСИМ СЕДУНОВ. Стамбул III](#)
[МАРГАРИТА АЛЬ. Ангела золотая тень...](#)
[МАРГАРИТА КРЫМСКАЯ. Соната](#)
[МАРИАННА БОРОВКОВА. На Гоголевском](#)
[МАРИНА НЕМАРСКАЯ. Там, где Ириновский проспект...](#)
[МАРИНА ЧИРКОВА. бабье лето](#)

[МАРИНА ЧИРКОВА. что это с нами](#)
[МАРИЯ ЗНОБИЩЕВА. Простая радость](#)
[МАРИЯ ХАМЗИНА. Поминальный мёд](#)
[МАША НЕ. О земле](#)
[МИТИНА ЮЛИЯ. Крестики-нолики](#)
[МИХАИЛ ГОФАЙЗЕН. За давностью времен](#)
[МИХАИЛ ДЫНКИН. Марина](#)
[МИХАИЛ ДЫНКИН. сын Адама все хочет назвать](#)
[МИХАЛИНА ДИКОВИЧ. Зимородок](#)
[МИХАЛИНА ДИКОВИЧ. Луна во мне](#)
[МИХАЛИНА ДИКОВИЧ. Скрипачка](#)
[МИХАЛИНА ДИКОВИЧ. Это такая особая глухота](#)
[МУСКАТ МААСДАМ. проявленное](#)

Н

[НАДЕЖДА ДАЛЕЦКАЯ. Нэцке](#)
[НАИЛЬ МЕЛИХАНОВ. Синица](#)
[НАИЛЬ МЕЛИХАНОВ. Физалис](#)
[НАТАЛИЯ ОСТАШЕВА. Попробуй-ка на глаз определи](#)
[НАТАЛЬЯ МАЛИНИНА. Вербное](#)
[НАТАЛЬЯ ПАНИШЕВА. Красные бусы](#)
[НАТАЛЬЯ ПЕРСТНЕВА. Бесхозное](#)
[НАТАЛЬЯ ЧЕКОВА. дзен](#)
[НАТАЛЬЯ ЧЕКОВА. Твой номер](#)
[НЕЛЯ СЕМИРЕЧКИНА. Бродяжное](#)
[НИКОЛАЙ ЛОБАНОВ \(ПАФФ ПИФФ\). Война](#)

О

[ОЛЕГ КАРПЕНКО. ***](#)
[ОЛЕГ ПАРШЕВ. Когда приходит весна](#)
[ОЛЕГ ПАРШЕВ. Торшер](#)
[ОЛЕГ ТУПИЦКИЙ. Что я хочу найти в ночном окне...](#)
[ОЛЬГА ВЕДЁХИНА. Девушка едет в метро...](#)
[ОЛЬГА ВИРЯЗОВА. Вот бы самой загадать и выбрать...](#)
[ОЛЬГА ВИРЯЗОВА. идти на свет](#)
[ОЛЬГА ДЕНИСОВА. Во сне я говорила по-монгольски](#)
[ОЛЬГА ДОМРАЧЕВА. воды твоей реки](#)
[ОЛЬГА ДОМРАЧЕВА. Рождественское](#)
[ОЛЬГА КОРЗОВА. Кузнечик](#)
[ОЛЬГА КОРЗОВА. О Тихоне земля смиряет ход](#)
[ОЛЬГА КОРЗОВА. По снегам осторожно ступая...](#)
[ОЛЬГА КОРЗОВА. По утрам тяжелеют обычные вещи...](#)
[ОЛЬГА СУХАНОВА. Монетка](#)
[ОЛЬГА СУХАНОВА. По-пёсьи ли плакать...](#)
[ОЛЬГА ХВОРОСТ. Такая вот история...](#)

П

[ПЕЛЁВИН. Ё](#)
[ПЕРЕЛЕТНАЯ БАБОЧКА. Подснежное](#)
[ПЕТРА КАЛУГИНА. Стояли, курили](#)
[ПЁТР ОВЧИННИКОВ. Квашеные Мыши](#)
[ПОЛИНА ОРЫНЯНСКАЯ. Бестолочь](#)
[ПОЛИНА ОРЫНЯНСКАЯ. Война](#)
[ПОЛИНА ОРЫНЯНСКАЯ. Оказалось так просто](#)
[ПОЛИНА СИНЁВА. варенье из всех убегает кастрюль...](#)

Р

[РИММРИСТАЯ. Говорить о себе](#)
[РИТА КРУГЛЯКОВА. Тима](#)
[РУННА. ***](#)

С

[САБИНА ЛЕНИНА. искра](#)
[САША ЛУРЬЕ. Сатурн](#)

[СВЕТЛАНА БЕЛАЯ. И вот встречаешь такого в парке...](#)
[СВЕТЛАНА НИК ПЕШКОВА. Берега обетованные](#)
[СВЕТЛАНА НИК ПЕШКОВА. Город-ловушка](#)
[СВЕТЛАНА СТИХАЧ. Дохлый номер](#)
[СВЕТЛАНА СТИХАЧ. Переезжаем...](#)
[СВЕТЛАНА ХОЛОДОВА \(ЧУЛОЧНИКОВА\). Бражник](#)
[СВЕТЛАНА ШИРАНКОВА. Городские легенды. Блуждающий дом](#)
[СВЕТЛАНА ШИРАНКОВА. Накануне](#)
[СВЕТЛАНА ШИРАНКОВА. Пристань сорока шоссе](#)
[СВЕТЛАНА ШИРАНКОВА. Страна дураков](#)
[СЕМЁН КАЦ. Воспоминание о лете сорок пятого](#)
[СЕРГЕЙ АРКАН. Августейшая ночь](#)
[СЕРГЕЙ ПАГЫН. Росой студёной, птичьим молоком](#)
[СЕРГЕЙ ПИВОВАР. цыть](#)
[СЕРГЕЙ ЧЕРСКОВ. Кошка](#)
[СМАРАГДА. Огонь!](#)
[СОФЬЯ РОЛДУГИНА. О физике и лирике](#)
[СТОЛЕТОВ. В готической пене соборов...](#)

Т

[ТАБИШЕВ КИРИЛЛ. пуговица](#)
[ТАНЯ АРСАК. Синичьи февраль](#)
[ТАТЬЯНА КОМИССАРОВА. Дунаевский](#)
[ТАТЬЯНА ЛЕРНЕР. Мёртвое море](#)
[ТАТЬЯНА ШЕЙНА. Дом престарелый даже стоял с трудом...](#)
[ТАТЬЯНА ЮРЬЕВСКАЯ. Илья](#)
[ТРОФИМОВ ВАЛЕРИЙ. Сон про Арское поле](#)

Ф-Э

[ФЛОРИАН БЛЭК. чернослив](#)
[ЧЕПУРНЫХ ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ. Полетав по холодной России](#)
[ШВЕДОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ. неизвестный сонет Франческо Петрарки](#)
[ЭЛЛЕН КАСАБЛАНКА. Истопник](#)

Ю

[ЮЛИЯ ДОЛГАНОВСКИХ. Мёд](#)
[ЮЛИЯ ДОЛГАНОВСКИХ. Невесонность](#)
[ЮЛИЯ ЛЕЩЕНКО. Море](#)
[ЮЛИЯ СЫЧЕВА. Мой ангел конвойный](#)
[ЮЛИЯ ШОКОЛ. а сейчас вылетит птичка](#)
[ЮРИЙ ОКТЯБРЁВ. Ракурс](#)
[ЮРИЙ ОКТЯБРЁВ. Всё пройдёт](#)
[ЮРИЙ СЕМЕЦКИЙ. Улыбаясь одним уголком губ](#)

Я

[ЯНА-МАРИЯ КУРМАНГАЛИНА. в кафетерии...](#)
[ЯНА-МАРИЯ КУРМАНГАЛИНА. в темноте ворочаясь...](#)
[ЯНА-МАРИЯ КУРМАНГАЛИНА. над аллеями...](#)
[ЯНА-МАРИЯ КУРМАНГАЛИНА. родиться бы над взморьем](#)
[ЯНА-МАРИЯ КУРМАНГАЛИНА. свет заходит в комнату](#)

Автор логотипа: Лилия Петренко.

Большой Литературный Клуб